

PG 3337

.M2 A6

1864

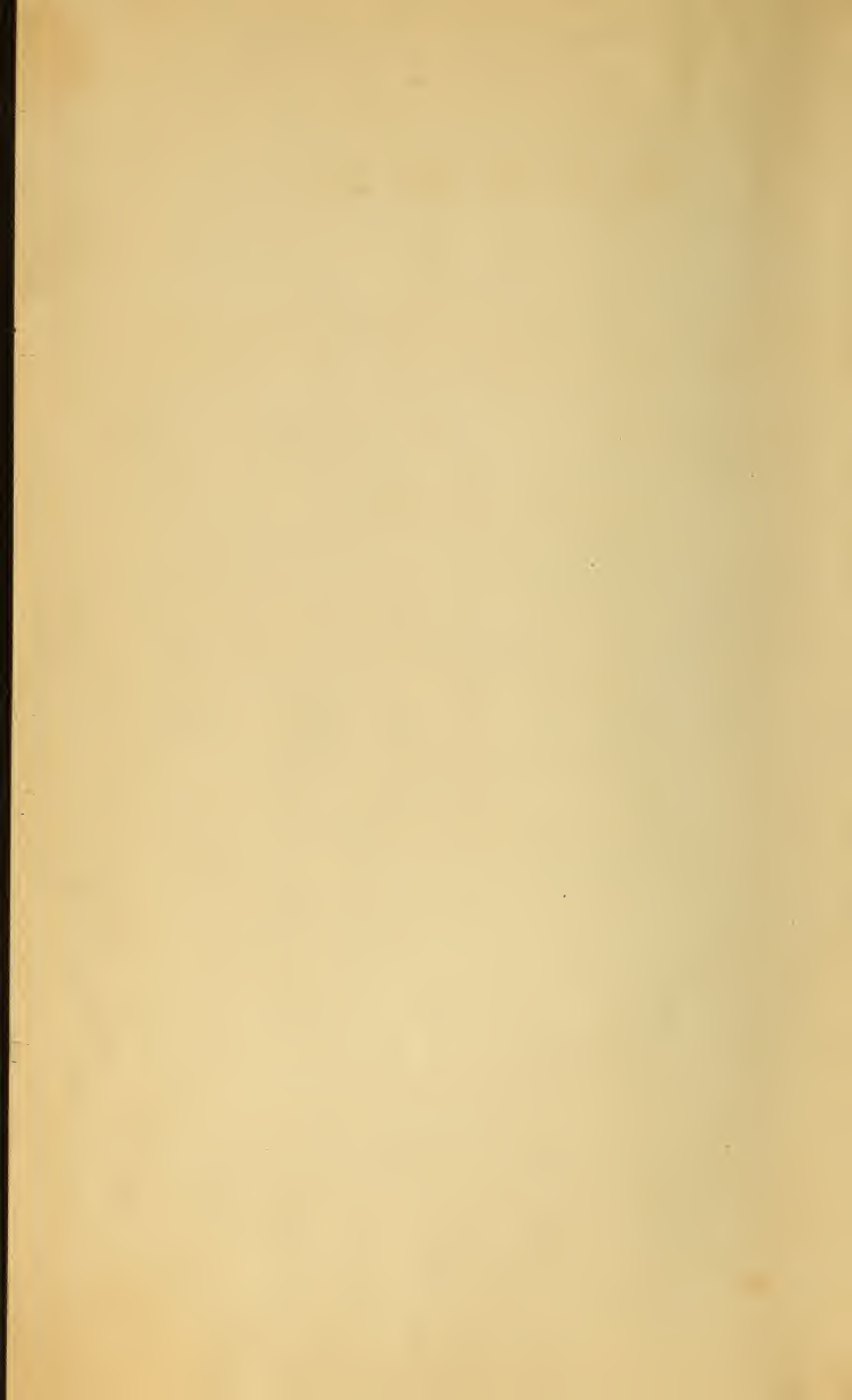
U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

Майков, А. Н.

Сыр. 162 д. 11

Н О В Ы Я

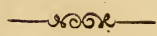
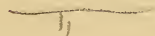
СТИХОТВОРЕНІЯ

(1858—1863)

Майков

А. Н. МАЙКОВА.

МОСКВА

Въ университетской типографіи

(КАТКОВЪ и К°.)

1864.

PC 3337
M2A6
1864

Одобрено цензурой, 20-го января, 1864-го года.

95-172511

I.

Д О М А

47076

УПРАЗДНЕННЫЙ МОНАСТЫРЬ *

(Глава изъ поэмы: *Полн.*)

Давно въ туманѣ предо мной
Блестящей точкою горя,
То надъ лѣскомъ, то надъ горой
Свѣтился крестъ монастыря.

И вдругъ — обрывъ! и вотъ — рѣка
Въ тѣни высокихъ береговъ
Бѣжитъ, подернута слегка
Отливомъ красныхъ облаковъ.

И на откосѣ мѣловомъ
Открылась старая стѣна,
Съ безглавой башней, какъ огнемъ
Закатомъ дня озарена.

Прохлада вѣтъ надъ рѣкой,
Струясь за рѣзвымъ вѣтеркомъ,
И тихо движется со мной
Неповоротливый паромъ.

Вотъ монастырь.... Слѣды ль осадъ,
Пищалей, приступовъ къ стѣнамъ,
Въ кирпичныхъ грудахъ, что лежать,
Поросши лѣсомъ, здѣсь и тамъ?...

Лампада у воротъ горить
Предъ полинялымъ образкомъ;
Монахъ, сѣдой старикъ, сидитъ
У кружки подъ двойнымъ замкомъ;

Сидитъ и смотритъ, какъ ползуть
Мои лошадки по горѣ....
— „Что, отче честный, есть ли тутъ
Что посмотрѣть въ монастырѣ?“

— „А посмотри! Запрету нѣтъ!
Что есть—увидишь“, молвилъ онъ,
„Да что смотрѣть-то! Сколько лѣтъ
Какъ монастырь ужъ упраздненъ.“

„Святыню вывезли.... Живемъ!
Мы вотъ одни давненько тутъ
Съ отцомъ Паусіемъ и ждемъ,
Аль насъ куда переведутъ,

„Аль здѣсь помремъ.... Я, вотъ, съ ногой
Изнылъ. Ломота извела.
Лѣчился лѣтосъ у одной
Старушки: нѣтъ, не помогла!

„Войди въ калитку-то, смотри!“ —
Мнѣ указалъ на дверь старикъ;
А самъ спѣшилъ въ лучахъ зари
Еще погрѣться хоть бы мигъ.

Бѣднякъ! едва ль не правъ былъ онъ!
Смотрѣть не много было, нѣтъ!
Кой-гдѣ слѣды витыхъ колоннъ,
Письма и позолоты слѣдъ.

Всѣ церкви въ землю повросли,
Кругомъ забыты двери ихъ....
За то, что кудри, до земли
Висѣли вѣтви изъ густыхъ....

А домъ гдѣ кельи—какъ скелеть
За блѣдной зеленью стоитъ,
И въ острыхъ окнахъ стеколь нѣтъ,
И грустно мракъ изъ нихъ глядитъ....

Лишь бродить вкругъ голодный котъ;
Надъ нимъ, носясь стрѣлы быстрѣй,
Кружатся ласточки; въ разбродъ
Гуляетъ стая голубей....

Все тихо валится кругомъ....
Еще пройдетъ не много лѣтъ,
И стѣны продадутъ на сломъ,
И старины пройдетъ и слѣдъ....

Смотрѣть не много.... Что жъ изъ нихъ,
Изъ этихъ камней говорить
Моей душѣ, и шагъ мой тихъ,
И сердце такъ въ груди стучить?

Святыню вывезли.... Но нѣтъ,
Не всю!... Нѣтъ, чувствую, живутъ
Мольбы и слезы столько лѣтъ
Отъ сердца лившіяся тутъ!

Я живо вижу, какъ сюда
Пришелъ спастись мужъ святой,
Въ тѣ времена еще, когда
Кругомъ шумѣлъ здѣсь боръ густой,

И, вѣковымъ объята сномъ,
Вся эта дикая страна
Казалась людямъ—волшебствомъ
И чародѣйствами полна....

И келью самъ въ горѣ изсѣкъ,
И жилъ *пустынныиъ житіемъ*
Въ той кельѣ Божій человекъ,
На козни бѣса глухъ и нѣмъ.

И что свѣча въ ночи горитъ,
Онъ въ этомъ мракѣ просіялъ,
Училъ народъ, устроилъ скитъ,
И утѣшалъ, и просвѣщаль....

И вотъ—вдругъ вѣляются лѣса!
И монастырь здѣсь возстаетъ....
Надъ гробомъ старца чудеса
Пошли твориться.... и растутъ

За храмомъ храмъ, встаетъ стѣна,
Встаетъ гостиницъ длинный рядъ;
И въ погреба течетъ казна,
И всюду трудъ, и всюду ладъ!

Идутъ обозы вдоль горы;
Хлопочетъ келарь, казначей....
Варятъ меды, творятъ пиры,
Всечасно братья ждетъ гостей....

А эти гости—то князья
Въ орду идущіе съ казной....
То ихъ княгини, ихъ семья,
Въ разлукѣ плачущія злой....

И черный людъ, безвѣстный людъ,
Со всей Руси идетъ, бредетъ....
Въ грѣхахъ всѣ каются идутъ—
Да страшный гнѣвъ свой Богъ уйметъ....

Идутъ—съ пожарищъ, съ поля битвъ,
Ища исходу хоть слезамъ—
Подъ чтенье сладостныхъ молитвъ,
Подъ пѣнье ангельское тамъ....

И въ темныхъ, маленькихъ церквахъ
Душистый воскъ горитъ какъ жаръ
Предъ образами въ жемчугахъ —
Сердце скорбящихъ чистый даръ....

Вотъ ѣдетъ новый караванъ....
Полумонашеская рать....
И раззолоченный рыдванъ....
Съ крестами клиръ идетъ встрѣчать.

Съ потухшимъ окомъ, блѣдень, худъ,
Выходитъ, думой обуянъ,
Здѣсь паннихидой кончить судъ,
Кровавый судъ свой царь Иванъ....

Ударилъ колоколъ большой, —
И двери царскія въ алтарь
Предъ нимъ раскрылись, и, больной,
Повергшись ницъ, рыдаетъ царь....

И, глядя, плачутъ всѣ вокругъ....
Но многолѣтье кончилъ клиръ,
И ждетъ царя и царскихъ слугъ
Въ большой трапезной свѣтлый пиръ....

Но царь на свѣтлый пиръ нейдетъ.
Одинъ, онъ въ кельѣ заперся....
Онъ ѣстъ лишь хлѣбъ, онъ воду пьетъ,
И весь онъ Богу отдался....

Вотъ на обитель сходить сонъ;
Одинъ лишь царь не знаетъ сна....
Все ходитъ онъ, все пишетъ онъ
Имъ побѣнныхъ имена....

Все кровь.... А тутъ — покой кругомъ!
Главу обитель вознесла,
Что тихій островъ на мірскомъ
Многомятежномъ морѣ зла....

Принять бы схиму здѣсь... Лежать
Живымъ въ гробу—а надъ тобой
Монахи будутъ возглашать:
Раба Ивана упокой....

Все суета!... И какъ видна
Она изъ гроба-то!... А тутъ—
Что въ царствѣ будетъ? Вся страна
Взлукуетъ! Скажутъ: царь былъ лютъ!

Измѣна встанетъ! Зашумятъ
Опять бояре, города....
Найдется царскій братъ или свать,
Мой родъ зарѣжетъ.... Что тогда?

И духъ его, какъ воронъ злой,
По всей Руси витать пошелъ
И ищетъ: гдѣ онъ недругъ мой?
Гдѣ смута? гдѣ гнѣздо крамоль?

Зоветь на судъ онъ города,
Живыхъ и мертвыхъ онъ зоветъ,
И, вновь для грознаго суда
Готовый, мысль въ душѣ куетъ—

Куетъ онъ мысль—какъ бы сплотить
Всю Русь въ одно, чтобъ нічего
Не смѣло въ ней дышать и жить
Безъ изволенія его....

А ночь, межъ тѣмъ, надъ Русью шла....
И не одна душа, томясь,
Теперь гадала и ждала:
Что Царь замыслилъ въ этотъ часъ?...

И чуть звонятъ—народъ во храмъ!
Вопитъ какъ жаждущій въ стени:
„Когда жь, Господь, конецъ бѣдамъ?“
И клиръ въ отвѣтъ ему: „терпи!“

Терпи!... и вытерпила ты,
Святая Русь, что посылалъ
Тебѣ Господь—всѣ тяготы
Насильствъ и казней, и опалъ....

Тяжелый млатъ ковалъ тебя
Въ одинъ народъ, ковалъ вѣка—
Но вѣришь ты, что Богъ, любя,
Тебя каралъ,—и тѣмъ крѣпка!

И вотъ—теперь..... „Что?“ опросилъ
Меня монашекъ у воротъ.

—„Нѣтъ, ничего.... я говорилъ!....“

—„А знатный былъ, молва идетъ,

„Нашъ монастырь-то въ старину!...“

—„А упрядненъ-то онъ зачѣмъ?“

—„Да стало братья мало.... Ну....

И оскудѣли житіемъ!

„Ужъ противъ прежняго—гдѣ намъ!“

И вдругъ, какъ будто спохватясь:

—„Да ты по службѣ тутъ, аль самъ?“

—„Самъ, самъ!“—„Ну то-то, въ добрый часъ!“

БАБУШКА И ВНУЧЕКЪ

Въ святцахъ у бабушки разъ
Внучекъ цвѣтокъ увидалъ;
— „Тутъ сувенирчикъ у васъ;“
Онъ, улыбаясь, сказалъ;

„Что еслибъ онъ говорилъ?
Можетъ-быть, цѣлый романъ
Мнѣ бы теперь онъ открылъ...
Былъ бы и мужъ тутъ тиранъ,

„Ночь, соловей и луна,
Быстрый свиданія часъ...
Было—и въ тѣ времена—
Много, чай, всякихъ проказъ?...“

— „Грѣхъ надъ старухой шутить...“
Бабушка внучку въ отвѣтъ;
„Кто жь бы еще подарить
Могъ мнѣ его какъ не дѣдъ?“

— „Дѣдушкинъ это цвѣтокъ?“
Внучекъ опять:— „признаюсь,
Вотъ угадать бы не могъ!
Дѣдушка—эдакой тузь!“

— „Молодъ покойничекъ былъ!...
Ну, да и я-то тогда...
Въ мысляхъ-то вѣтеръ бродилъ!...
Тоже была молода...

„Бздили разъ мы весной,
Въ ранній уловъ стерлядей,
Къ мельницѣ нашей лѣсной.....
Батюшка... много гостей....

„Я и стою на мосту;
Вкругъ молодежь мнѣ поетъ
Все про мою красоту:
Что тутъ на умъ не взбредеть?

„Мельница такъ и дрожить;
Омутъ-то въ пѣнныхъ буграхъ
Ходенемъ ходить, кипить,
Такъ что и вспомнить-то страхъ!

„Въ воду и кинь я цвѣтокъ!
— Кто, говорю я, прыгнетъ
Съ мосту отсюда въ потокъ
И мой цвѣтокъ принесетъ,

„Тотъ мнѣ и есть кавалеръ!—
Всѣ засмѣялись вокругъ;
Только одинъ офицеръ
Съ мосту-то прямо и — бухъ!

„Я обомлѣла. Народъ
Бросился къ лодкамъ, къ рѣкѣ...
Только глядимъ — онъ плыветъ,
Держитъ цвѣтокъ мой въ рукѣ....

„Мнѣ подаетъ: — я готовъ
Жизнь, молъ, за васъ положить!—
Вотъ молодець былъ каковъ!
Да, не любилъ онъ шутить!

„Дѣдушку я твоего
Тутъ и узнала тогда....
Такъ и пошла за него....
Быль человѣкъ это!... Да!...

„Стараго вѣка кремень!
Баринъ онъ былъ матерой!
Сель что имѣлъ, деревень!
Видный, красавецъ собой.

„Соколомъ яснымъ ходилъ!
Первымъ вездѣ былъ лицомъ!
Что онъ народу кормилъ!
Ну, да и самъ жилъ царемъ....

„Въ гости ль меня вывозилъ —
Въ золото, жемчугъ, атласъ,
Словно царицу рядилъ,
Словно какъ везъ на показъ!

„Сѣрый лихой шестерикъ
Держать едва подъ-устцы...
Кучерь былъ сила-мужикъ!
И гайдуки—молодцы!

„И какъ жила я за нимъ,
Тронуть меня ужь не смѣй!
Кто хоть бы словомъ худымъ:
Съ свѣту сгонить—ей-эй!

„Да, это былъ человѣкъ!...
Нынче и родъ ужь не тотъ!
Нынче,—не тотъ ужь и вѣкъ!
Мелкій пошелъ все народъ!...“

— „Бабушка!“ внучекъ прервалъ,
Я отъ самихъ стариковъ
Часто про дѣда слыхалъ:
Онъ не совсѣмъ былъ таковъ!

„Быль онъ—надменный богачъ!
Жилъ—азіятскимъ пашой;
Самъ и судья и палачъ,
Ночью ѣзжалъ на разбой;

„И въ душегубствѣ не разъ
Быль по суду обвиненъ....
Правда, въ то время у насъ
Знатному чтò былъ законъ!

„Пьянство и ночью и днемъ!
Въ домѣ жилъ цѣлый гаремъ!
Вы же—всю жизнь подъ замкомъ
Въ страхѣ дрожали межъ тѣмъ!

„Вась-то онъ будто любилъ?
Боже мой! онъ какъ злодѣй
Вашу всю жизнь загубилъ,
Вась загубилъ, и дѣтей!

„Мѣсяцъ иль два присмирѣвъ,
Первой-то страстной порой,
Ласковъ былъ съ вами какъ левъ
Съ львицей своей молодой!

„Ну, а какъ душу отвелъ....
Бабушка! сердце во мнѣ
Рвется при мысли—что золь
Вынесли вы-то однѣ!

„Вѣрите, люблю я какъ мать
Вась за страдальный вашъ вѣкъ....
Что жь отъ меня вамъ скрывать?
Дѣдъ былъ — дурной человекъ?...“

Бабка трясеть головой,
Шепчетъ на рѣчи его:
„Что говорить мнѣ съ тобой!
Ты не поймешь ничего!“

Вяжетъ старушка чулокъ,
Вяжетъ чулокъ и молчить,
И на засохшій цвѣтокъ
Нѣжно порою глядитъ....

Смотритъ на бабушку внука...
Онъ изумленъ, что у ней
Слезы закапали вдругъ
Тихо изъ тусклыхъ очей....

Въ жизни дитя,—не умѣлъ
Сердца еще онъ понять!
Онъ испытать не успѣлъ,
Какъ оно можетъ прощать!

Какъ, изъ-за прошлыхъ скорбей,
Ихъ разгоняя что тьму,
Сладкій лишь мигъ все яснѣй
Издали свѣтитъ ему;

И, какъ святой идеаль,
Образъ рисуешь того,
Кто это сердце терзалъ,
Кто такъ измучилъ его!

КАРТИНКА

(Послѣ манифеста 19-го февраля 1861 г.)

Посмотри: въ избѣ, мердая,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки-малютки
Собрался кружокъ;

И съ трудомъ, отъ слова къ слову
Пальчикомъ вода,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.

Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ;
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ.

Бабы суютъ дѣтямъ соску
Чтобы ротъ заткнуть,
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что-нибудь.

Даже съ печи не слѣзавшій
Много-много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ, дѣдъ.

Что жь такъ слушаютъ малютку, —
Аль ужь такъ умна?...
Нѣтъ! одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.

И пришлось ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть!

Самой вѣсти смыслъ покамѣсть
Темень имъ и ей:
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней....

Вспыхнетъ, братцы, эта зорька!
Тьма идетъ къ концу!
Ваши дѣтки ужь увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу!

Тьма пускай еще ярится!
День взойдетъ могучь!
Вѣщимъ окомъ я ужь вижу
Первый свѣтлый лучь.

Онъ горитъ ужь на головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ
Этой умницы-малютки
Съ книжкой въ рукахъ!

Воля, братцы, — это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
Вѣковѣчный день.

СТАРОЕ И НОВОЕ

(Отрывокъ изъ поэмы: *Поля.*)

Въ тѣлѣтѣ вѣду по холмамъ.
Порой для взора нѣтъ границъ....
И все поля по сторонамъ,
И надъ полями стаи птицъ....

Я вѣду день, я вѣду два —
И все поля кругомъ, поля!
Мелькнетъ жилье, мелькнетъ едва,
А тамъ поля, опять поля!

Порой ручей, порой оврагъ,
А тамъ поля, опять поля!
И въ золотыхъ опять волнахъ
Съ холма на холмъ взлетаю я.

Но гдѣ же люди? Ни души
Среди безмолвныхъ деревень....
Не вѣрится такой глуши!
Хотя бы встрѣча въ цѣлый день!

Лишь утромъ сѣрый четверикъ
Передо мною пролетѣлъ....
Въ пыли лишь красный воротникъ
Да черный усъ я разглядѣлъ....

Вотъ наконецъ бредеть старикъ....
Остановился, шляпу снялъ,
Бормочетъ что-то.... „Стой, ямщикъ!
Эй, дядя! съ чѣмъ Господь послалъ?“

— „Осмѣлюсь, баринъ, попросить—
Не подвезете ль старика?“
— „Садись! Зачѣмъ не услужить!
Услуга жь такъ не велика!

„Садись!“ — „Я здѣсь, на облучокъ....“
— „Да мѣсто есть: садись рядкомъ!“
Но споромъ взять никто бъ не могъ:
Старикъ уперся на своемъ;

Твердилъ, что въ людяхъ онъ пожилъ
И къ обращенію привыкъ,
И знаетъ свѣтъ; иначе бъ былъ
„Необразованный мужикъ!“

У старика былъ хмурый видъ,
Цвѣтисто-вычурная рѣчь;
Одѣтъ былъ бѣдно, но обречь,
И бакенбардъ висѣлъ до плечъ.

— „Я былъ дворовый человѣкъ“—
Онъ говорилъ— „у князя Б.
Да вотъ, пришлось кончать свой вѣкъ
На волѣ! самъ ужь по себѣ!“

— „И слава Богу!“— „Какъ кому!
И какъ кто разумѣетъ свѣтъ!
А по понятію моему,
Отъ всей ихъ воли—толку нѣтъ!“

„Еще я нонѣшнихъ князей,
Выходить, дѣдушкѣ служилъ....
Князь различать умѣлъ людей:
Я въ домѣ, можетъ, первый былъ!“

„Да вотъ, настали времена!
Теперь иди, хоть волкомъ вой!
Стара собака, не годна,
Бѣсть даромъ хлѣбъ, — такъ съ глазъ долой!

„Еще скажу: добры князья!
— Съ тебя оброку не хотимъ;
А хочешь землю? молъ, — такъ я:
— Покорно васъ благодаримъ!

„Жаль ихъ самихъ!“ — И тутъ старикъ
Повелъ разказъ, какъ врозь идетъ
Весь княжій дворъ: шалить мужикъ,
Заброшенъ сахарный заводъ,

Слѣда ужь нѣтъ оранжерей,
Охота, птичникъ и пруды,
И всѣ забавы для гостей,
И карусели, и сады —

Все въ запущеньи, все гниеть....
Усадьба прежде — городокъ
Была! Вездѣ присмотръ, народъ!
Все пей и ѣшь, все было бѣ въ прокъ!

„Да, вспомнешь про старину!“
Онъ заключилъ: „былъ складъ да ладъ!
Э, ну ихъ съ волей! право, ну!
Да что она? одинъ развратъ!

„Одинъ развратъ!“ онъ повторялъ....
Отжившій мѣръ въ его лицѣ,
Казалось, силы напрягалъ,
Какъ пламя, вспыхнуть при концѣ....

„Вотъ парень вамъ изъ молодыхъ“,
Сказалъ онъ, кинувъ грозный взглядъ
На ямщика: „спросите ихъ,
Куда глядятъ? чего хотятъ?“

Тотъ поглядѣлъ ему въ лицо,
Но за отвѣтомъ сталъ въ тупикъ:
Никакъ желанное слово
Не попадало на языкъ....

„Чего?...“ онъ началъ было вслухъ....
Да вдругъ какъ кудрями встряхнетъ,
Да вдругъ какъ свистнетъ во весь духъ,—
И тройка ринулась впередъ!

Впередъ — въ пространство безъ конца!
Впередъ — не внемля ничему!
То былъ отвѣтъ ли молодца,
И кони ль вторили ему,—

Но мы неслись какъ отъ волковъ,
Какъ изъ-подъ тучи грозовой,
Какъ бы мучителей-бѣсовъ
Погоню слыша за собой....

Неслись... а вкругъ по сторонамъ
Поля мелькали, и не разъ
Овечье стадо здѣсь и тамъ
Кидалось въ сторону отъ насъ....

Неслись... „Куда жь те дьяволъ мчить!“
Вдругъ сорвалось у старика.
А тотъ летитъ, лишь вдаль глядитъ,
А даль-то, даль — какъ широка!...

ЗАПАДНАЯ РУСЬ

(Посвящается западно-русскимъ братствамъ.)

Великолѣпные костелы,
Гдѣ блещетъ яхонтъ и янтарь,
И раззолоченный, тяжелый,
Огнями залитый алтарь.

Паны колѣнопреклоненны,
Ксендзь, потрясающій крестомъ,
Вопятъ въ молитвѣ изступленной:
„Да грянетъ Богъ своимъ судомъ!

„Да окрылитъ на бой ихъ рати
Противъ московскихъ мужиковъ,
Что въ сонмы европейской знати
Взошли по лѣстницѣ чиновъ!

„Да снова Рѣчи Посполитой
Онъ дастъ имъ гордыя права,—
И не смутитъ ужь хлопъ забытый
Пановъ веселыхъ торжества!...“

А тамъ, вдали, другіе храмы —
Лачуги съ погнутымъ крестомъ!
Тамъ *хлопы* молятся, тамъ — *халмы*,
Съ ихъ *подлымъ* русскимъ языкомъ!

Тамъ — гниль и ветошь! мракъ и сыро!
И причащается тамъ хлопъ
Изъ оловяннаго потира,
И въ крашеинной ризѣ попъ!

Но духомъ церкви первобытной
Все дышитъ въ бѣдныхъ здѣсь стѣнахъ,
И также бродитъ ненасытный,
Вкругъ этихъ стѣнъ, исконный врагъ,

И эти вѣрные, всечасно
Дрожа за ветхій свой алтарь,
О томъ лишь молятъ, молятъ страстно —
Чтобъ вспомнилъ ихъ и русскій царь,

И русскій людъ, передъ которымъ
Вотще слеза не пролита,
Который, подъ земнымъ позоромъ
Въ убогомъ нищемъ, — чтитъ Христа....

НОЧЬ НА ЖНИТВѢ

(Отрывокъ изъ поэмы: *Поля*.)

Густѣетъ сумракъ, и съ полей
Уходятъ жнищы.... Ужь умолкъ
Вдали и плачь и смѣхъ дѣтей,
Собачій лай и женскій толкъ.

Ушелъ рабочій караванъ....
И тишина легла въ поляхъ!...
Какъ безконечный ратный станъ
Кругомъ снопы стоятъ въ копнахъ;

И задымилася роса
На всемъ пространствѣ желтыхъ нивъ,
И ночь взошла на небеса,
Тихонько звѣзды засвѣтивъ.

Вотъ вышелъ мѣсяцъ молодой....
Одно, прозрачное какъ дымъ,
Въ пустынѣ неба голубой
Несется облачко предъ нимъ:

Какъ будто кто-то, неземной,
Подъ бѣлой ризой и съ вѣнцомъ
Надъ этой нивой трудовой
Стоитъ съ серебрянымъ серпомъ,

И шлетъ въ сверканіи зарницъ
Благословенья на поля:
Вознаградила бѣ страду жницъ
Ихъ потомъ влажная земля.

ДРУГУ ИЛЬЪ ИЛЬИЧУ

Илья Ильичъ! Позволь, пока еще я смѣю
Гордиться дружбою высокою твоею,
Позволь воспѣть звѣзду всходящую твою!
Покинешь скоро ты друзей своихъ семью,
И потеряешься для нихъ въ сіяньи свѣта—
Недосягаемомъ для бѣднаго поэта!
Позволь мнѣ хоть сказать, какъ я люблю тебя,
Какъ милъ ты мнѣ, когда, гаванскій дымъ клуба,
Прихлебывая, пьешь ликеръ ты благовонный,
Иль сельтерской водой клико остепененный;
И въ этотъ сладкій часъ, между ѣды и картъ,
Въ бюрократическій приходишь вдругъ азартъ,
И перестраивать, съ верховъ до основанья,
Все за-ново начнешь общественное зданье!
О, какъ мы слушаемъ! Какъ нашъ ученый Шмитъ—
Сей нигилистовъ бичъ—отъ счастья пыхтитъ!
А юный правовѣдъ—сей баловень фортуны—
Какъ будто ловить онъ рѣчей твоихъ перуны
И прячетъ ихъ въ карманъ,—чтобъ ими, можетъ-быть,
Въ бумагахъ дѣловыхъ эффектно погромить!
А Петръ Петровичъ! Титъ Омичъ! и я-то грѣшный:
Мы таемъ, учимся, и, вѣрь—не безуспѣшно!
Какіе новые пружины и винты
Въ гражданскій механизмъ искусно вводишь ты!
Какой, изъ рукъ твоихъ въ жизнь дикаго народа,
Ручной голубкою влетѣла бы свобода!
Я слушаю, лежу спокойно на софѣ,
И вижу, что и я, въ особенной графѣ,

Въ теоріи твоей стою, и также точно
Всѣ—пирамидою, осмысленно и прочно,
Сложились шестьдесятъ милльионовъ русскихъ душъ!
И какъ мы всѣ цвѣтемъ! О, Богомъ данный мужъ!
У всѣхъ одна лишь мысль, всѣ трудимся мы вмѣстѣ,
Чтобъ все, что ты завелъ, стояло вѣкъ на мѣстѣ,
Не только старики,—ты счастьемъ всѣхъ смирилъ,
Всѣхъ! Даже молодежь ты такъ переродилъ,
Что исчезаетъ въ ней ужъ въ школѣ пылъ и ярость,
И прыгаетъ она изъ дѣтства прямо въ старость....
Мнѣ даже кажется, что стали наѣзжать
Ужъ Нѣмцы къ намъ твое созданье изучать,
Дивясь, какой судьбой, на „свинской“ почвѣ русской
Вдругъ стало пахнуть все идилліей французской!
Конечно, иногда меня смущаетъ тутъ
Одно сомнѣніе: народецъ русскій—плутъ!
Не спорить никогда, но всюду, какъ по стачкѣ,
Какъ въ яму спустить вдругъ, глядишь, по-одиначкѣ,
Созданья лучшія ученѣйшихъ головъ,
И какъ ты ни пиши, что съ нимъ ни трать ты словъ—
Онъ отъ тебя бѣжитъ подъ сѣнь роднаго мрака—
Какъ отъ нѣмецкаго намордника собака!
Но ты—ты сладишь съ нимъ.... Вотъ только бѣ проложить
Тебѣ тропинку-то!... Вниманье бѣ обратить
Правительственныхъ лицъ!... Лишь *тамъ* бы захотѣли
Понять твои мечты, способности и цѣли:
Тогда бѣ ты сладилъ, да! Вѣдь ты не то, что былъ,
Ну хоть, твой папенька!... Ахъ, вижу, разсмѣшилъ
Тебя сравненьемъ я! Хохочешь?... Слава Богу!
Мнѣ лестно! очень! да!... Вспадеть же на языкъ!
Вотъ въ самомъ дѣлѣ былъ забавный-то старикъ!
Полжизни на плацу вытягивалъ онъ ногу,
Былъ губернаторомъ, здѣсь чѣмъ-то управлялъ....
Застегнуть, вытянуть, какимъ-то дикобразомъ
Старался выступать—казалось, съѣсть вотъ разомъ!
Пугать всегда хотѣлъ—и вовсе не пугаль!
Въ немъ, знаешь, не было—руководящей нити....
А ты—учтивъ всегда, безъ этой лишней прыти,
И, не поморщивъ бровь, сгоняешь со двора,
Безъ объясненія, лишь почеркомъ пера,

Всѣхъ этихъ практиковъ и самоукъ несчастныхъ,
Съ великой мыслию твоею несогласныхъ!
Не слушаешь мольбы ни женъ ихъ, ни дѣтей....
А папенька? Смѣшно и вспомнить-то, ей-ей!
Воришку мелкаго, на сотенномъ окладѣ,
Бывало призоветъ, кричить, самъ весь въ насадѣ,
Раздавить, кажется.... ань, смотришь, покричить —
И самъ расплачется, да тутъ же и простить!
Закона—не любилъ! его боялся даже,
Всегда въ немъ видѣлъ то, противъ чего на стражѣ
Быть должно всякому; и встрѣтись съ нимъ въ пути,
Съ нимъ только въжливость старался соблюсти....
Вотъ—въ чемъ все горе-то! Въ мундиръ весь вѣкъ рядился,
Но сквозь мундиръ его халать всегда сквозился!...
Вотъ ты—такъ и въ пальто, безъ звѣздъ и безъ крестовъ,—
А точно, кажется (я впрочемъ это слышалъ
Отъ маменьки твоей), на свѣтъ въ мундирѣ вышелъ!
Конечно, память твой папà у стариковъ
Оставилъ добрую—и ставятъ предъ иконы
И нынче за него свѣчу; но, милый мой,
Тебя благословятъ—не тотъ, и не другой,
Не Прохоръ, не Кузьма, не Сидоръ,—а милльоны!
И пусть кричатъ слѣпцы: ты деспотъ! ты тиранъ!
Не слушай! Это толкъ распущенныхъ Славянъ,
Привыкшихъ къ милостямъ и грѣзамъ деспотизма!
Тиранъ ты—но какой? Тиранъ либерализма!
А съ этимъ можешь ты—не только все ломать,
Не только что въ лицо исторіи плевать,—
Но, тиская подъ прессъ свободы,—половину
Всего живущаго послать на гильотину!

1862, 1864.

ПРАЗДНОСЛОВЫ

Кумиры старые разбиты,
И ихъ разогнаны жрецы,
И разныхъ вѣрѣ сошлись левиты
И разныхъ толковъ мудрецы.

Сошлись во всеоружьи бранномъ,
Въ тіарахъ, въ пудрѣ, въ колпакахъ,
Востокъ и Западъ въ братствѣ странномъ
Усѣлись рядомъ на скамьяхъ.

И толкъ пошелъ—широко, пышно,
Но съ каждымъ мигомъ все сильнѣй,
И наконецъ уже не слышно
Совсѣмъ за криками рѣчей:

Другъ друга каждый лишь порочить,
И громко бога своего
На мѣсто свергнутаго прочить,
И счастья ждетъ лишь отъ него....

А міръ отъ гнета вѣковаго
Межъ тѣмъ свободный, засіялъ,
И прыснуть жизнь вездѣ готова,
И листъ ужь почку завязалъ....

И туча пыли, мглы и срада
Ушла съ ликующихъ небесъ,
И зданья новаго громада
Стоитъ ужь, полная чудесъ....

И передъ Тѣмъ, Кто далъ спасенье,
Предъ Кѣмъ разодралася тьма—
Уже встаетъ изъ разрушенья,
Живая, Истина сама....

Но, хоть у всѣхъ глаза открыты,—
Ея не узрятъ гордецы,
И не поймутъ ея левиты,
И не узнаютъ мудрецы!

II.

ПОЭМЫ

и

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ПРИГОВОРЪ

(Легенда объ Іоаниѣ Гусѣ.)

На соборѣ, на Констанскомѣ,
Богословы засѣдали;
Осудивъ Іогана Гуса,
Казнь ему изобрѣтали.

Въ длинной рѣчи докторъ черный,
Разобравъ всѣ истязанья,
Предлагалъ ему соборнѣ
Присудить колесованье.

Сердце, зла источникъ, кинуть
На сѣденье псамъ поганымъ,
А языкъ, какъ зла орудье,
Дать склевать нечистымъ вранамъ;

Самый трупъ предать сожженью,
Напередъ проклявъ трикраты,
И на всѣ четыре вѣтра
Бросить прахъ его проклятый....

Такъ по пунктамъ, на цитатахъ,
На соборныхъ уложеньяхъ,
Приговоръ свой докторъ черный
Строилъ въ твердыхъ заключеньяхъ;

И дивясь, какъ все онъ взвѣсилъ,
Въ безпристрастномъ приговорѣ,
Восклицали „bene, bene!“
Люди, опытные въ спорѣ.

Каждый чувствовалъ, что смута
Многихъ лѣтъ къ концу приходитъ,
И что докторъ изъ сомнѣній
Ихъ какъ изъ лѣсу выводитъ....

И не чаяли, что тутъ же
Ждетъ еще ихъ испытанье....
И соблазнъ великій вышелъ.
Такъ гласитъ бытописанье:

Былъ при кесарѣ въ тотъ вечеръ
Пажикъ розовый, кудрявый.
Въ рѣчи доктора немного
Онъ нашелъ себѣ забавы.

Онъ глядѣлъ, какъ мракъ густѣетъ
По готическимъ карнизамъ;
Какъ скользятъ лучи заката
Вкругъ по мантиямъ и ризамъ;

Какъ рисуются на мракѣ,
Краснымъ свѣтомъ облитые,
Усь задорный, черепъ голый,
Лица добрыя и злыя....

Вдругъ въ открытое окошко
Онъ взглянулъ и — оживился;
За пажомъ невольно кесарь
Поглядѣлъ, развеселился.

За владыкой — рядъ за рядомъ
Словно нива отъ дыханья
Вѣтерка, оборотилось
Тихо къ саду все собранье:

Грозный сонмъ князей имперскихъ
Отъ Сорбонны депутаты, —
Трирскій, Литтхскій епископъ,
Кардиналы и прелаты.

Оглянулся даже папа!
И — суровый ликъ дотолъ
Мягкой, старческой улыбкой
Озарился поневолю.

Самъ ораторъ, докторъ черный,
Началь путаться, сбиваться,
Вдругъ умолкнулъ и въ окошко
Сталъ глядѣть и — улыбаться!

И куда они глядѣли?
Что могло привлечь ихъ взоры?
Развѣ небо голубое?
Или розовыя горы?

Но они таятъ дыханье,
И отдавшись сладкимъ грезамъ,
Точно слѣдуютъ душою
За искуснымъ виртуозомъ.

Дѣло въ томъ, что въ это время
Вдругъ запѣлъ въ кусту сирени
Соловей предъ темнымъ замкомъ,
Вечерь празднующая весенній.

Онъ запѣлъ — и каждый вспомнилъ
Соловья такого жь точно,
Кто въ Неаполѣ, кто въ Прагѣ.
Кто надъ Рейномъ въ часъ урочный;

Кто таинственную маску,
Блескъ луны и блескъ залива,
Кто трактировъ швабскихъ Гебу
Съ кружкой пѣнистаго пива....

Словомъ — всѣмъ пришли на память
Золотые сердца годы,
Золотыя грезы счастья,
Золотые дни свободы —

И исторія не знаетъ
Сколько длилось молчанье,
И въ какихъ странахъ витали
Души чернаго собранья....

Былъ въ собраньи этомъ старецъ;
Изъ пустыни вызванъ папой,
И почтенъ за строгость жизни
Кардинальской, красной шляпой,

Вспомнилъ онъ, какъ тамъ, въ пустынь,
Миръ природы, птичекъ пѣнье
Укрѣпляли въ сердцѣ силу
Примиренья и прощенья;

И, какъ шепотъ раздается
По пустой, огромной залѣ,
Такъ въ душѣ его два слова:
„Жалко Гуса“ — прозвучали.

Машинально, безотчетно
Поднялся онъ, и объятъ
Всѣмъ присушимъ открывая,
Со слезами молвилъ: „братья!...“

Но, какъ будто перепуганъ
Звукомъ собственного слова,
Костылемъ ударилъ объ полъ
И упалъ на мѣсто снова.

„Пробудитесь“, возопилъ онъ,
Блѣдный, ужасомъ объятый:
„Дьяволь, дьяволь обошелъ насъ!
Это гласъ его проклятый!...“

„Каюсь вамъ, отцы святыя!
Льстивою пѣснью обаянный,
Позабылъ я пребыванье
На молитвѣ неустанной.

„И вошелъ въ меня нечистый!
Къ вамъ простеръ мои объятья,
Изъ меня хотѣлъ воскликнуть:
Гусъ невиненъ!... Горе, братья!...“

Ужаснулося собранье,
Встало съ мѣстъ своихъ, и хоромъ —
„Да воскреснетъ Богъ“ запѣло
Духовенство всѣмъ соборомъ.

И очистивъ духъ отъ бѣса
Покаяньемъ и проклятьемъ,
Всѣ упали на колѣни
Предъ серебрянымъ распятьемъ;

И, возставъ, Иогана Гуса, —
Церкви Божьей во спасенье,
Въ назиданье христіанамъ, —
Осудили на сожженье.

Такъ святая ревность къ вѣрѣ
Побѣдила ковы ада.
Отъ соборнаго проклятья
Дьяволъ вылетѣлъ изъ сада.

И надъ озеромъ Констанскимъ,
Въ видѣ огненнаго змѣя,
Пролетѣлъ онъ надъ землею,
Въ лютой злобѣ, искры сѣя....

Это видѣли: три стража,
Двѣ монахини старушки
И одинъ констанскій ратманъ....
Возвращавшійся съ пирушки.

ИСПОВѢДЬ КОРОЛЕВЫ

(Легенда объ испанской инквизиціи.)

Искони твердятъ Испанки:
„Въ кастаньеты ловко брякать,
Подъ ножомъ вести интригу,
Да на исповѣди плакать—

„Три блаженства только въ жизни!“
Но въ одной Севильѣ старой
Такъ искусно кастаньеты
Ладаютъ съ звонкою гитарой;

Но въ одной Севильѣ старой
Такъ подъ звѣздной ризой ночи
Жены нѣжны, смѣль любовникъ,
И ревнивца зорки очи;

Но въ одной Севильѣ старой
Такъ на утро полны храмы,
И такъ пламенно стремятся
Исповѣдываться дамы....

И хорошіи исповѣдникъ
Былъ всегда ихъ сердцу дорогъ,
Можетъ-быть, дороже кружевъ,
Лентъ и перловыхъ уборокъ!

И таковъ былъ у Санъ-Пабло
Исповѣдникъ — знаменитый
Донъ Гуанъ ди Санъ-Мартино —
Кладезъ мудрости открытый!

Вся имъ бредила Севилья,
Дамы голову теряли,
И съ любовниками даже
О монахѣ лишь шептали:

Какъ-то сладостно имъ было
Млѣть въ его духовной власти,
Особливо, если грѣшенъ
По сердечной кто былъ части

Разъ вошла въ Санъ-Пабло дама....
Храмъ былъ пустъ; одни, нѣмыя,
Въ серебрѣ, въ шелку и лентахъ,
Изваянья расписныя

По стѣнамъ стояли въ церкви,
Созерцая благосклонно
Мраморъ, золото и солнце
Въ дымѣ мирры благовонной.

Только нищій у колонны
Отдыхалъ въ дремотѣ сладкой,
Да бродила собачонка
Поль обнюхивая гладкій....

Незнакомка подъ вуалемъ
Кружевнымъ лицо укрыла,
Но — инкогнито съ монахомъ
Соблюсти, знать, трудно было:

Чуть она предъ нимъ склонилась,
Какъ надъ нею внятно, смѣло
Раздалось: „чего желаетъ
Королева Изабелла?“

Дама вздрогнула, и въ страхъ
Уронила на полъ четки,
Но спокойно тотъ же голосъ
Говорилъ изъ-за рѣшетки:

„Благо кающимся, благо!
Жду тебя уже давно я!
У тебя, я знаю, сердце
Жаждетъ мира и покоя!

„Въ чемъ грѣшна ты передъ Богомъ?
Кайся мнѣ неліцемерно!“
И покаялася дама
Католичкою примѣрной:

„Утромъ нынче камерэру
Разбранила я обидно
И булавкой исколола....
Было послѣ такъ мнѣ стыдно....

„Мы поссорились съ супругомъ....
Почему, сама не знаю,
Я его въ опочивальню
Ужъ недѣлю не пускаю....

„Я люблю его всѣмъ сердцемъ,
И ревную.... но со мною
Что-то странное творится....
Точно спорю я съ собою....

„Надо думать лишь о мужѣ,
Безпрестанно повторяю,
И — другаго, чуть забудусь,
Черезъ мигъ воображаю.

„Донъ Фернандо, донъ Фернандо!
Я твержу усильно, внятно, —
Изъ груди жь другое имя
Рвется съ силой непонятной!

„Такъ и крикнула бѣ съ балкона,
Ночью, въ небо голубое
И на все бы королевство
Это имя роковое!

„Сердцу страшно съ этой тайной
Притворяться и лукавить....
Помоги мнѣ.... ты умѣешь
И утѣшить, и наставить....“

Могъ утѣшить и наставить
Всѣхъ монахъ сердечнымъ словомъ,
Но глядѣлъ на королеву
Взглядомъ грустнымъ и суровымъ:

— „Трудно дать совѣтъ, сказалъ онъ;
Этотъ грѣхъ—не какъ другіе....
Онъ—предтеча Божьей кары
За грѣхи твои иныя!

„Вслѣдъ за нимъ придетъ злодѣйство,
Скорбь и муки преисподней—
И тебя спасти мнѣ трудно:
Ты забыла страхъ Господній!

„Святотатцамъ и злодѣямъ
Въ умерщвленьи плоти грѣшной
Есть спасенье: но убійцѣ
Духа Божья—адъ кромѣшный!“

Изабелла содрогнулась, —
Но скользить надъ адской бездной
Ей, какъ истой Кастильянкѣ,
Было жутко—но любезно!

— „Научи жь, чтò дѣлать, padre!
И наставь меня на благо!
Я еще построю церковь,
Я пѣшкомъ пойду въ Санъ-Яго.“

— „Еслибъ храмъ ты не изъ злата
И порфира созидала,
А въ сердцахъ твоихъ народовъ
Храмъ духовный устроила,

„И стояла бы у двери
Яко стражъ съ мечомъ горящимъ,
Возбраняя входъ гѣнамъ
И ехиднамъ злошипящимъ, —

„Ты бѣ избѣгла страшной кары!
Зла мятежныя пучины
Тщетно бѣ храмъ твой осаждали!
Но раскрыла ты плотины,

„Разлилось нечестья море,
И волною досягнуло
Даже царственнаго трона,
И въ лицо тебѣ плеснуло!

„Омраченный духъ твой принялъ
Смрадныхъ волнъ его дыханье,
Какъ вечернюю прохладу,
Какъ цвѣтовъ благоуханье....

„Вотъ и казнь за то!...“ — „За что же?“
— „Иль не видишь, королева!
Погляди — плоды несмѣтны
Сатанинскаго посѣва:

„Вся страна — кишить Жидами!
Всюду маги, астрологи!
Новизна проникла всюду,
Въ кельи, въ хижины, въ чертоги!

„Саламанхскіе студенты,
Купно съ Мавромъ, съ Жидовиномъ
Надъ одной толкуютъ книгой,
За столомъ сидятъ единымъ!

„Въ оныхъ псахъ смердящихъ юность
Братьевъ чтить, на зло закону,
И разноситъ духъ въ народѣ
Вѣрѣ гибельный и трону:

„Мудрость истинную презря,
Чтò толкуеть людъ безбожный?
Будто шаръ земля, который
Весь кругомъ объѣхать можно,

„И открытъ такія земли,
О которыхъ ни въ Писаньѣ
Нѣтъ помину, ни въ единомъ
Каноническомъ преданьѣ!

„Говорять, рѣзныя буквы
Нынче какъ-то составляютъ,
И одну и ту же книгу
Въ цѣлыхъ сотняхъ размножаютъ,—

„Чтò же, если эти бредни
Въ сотняхъ списковъ по вселенной
Вихорь дьявольскій размететь?
Все въ хаосъ придетъ смятенный!

„И.... и кто же рукоплещеть
Этой пляскѣ вавилонской?
Въ комъ покровъ ей и защита?
Въ королевѣ аррагонской!...“

Такъ, борясь съ врагомъ исконнымъ,
Говорилъ онъ королевѣ
О ея отчетѣ Богу
И о Божьемъ близкомъ гнѣвѣ,—

Но укорамъ громоноснымъ
Не нашель монахъ отвѣта;
Было сердце королевы
Точно броней одѣто.

Не испуганнымъ ребенкомъ
Передъ нимъ она стояла;
Не того, молвъ повѣря,
Отъ монаха ожидала.

Ей ужь сталъ казаться лучше
Духовникъ ея придворный,
Но искуснѣе обоихъ
Пріоръ, въ Бургосѣ, соборный.

„Ну а этотъ!... мнѣ пророчить
Адъ и всяческіе страхи
За Жидовъ и за ученыхъ!
Онъ такой, какъ всѣ монахи!“

И собою не владѣя,
Изабелла гордо встала,
И вуаль съ чела откинувъ,
Такъ монаху отвѣчала:

„Я, какъ женщина, о радге,
Дѣлъ правленья не касаюсь.
Ихъ—король ведетъ. Сама же
Въ чемъ грѣшна я—въ томъ и каюсь.

„Мнѣ самой Жиды противны.
Но они—народъ торговый,
И—политикъ это цѣнитъ—
На налогъ всегда готовый.

„Съ королемъ—моимъ супругомъ
Въ Саламанхѣ мы бывали.
Насъ нигдѣ съ такимъ восторгомъ,
Какъ студенты, не встрѣчали.

„Донъ Фернандо былъ доволенъ.
Я жь скажу, что говорила—
Въ ихъ сердцахъ—опора трона,
Наша слава, наша сила!...

„А отъ тѣхъ ученыхъ бѣдныхъ,
Съ виду, можетъ-быть, забавныхъ,
Ужь давно у насъ въ бумагахъ
Много есть проектовъ славныхъ.

„Ихъ труды и жажду знаній
Для чего стѣснять—не знаю!
И возможно ль всѣхъ заставить
Думать такъ, какъ я желаю!

„Пусть ихъ мыслятъ, пусть ихъ ищутъ!
Мысль мнѣ дастъ бѣднякъ ученый —
Изъ нея, быть-можетъ, выйдетъ
Лучшій перлъ моей короны!

„И—что будетъ—воля Божья!
Только все намъ предвѣщаетъ:
Міру царствованье наше
Новыхъ дней зарей сіяетъ!“

И уйдти она хотѣла
Безъ смущенія, безъ страха,
Лишь сердясь на дамъ придворныхъ,
Расхвалившихъ ей монаха.

Но монаха, знать, не даромъ
Жены славили и дѣвы:
Какъ глаза его сверкнули
На движенье королевы!

Онъ какъ барсъ въ желѣзной клѣткѣ
Встрепенулся,—со слезами
Упуская эту душу
Отягченную грѣхами!

— „Погоди!“ онъ крикнулъ громко,
„И познай: не я, царица,
Говорилъ съ тобой. Здѣсь явно
Всемогущаго десница!

„Я въ лицо тебя не видѣлъ:
Ты его мнѣ скрыть хотѣла.
Кто жь сказалъ мнѣ—предо мною
Королева Изабелла?

„Все, царица, все я знаю....
Всѣ дѣла твои, мечтанья,
Даже—имя, предъ которымъ
Ты приходишь въ содроганье....

„Баль французскаго посольства....
Кавалеръ иноплеменный
Въ черной маскѣ.... на охотѣ
Разговоръ уединенный....

„Послѣ въ паркѣ....“ — „Здѣсь измѣна!“
Горькимъ вырвалось стономъ
Изъ груди у королевы.
„Кто же былъ за мной шпиономъ?!...“

„Кто? отвѣтствуй?...“ Все забывши,
Воскликнула королева —
Величава и прекрасна
Въ блескѣ царственнаго гнѣва....

Еслибъ не былъ Самъ-Мартино
Небомъ свыше вдохновенный,
Я бь сказалъ: глаза горѣли
У него какъ у гieny;

Но когда съ негодованьемъ
На него она взглянула,
Въ этотъ мигъ, въ глаза гieny
Точно молнія сверкнула!

Но.... сверкнула — и угасла!
„Нѣтъ“, стонала Изабелла,
„Я одна лишь знала тайну!
Я владѣть собой умѣла!

„Даже онъ не смѣлъ подумать!
Гдѣ жь предатель? гдѣ жь Иуда?...
Это имя только чудомъ
Могъ ты знать....“ — „И было чудо:“

Произнесъ монахъ, — „и нынѣ
Не случайно, не напрасно
Въ храмъ пришла ты.... Это имя —
Вотъ оно!“... О мигъ ужасный!...

Вдругъ лицо свое худое,
Самъ робѣя безъ отчета,
Къ Изабеллѣ онъ приблизилъ,
И дрожа, шепнулъ ей что-то....

Отшатнулась, онѣмѣла
Королева въ лютомъ страхѣ!
Взоръ съ тоской и изумленьемъ
Такъ и замеръ на монахѣ....

На нее жь его два глаза
Съ торжествомъ изъ тьмы глядѣли;
Точно всю ее опутать
И сковать они хотѣли....

И душа ея, какъ птичка
Въ тонкой сѣткѣ птицелова
Перепуганная, билась,
Уступала, билась снова....

Въ храмѣ пусто, въ храмѣ тихо.
Неподвижны вкругъ святыя;
Страшны хладныя ихъ лица,
Страшны думы неземныя....

Лишь звучалъ монаха шепоть
И порывистый, и страстный:
„Признаю Твой промысль, Боже!
Перстъ Твой, Боже, вижу ясно!“

Свѣтель ликомъ, къ королевѣ,
Онъ воззвалъ: „жена, не сѣтуй!
Милосердъ къ тебѣ Всевышній!
Вотъ что въ ночь свершилось эту!

„Для меня вся ночь — молитва!
Видитъ плачь мой сокровенный,
И бѣенье въ грудь, и муки
Онъ одинъ, гвоздьми пронзенный!...

„Въ эту ночь — среди рыданій —
Вдругъ объялъ меня чудесный
Сонъ, и, вижу я, всю келью
Преисполнилъ свѣтъ небесный.

„Мужъ въ верблюжьей грубой рясѣ,
Онѣмъ свѣтомъ окруженный,
Подошелъ ко мнѣ и позвалъ —
Я упалъ предъ нимъ смущенный.

„Онъ же рекъ тогда: „предстанеть
„Нынѣ въ храмъ предъ тобою
„Величайшая изъ грѣшницъ
„Съ покровенной головою.

„Отврати ее отъ бездны,
„Отъ пути Иезавели,
„Коей кровь на стогнахъ града
„Псы лизали, мясо ѣли.“

„Усумнился я — помыслилъ:
То не въ грѣхъ ли новый вводитъ
Бѣсъ-прельститель, бѣсъ, который
Часто ночью въ кельяхъ бродитъ.

„Моему ли окаянству
Вѣрить Богъ Свое велѣнье?...
Но прозрѣлъ угодникъ Божій
Въ тотъ же мигъ мое сомнѣнье:

„Се ли, рекъ, твоя есть вѣра?“
Я же: „о владыче! трудень
„Этотъ подвигъ! Дьяволь силенъ,
„А мой разумъ слабъ и скуденъ.“

„Повинуйся!“ рекъ онъ паки,
„Повинуйся, рабъ лѣнивый!
„Се есть знаменье, которымъ
„Побѣдиши грѣхъ кичливый!“

„И развилъ онъ длинный свитокъ:
Въ буквѣхъ огненныхъ сіяли
Въ немъ дѣла твои и тайны,
Прегрѣшенья и печали....

„И читалъ я передъ каждымъ
Судъ Господень — и скорбѣла
Вся душа моя, и плакалъ
О тебѣ я, Изабелла!...“

У самой у Изабеллы
Сердце въ ужасѣ застыло....
„Чудо — гнѣвъ небесный — чудо....“
Какъ во снѣ она твердила....

„Неужель.... не Ты, о Боже!
Двигалъ волею моею!
Неужели весь мой разумъ —
Не былъ мыслию Твоею!

„Лишь о подданныхъ любезныхъ,
Лишь о милостяхъ безъ счета,
О смягченьи грубыхъ нравовъ —
Вся была моя забота!...

„Я лишь радовалась духомъ,
Лучшимъ людямъ въ царствѣ ввѣрять —
И ужели въ этомъ — гибель!
Неужели въ этомъ — ересь!...“

-- „О заблудшееся сердце!“
Восклицалъ монахъ надъ нею.

„О сосудъ неоцѣненный
Для даровъ и для елею!

„Влей въ него святое муро!...
Гласа свыше удостоень,
Я земному не подкупень,
Средь житейскихъ волнь — спокоень!

„Волю Божью — яко солнце
Видю ясно! въ чемъ спасенье —
Осязаю!... Королева!
Здѣсь, въ рукахъ моихъ — прощенье!“

Говорилъ онъ вдохновенный,
И въ словахъ его звучали
Сила вѣры, стоны сердца,
Миру чуждыя печали....

Изабелла, на колѣняхъ
За слезой слезу роняла,
И, закрывъ лицо руками,
„Что жь мнѣ дѣлать?“ повторяла.

— „Надо дѣлать во славу Божью!
Чтобъ онцъ — дѣла благія
На вѣсахъ превѣчной Правды
Перевѣшивали злыя!

„Ополчися на нечестье!
Въ царствѣ зло вели измѣрить,
Отличить худыхъ отъ добрыхъ,
Совѣсть каждого провѣрить....

„Тотчасъ видно въ человѣкѣ,
Чѣмъ онъ дышитъ, чѣмъ напитаенъ —
Изъ того ужь, какъ онъ смотритъ,
Изъ того ужь, какъ молчитъ онъ!

„Эти лица безъ улыбки,
Этотъ видъ худой и блѣдный, —
Явно дьявольскія клеймы!
Духъ сомнѣнія зловредный!...“

Говорить онъ вдохновенный,
Но недвижная, нѣмая
Оставалась Изабелла,
Глазъ къ нему не подымая....

„Трибуналь устрой духовный“,
Говорилъ онъ, „чрезвычайный!
Чтобъ слѣдилъ онъ въ цѣломъ царствѣ
За движеньемъ мысли тайной;

„Чтобы слухъ его и око
Былъ бы всюду, блюлъ бы души —
Въ городахъ, въ домахъ и кельяхъ,
Въ полѣ, на морѣ, на сушѣ;

„Чтобъ стоялъ онъ невидимый,
Въ школахъ, въ храмахъ, подъ землею,
И между отцомъ и сыномъ,
Между мужемъ и женою....

„И тогда — въ твоихъ народахъ
Умъ и сердце, трудъ и знанье —
Все сольется въ хоръ согласный
Восхвалять Отца созданья!

„Ни однимъ нестройнымъ гласомъ
Слухъ его не оскорбится....
И тебѣ тогда, царица,
Все простится! все простится!...“

— „Все простится....“ повторила
Изабелла.... лучъ желанный
Какъ маякъ для морехода
Ей блеснулъ въ дали туманной....

Подняла къ монаху очи:
Слезы все на нихъ дрожали,
Но уже сквозь слезъ надежда
И довѣріе сіяли....

— „Возвратись же въ домъ свой съ миромъ!
И зови меня, худаго,
Коль рѣчей моихъ смиренныхъ
Возжелаешь сердцемъ снова....

„А въ дому своемъ отнынѣ
Тщися мудрыми рѣчами,
Какъ Эсфирь, въ супругѣ сердце
Преклонить — да будетъ съ нами!

„Говори ему въ совѣтѣ,
Средь забавъ, на брачномъ ложѣ,
За трапезой, съ лаской, съ гнѣвомъ,
День и ночь, одно и то же,

„Такъ какъ капля бьетъ о камень,
Говори, моли и требуй —
И тогда, о! все простится!
Всѣмъ угодна будешь Небу!...“

Онъ умолкъ. Ужь Изабелла
Какъ дитя за нимъ слѣдила,
И за нимъ опять невольно —
„Все простится“ — повторила...!

По устами у Санъ-Мартино
Пробѣжалъ улыбки трепеть....
Богомольныхъ дамъ — быть-можетъ —
Вспомнилъ онъ невинный лепеть,

Вспомнилъ тайну королевы, —
И какъ будто осіянный
Новой мыслью, — „все простится“
Подтвердилъ съ улыбкой странной.

ПОЭТЪ И ЦВѢТОЧНИЦА

Она.

Высыпь цвѣты изъ корзины у ногъ моихъ, милый,
Сядь и ужь мнѣ не мѣшай.... Скоро смеркаться начнетъ.

Онъ.

Что за хаосъ вокругъ тебя! и надъ нимъ, какъ любовь ты
склонилась,
Мыслью готова въ него жизнь и гармонию влить!

Она.

Розы не трогай: чудесныя розы! изъ нихъ—заглядѣнье
Выйдетъ вѣнокъ — и тебѣ этотъ вѣнокъ я подамъ!

Онъ.!

Какъ мнѣ забавно всегда! на пиру ты вѣнокъ мнѣ подносишь!
Я равнодушнымъ кажусь—самъ же весь занятъ тобой!

Она.

Ты не глядишь на меня, но я чувствую взглядъ твой горячій!
Точно сребристую сѣть я за собой волочу!

Онъ.

Это влечетъ тебя сердце мое въ уголокъ нашъ укромный,
Гдѣ ты—какъ Флора въ цвѣтахъ—и у колѣвъ твоихъ я.

Она.

Да, а сойдемся мы здѣсь—отъ меня ты ужь мыслью далеко!
Вотъ и теперь не глядишь.... Чтò ж ты вдругъ замолчалъ?

Онъ.

Вотъ что я вспомнилъ: былъ Павзій, художникъ. Любилъ онъ
Гликеру;
Шесть мастерица была эта Гликера вѣнки.

Она.

Это какъ будто бы мы! только ты не художникъ, а лучше —
Фебомъ любимый поэтъ! гордость и слава Аѳинъ!

Онъ.

Эту Гликеру прелестнѣйшей дѣвочкой, милымъ ребенкомъ
Онъ всю въ цвѣтахъ написалъ, и — обезсмертилъ себя!

Она.

Что же? и ты обезсмерть себя славной поэмой!... я часто
Думаю: что бы тебѣ нашу любовь описать?

Онъ.

Павзій счастливей! черты своей милой Гликеры онъ кистью
Могъ передать, — а въ стихахъ какъ опишу я тебя?

Она.

Вотъ какъ ты сдѣлай: пусть въ Индіи будетъ, гдѣ звѣри и
птицы
Дружно съ людьми говорятъ, много гдѣ всякихъ чудесъ....

Онъ.

Странно! съ любовью въ разладъ вдохновенье идетъ у поэта!
Кажется — какъ я люблю!... и — хоть бы пѣснь! хоть бы
стихъ!

Она.

Жилъ тамъ волшебникъ, похитилъ царевну — малюткой. Ма-
лутка
Стала цвѣты продавать; только, однажды былъ пиръ.

Онъ.

Царскій былъ сынъ на пиру; онъ влюбился, и кончилось
свадьбой.

Въ сказкахъ всегда это такъ.... только немного старѣ....

Она.

Нѣтъ, не старѣ; можно выдумать рядъ приключеній чудесныхъ,
Какъ онъ умомъ и мечомъ чары умѣлъ побѣдить....

Онъ.

Бился съ гигантами! конное, пѣшее войско, съ слонами
Тьмы колесницъ золотыхъ въ бѣгство одинъ обратилъ!

Она.

Ты только шутишь со мной!... а молчанье твое мнѣ ужасно!...
Помнишь ли ты на пиру первый вѣнокъ мой тебѣ?

Онъ.

Этотъ вѣнокъ и теперь у меня надъ кроватью хранится...
Первый, который ты мнѣ, пиръ обходя, подала?

Она.

Помнишь — вѣнчая твой кубокъ, я почку въ вино уронила:
Выпивъ вино, ты сказалъ: „дѣва! цвѣты — это ядь!“

Онъ.

Какъ же!... и съ маленькимъ женскимъ лукавствомъ и дѣтски
краснѣя,
„Пчелки, сказала ты, въ нихъ медъ достаютъ, а не ядь!“

Она.

Если съ тѣхъ поръ твоя муза молчитъ, ты угрюмъ и несчастливъ,
Значить, то правда, что жизнь я отравила тебѣ?

Онъ.

Полно, мой другъ, я молчу лишь отъ счастья!... Какъ музыка,
нѣжный
Голосъ твой мнѣ прозвучалъ — тамъ, среди мужскихъ
голосовъ!

Она.

Лучше бъ молчать мнѣ! и пчелокъ не трогать! вѣдь къ этому слову
Рыжій придрался Тимантъ, крикнулъ — „и шмель не дуракъ!“

Онъ.

Гнусный Силенъ!... и облапилъ тебя какъ медвѣдь! покатилаcь
Въ уголъ корзина твоя.... всѣ разлетѣлись цвѣты!...

Она.

Какъ онъ меня напугалъ!... только слышу: „оставь ее, циникъ!“
Вижу — ты съ мѣста вскочилъ, свѣтель какъ самъ Апол-
лонъ!

Онъ.

Онъ не сробѣлъ, а держалъ тебя, бѣлые зубы оскаливъ,
Легкое платье твое по-поясъ съ плечъ разорвалъ....

Она.

Ужасъ! какъ бросишь въ него ты серебрянымъ кубкомъ!...
я помню,
Какъ онъ о черепъ его звякнулъ и прыгать пошелъ!...

Онъ.

Гнѣвъ и вино ослѣпляли меня!... но успѣлъ разглядѣть я,
Какъ ни старалась ты скрыть, круглое.... это плечо....

Она.

Ахъ, что за шумъ поднялся! весь облитый виномъ, онъ за-
тряcся!
Съмокрыхъ волосъ по лицу кровь заструилась ручьемъ....

Онъ.

Только тебя я и видѣлъ!... въ слезахъ, на полу, на колѣняхъ,
Платье одною рукой ты собирала на грудь....

Она.

Блюдо, тарелки въ тебя полетѣли, звеня и блистая!
Точно взбѣшенный Аяксъ все онъ ломалъ вкругъ себя!

Онъ.

Только тебя я и видѣлъ!... какъ быстро другою рукою
Ты подбирала вѣнки, взоромъ за нами слѣдя....

Она.

Доброе сердце! ты думалъ — меня ушибуть.... а хозяинъ
Ярость обрушить на мнѣ — всталъ и меня заслонилъ.

Онъ.

Пестрый коверъ перекинулъ я на руку, точно готовясь
Въ битвѣ съ свирѣпымъ быкомъ бросить ему на глаза!

Она.

Я ускользнула, увидя, что гости вступились, стараясь
За руки васъ удержать, вмѣстѣ стыдя и моля.

Онъ.

Къ счастью все кончилось смѣхомъ: вскочилъ и трагическимъ
тономъ:

„Что вы Ахейцы!“ намъ рѣчь сталъ говорить Діогенъ.

Она.

Этотъ сѣдой Діогенъ притворяется только сердитымъ;
Право, душа у него, кажется, вовсе не зла!...

Онъ.

Онъ успокоилъ все шуткой.... Но тщетно тебя я хватился!
Три дня тебя я искалъ! три дня на рынкѣ бродилъ!

Она.

Я со стыда не могла показаться.... вѣдь всѣ меня знаютъ,
Любятъ — и вдругъ обо мнѣ въ городѣ говоръ пошелъ!

Онъ.

Много я видѣлъ вѣнковъ, много видѣлъ цвѣтовъ и цвѣточницъ,
Не было только одной — маленькой Лиды моей!

Она.

Дома вѣнки я сплетала.... рядомъ ихъ, бывало, развѣшу....
Вотъ и теперь они тутъ.... всѣ ужъ засохли давно!

Онъ.

Гдѣ ты живешь? переспрашивалъ женщинъ, старухъ я на
рынкѣ,
Даже гулякъ и повѣсь — всѣ становились въ тупикъ!

Она.

Вечеръ, бывало, сижу я, гляжу на вѣночки, и плачу....

Ночь подвигалась!.. цвѣта гасли одинъ за другимъ....

Онъ.

Въ горѣ, усталый, къ богамъ я взывалъ, къ Аполлону зывалъ я:

„О, сребролукій! да гдѣ жь? гдѣ же укрылась она?“

Она.

Все мнѣ казалось, что вотъ ты войдешь... и что буду я дѣлать?
Съ тайной надеждой пошла на-площадь я наконецъ....

Онъ.

Я ужь давно тамъ бродилъ... насмотрѣлся, наслушался вдоволь!
Рыба, плоды, пѣтухи! крики ословъ и старухъ!...

Она.

Что тамъ за шумъ былъ, когда я тебя наконецъ увидала?

Онъ.

Право, не знаю... но вдругъ ты мнѣ мелькнула въ толпѣ....

Она.

Точно въ челнѣ сквозь высокій тростникъ, въ тѣснотѣ ты
пробился....

Онъ.

И очутились вдругъ въ шумной толпѣ мы одни!

Она.

Помню, я слышала только, какъ сердце въ груди моей билось!

Онъ.

Рядомъ пошли мы съ тобой... въ очи другъ другу глядя....

Она.

Такъ, какъ теперь ты глядишь, и съ такою же тихой улыбкой....

Онъ.

Какъ ты прекрасна была, солнцемъ облита живымъ!

Она.

Вышли мы за-городъ....

Онъ.

Море блестяло въ дали серебристой.

Она.

Все это, милый, теперь кажется сказкою мнѣ!

Онъ.

И безъ волшебника сказка! безъ царскаго сына, царевны!

Она.

Это—поэма, мой другъ!

Онъ.

Милая Муза моя!

Она.

Тише! вѣнки изомнешь... о, какъ скоро стемнѣло сегодня!...
Какъ же хорошъ и какъ смѣлъ на этомъ пирѣ ты былъ

ПѢСНИ

У воротъ монастыря
Пѣлъ слѣпецъ передъ толпою,
Прямо въ солнце взоръ впередъ,
Взоръ, покрытый вѣчной тьмою.

Слѣпъ рожденъ, весь вѣкъ въ нуждѣ,
Пѣлъ онъ пѣснь одну и ту же:
Пѣлъ о Страшномъ онъ Судѣ,
Пѣлъ о Зломъ и Добромъ Мужѣ.

Чуждъ живущему всему,
Только славя Судъ Господній,
Населяя свою онъ тьму
Лишь страстями преисподней;

Точно слышалъ онъ во мглѣ
Вздохи, плачь и скрежетъ зубный,
Огнь, текущій по землѣ,
И по небу голосъ трубный,

И напѣвъ его гудѣлъ
Далеко трубою мѣдной,
И невольно вкругъ робѣлъ
Старъ и младъ, богачъ и бѣдный.

Кончилъ старецъ; а народъ
Все вокругъ стоитъ въ молчаньи;
Всѣхъ томить и всѣхъ гнететь
Мысль о страшномъ покаяньи....

Только вдругъ изъ кабака
Скоморохъ идетъ красивый,
Выбирая трепака
На гармоникѣ визливой:

Словно ожилъ вдругъ народъ,
Побѣждалъ за нимъ гурьбою....
Смѣхъ и пляски—въ полный ходъ!
И слѣпецъ забыть толпою.

Возронтали старики:
„Эка дьявольская прелесть!
Сами лѣзутъ дураки
Змѣю огненному въ челюсть!“

Слышать ропотъ ихъ слѣпецъ:
— „Не судите, молвить, строго!
Благъ—небесный нашъ отецъ:
Смѣхъ и слезы—все отъ Бога!

„Отъ Него — и скорбный стихъ!
Отъ него — и стихъ веселый!
Тотъ спасень, кто любитъ ихъ
Въ свѣтлый часъ и въ часъ тяжелый!

„А кто любитъ ихъ — мягка
Въ томъ душа и не злоблива,
И къ добру она чутка,
И растить его, какъ нива.“

МАТЬ

„Бѣдный мальчикъ! весь въ огнѣ,

Все ему не ловко!

Лягъ на плечико ко мнѣ,

Прислонись головкой!

Я съ тобою похожу.

Подремли, мой мальчикъ!

Хочешь, сказочку скажу:

Жилъ былъ мальчикъ съ пальчикъ....

Нѣтъ! не хочешь?... сказки вздоръ?

Пѣсня лучше будетъ....

Зашумѣлъ сырѣ-теленъ боръ

Лисъ лисичку будитъ

Во сырѣ-темномъ бору....

Задремалъ мой крошка....

Я малинки наберу

Полное лукошко....

Во сырѣ-темномъ бору....

Тише! засыпаетъ....

Словно птенчикъ, все въ жару

Губки открываетъ....

„Во сырѣ-бору“ поетъ

Мать, и ходить, ходитъ....

Тихо, долго ночь идетъ....

Ночь ужъ день выводитъ, —

Мать поеть.... рука у ней
Затекла, устала,
И не разъ слезу съ очей
Бѣдная роняла....
И едва дитя, въ жару,
Вздригнетъ, встрепенется—
„Во темномъ-сыромъ бору“
Снова раздается....

Отклони ударъ, уйди,
Смерть съ своей косою!
Мать дитя съ своей груди
Не отдасть безъ бою!
Заслонитъ, средь всѣхъ тревогъ,
Всей душой своею,
Жизни чудный огонекъ,
Что затеплеть ею,—
И едва онъ засвѣтилъ,—
Вдругъ ей ясно стало
Что любви, что чудныхъ силъ
Сердце въ ней скрывало!

1861.

ТРИ ПРАВДЫ

Сказка.

Именитый жилъ купецъ на свѣтѣ.
Вышелъ разъ онъ въ садъ послѣ обѣда,
А въ саду для птицъ стояли сѣти.
Видитъ онъ, что въ сѣть попалась птичка,
Птичка-крошка, вся почти съ наперстокъ.
Онъ изъ сѣти высвободилъ птичку,
Въ руки взялъ, и что же? —птичка
Говоритъ ему по-человѣчьи:
„Отпусти-ка ты меня, хозяинъ,
Я тебѣ за то скажу три правды.
Съ этими ты правдами на свѣтѣ
Наживешь и денегъ и почету,
И на зависть всѣмъ пойдешь все въ гору!“

„Чудеса Господни, да и только!
Думаетъ купчина, —эко диво!
Говоритъ по-человѣчьи птица!“
—„Хорошо, сказалъ онъ ей, посмотримъ,
Каковы твои три птичьи правды.
Скажешь дѣло —выпущу на волю.“

—„Ну, такъ слушай, молвила пичуга:
Плачь не плачь, что было—не воротись;
Не тянись за тѣмъ что не подѣ-силу;
И не вѣрь чужимъ словамъ и толкамъ.
Вотъ тебѣ и всѣ мои три правды.“

— „Ну, сказалъ купецъ, оно не много,
И въ торговлѣ — третья монета!
Плачь не плачь, что было — не воротись;
Гдѣ ты, значить, лишнее просадишь,
Хоть расплачься не поможешь горю.
Лучше ты возьмись за умъ, за разумъ,
Да гляди ужь въ оба: знаемъ это.
Не тянись за тѣмъ что не подъ-силу;
Мало ль тутъ у насъ ошмыгъ-то ходить!
Торговаль лѣтъ двадцать, сбиль копѣйку,
Да и ухнулъ, за рублемъ погнавшись —
Не учить насъ стать и этой правдѣ.
А — не вѣрь людскимъ рѣчамъ и толкамъ:
Ужь на что жь еще и поддѣваютъ
Дураковъ изъ нашенскаго брата!
Нѣтъ ужь, не сули орлицу въ небѣ,
А подай ты мнѣ синицу въ руки:
Мы на этомъ, тетка, зубы съѣли!...
Ну такъ какъ же! что съ тобой мнѣ дѣлать?
Аль пустить ужь уговора ради?
Ну, ступай-себѣ, Господь съ тобою!“

И пустилъ купецъ на волю птичку;
Самъ за спину заложилъ онъ руки,
И пошелъ тихонько по дорожкѣ.
Только птичка все надъ нимъ летаетъ,
Подо носомъ шмыгнетъ, на вѣтку сядетъ,
И звенить-гремитъ что колокольчикъ,
И, выходитъ, словно какъ смѣется.
„Ты никакъ, купецъ спросилъ, смѣешься?“

— „Ничего! птичка отвѣчала, —
Я смѣюсь на вашу братью глядя.
Вотъ хоть ты: будь на волосъ умнѣе,
Ты бы первый былъ богачъ на свѣтѣ!
Еслибъ ты моихъ не слушалъ басень,
А пошелъ, да распоролъ мнѣ брюхо,
Ты во мнѣ нашелъ бы бриллиантикъ —
Не соврать-сказать — величиною
Что яйцо куриное! не меньше!“

У купца ажъ ноги подкосились.
Весь сомлѣлъ и руки растопырилъ.
Какъ же такъ далъ маху! ахъ мой Боже!
Какъ-нибудь поправить хочеть дѣло;
Вотъ и сталъ онъ къ птичкѣ подступаться:
„Я дивлюсь и вашей братьѣ, птицѣ, —
Что за радость жить вамъ по-цыгански!
Ну, куда ни шло еще какъ лѣто;
А какъ осень завернетъ, да стужа!
На дождѣ промокнешь и продрогнешь!
На морозѣ и совсѣмъ замерзнешь!
То-ли дѣло у меня въ хоромахъ!
И питье и кормъ—все даровое!
По зимѣ натопимъ жарко печи —
И живи что въ царствіи небесномъ!
Право, ты вѣдь умница, пичужка,
Разсудить могла бы не по-птичьи!“

А пичуга пуще заливалась:
„Ахъ купецъ, купецъ ты именитый!
Брюхо нажилъ, да ума не нажилъ!
На словахъ, поди ты, что на гусяхъ,
А на дѣлѣ—хуже балалайки!
Самъ твердилъ сейчасъ мои три правды:
Плачь, не плачь, что было, не воротись —
Упустилъ меня и ужъ горюешь!
Съ горя всѣ дѣла, пожалуй, кинешь!
Не тянись за тѣмъ что не подъ-силу:
А ко мнѣ какъ началъ подступаться!
И найдись теперь какой пройдоха,
Посули меня тебѣ представить—
Капиталь ему по каплѣ спустишь!
Самъ людскимъ смѣялся толкамъ глупымъ—
Моему же, птичьему, повѣрилъ:
Ну какой во мнѣ быть можетъ камень —
И какой еще величиною!
Что яйцо куриное! ишь, умникъ!
А вѣдь самъ въ рукахъ держалъ и видѣлъ —
Вся-то я не болѣе наперстка!“

Обругалъ купецъ пичугу, плюнулъ, —
Увидалъ, что въ дуракахъ остался! —
Двадцать лѣтъ молчалъ про этотъ случай,
Разказалъ почти что передъ смертью,
Подъ хмѣлькомъ, у внуки на крестинахъ.

1861.

КОНЬ

(Изъ сербскихъ пѣсень.)

Свѣтлолица, черноброва,
Веселѣ бѣла дня,
Водить дѣвица лихова
Опѣннаго коня;

Гладить гриву воронова,
И въ глаза ему гядить:
„Я коня еще такова
Не видала!“ — говорить.

„Чай коня и всадникъ стоить....
Только онъ тебя наврядъ
Вдоволь холить и покоить....
Что онъ — холость аль женать?“

Конь мотаеть головою,
Бьетъ ногою, говорить:
„Холость, — только за душою
Думу крѣпкую таить.

„Онъ со мною, стороною,
Заговаривалъ не разъ —
Не послать ли за тобою
Добрыхъ сватовъ, въ добрый часъ.“

А она въ отвѣтъ, краснѣя:
„Я для добраго коня
Стала бѣ сыпать, не жалѣя,
Полны ясли ячменя;

„Стала бѣ розовыя ленты
Въ гриву черную влетать,
На попоу позументы
Съ бахромою нашивать;

„Въ вѣчной холѣ, безъ печали
Мы бы зажили съ тобой....
Только бѣ сватовъ высылали
Поскорѣ вы за мной.“

ПО ПРОЧТЕНІИ БАЙРОНОВА ПАДЕНІЯ ІЕРУСАЛИМА

Уцельемъ на гору мы шли, въ ту ночь, въ оковахъ.
Уже багровый блескъ на мутныхъ облакахъ,
Крикъ пролетающихъ птицъ и смѣхъ вождей суровыхъ
Давно питали въ насъ зловѣщій, тайный страхъ.

Идемъ.... и ужась! вдругъ сверкнулъ огонь струею
На шлемахъ всадниковъ предшествовавшихъ намъ....
Пылалъ Ерусалимъ! пылалъ священный храмъ —
И вѣтеръ пламя гналъ по городу рѣкою....

И вопли наши вдругъ въ единый вопль слились....
„Ахъ, мщенья! мщенія!“... но дико загремѣли
Ручныя кандалы.... „О, Богъ отцовъ! ужели
Ты медлишь! ты молчишь!... Возстань! вооружись

„Въ грома и молніи!“... Но все кругомъ молчало....
Съ мечами на-голо, на чуждомъ языкѣ
Кричала римская когорта и скакала
Вкругъ насъ, упавшихъ ницъ въ отчаянной тоскѣ....

И повлекли насъ прочь.... и все кругомъ молчало....
И Богъ безмолвствовалъ.... и снова мы съ холма
Спускаться стали въ долъ, гдѣ улегалась тьма,
А небо на нее багряный блескъ роняло.

* * *

На бѣлой отмели каспійскаго поморья,
Работой каторжной изнеможенъ, лежалъ
Пѣвецъ. Вокругъ песокъ. Ни кустика, ни взгорья.
Лишь Каспій брызгами страдальца освѣжалъ,
Лишь Каспій вызывалъ пѣвца на пѣснопѣнье....
Вотъ въ душу узника слетѣло вдохновенье....
Задвигались уста, воспламенился взоръ.
Онъ руки къ родинѣ, какъ къ матери, простеръ,
Онъ очи обратилъ съ молитвой жаркой къ Богу:
Но двое часовыхъ ужъ видятъ: быть грѣху —
И взводятъ ужъ курки, отставили ужъ ногу,
Готовясь въ крѣпости тотчасъ поднять тревогу,
Готовясь выстрѣлить по первому стиху....

1860.

ИЗЪ ПЕТРАРКИ

Когда она вошла въ небесныя селеня,
Ее со всѣхъ сторонъ соборъ небесныхъ силъ,
Въ благоговѣнїи и тихомъ изумленьи,
Изъ глубины небесъ слетѣвшись, окружилъ.
„Кто это?“ шепотомъ другъ друга вопрошали —
Давно ужъ изъ страны порока и печали
Не восходило къ намъ въ сіяньи чистоты
Столь строго дѣвственной и свѣтлой красоты.

И тихо радуясь, она въ ихъ сонмъ вступаетъ,
Но замедляя шагъ, свой взоръ по временамъ
Съ заботой нѣжною на землю обращаетъ,
И ждетъ — иду ли я за нею по слѣдамъ....
Я знаю, милая! Я день и ночь на стражѣ!
Я Господа молю! молю и жду — когда же?...

А Л И - Б Е Й

(Изъ Гейне.)

Али-Бей, герой ислама,
Упоенный сладкой нѣгой,
На коврѣ сидитъ въ гаремѣ,
Между женъ своихъ прекрасныхъ.

Что игривыя газели
Эти жены: та рукою
Бородой его играетъ,
Та разглаживаетъ кудри,

Третья, въ лютню ударяя,
Передъ нимъ поетъ и пляшетъ,
А четвертая, какъ кошка,
У него прижалась къ сердцу....

Только вдругъ гремятъ литавры,
Барабаны бьютъ тревогу:
„Али-Бей! вставай на битву!
Франки выступили въ поле!“

На коня герой садится,
Въ бой летитъ, но мыслью томной
Все еще въ стѣнахъ гарема
Между женъ своихъ витать, —

И межъ тѣмъ какъ рубить Франковъ,
Улыбается онъ сладко
Милымъ призракамъ, и въ битвѣ
Отъ него не отходящимъ....

СОНЪ НЕГРА

(Изъ Лонгфелло.)

Измученъ зноемъ и трудомъ,
Онъ на земь бросился ничкомъ.
Недвижно рисъ надъ нимъ стоялъ.
Палимый зноемъ, онъ дремалъ....
То былъ ли бредъ, то былъ ли сонъ —
Родимый край увидѣлъ онъ.

Увидѣлъ онъ: въ степи глухой
Несется Нигерь голубой;
Подъ сѣнью пальмъ стоятъ шатры;
Къ нимъ караванъ ползеть съ горы,
И люди веселы кругомъ:
Онъ въ томъ народѣ былъ царемъ.

Среди цвѣтовъ стоитъ жена
Толпой дѣтей окружена;
И дѣти къ ней, ласкаясь, льнутъ,
И въ лѣсъ, отца искать, зовутъ....
И вотъ сквозь сонъ, горячій сонъ,
Въ бреду заплакалъ тихо онъ....

И снова чудится во снѣ:
На борзомъ мчится онъ конѣ:
Какъ вольный вихоръ конь летить,
Взбивая прахъ изъ-подъ копытъ,
Златою збруею звеня, —
И сабля бьетъ въ бока коня....

Что мигъ — свободнѣй дышетъ грудь!
Что шагъ — торжественнѣе путь!
Все ближе горы. Левъ рычитъ;
Кричитъ гѣна; змѣй свиститъ,
И тяжело по тростникамъ
Идетъ въ рѣкѣ гиппопотамъ.

Подъ небомъ темно-голубымъ
Фламинго красный, передъ нимъ
Несясь въ дали, крылами бьетъ,
Какъ знамя красное — и вотъ
Ему открылся Кафровъ станъ,
И въ очи глянулъ океанъ!

И всталъ онъ тамъ, и слышитъ: вдругъ,
Подобный трубамъ, мощный звукъ
Поколебалъ и долъ, и лѣсъ,
И глубь пустынь, и глубь небесъ....
То звалъ къ свободѣ изъ оковъ
Великій духъ своихъ сыновъ.

И вздрогнулъ онъ, услыша клачь....
И ужъ не чувствовалъ какъ бичъ
По немъ скользнулъ, и какъ ногой
Его толкнулъ хозяинъ злой,
Какъ онъ, сдавивъ досады вздохъ,
Пробормоталъ потомъ: „издохъ!“...

КУПАЛЬЩИЦЫ

(Мелодія съ береговъ Ганга.)

Люблю тебя, мѣсяцъ, когда озаряешь
Толпу шаловливыхъ красавицъ идущихъ
Съ ночнаго купанья домой!

Прекрасенъ ты воздухъ, неся издалека,
Съ вѣнковъ ихъ роскошныхъ волну аромата,
Намъ ихъ возвѣщая приходишь.

Прекрасно ты море, когда твою свѣжесть
Я слышу у нихъ на груди и ланитахъ,
И въ черныхъ, тяжелыхъ косахъ....

УПРАЗДНЕННЫЙ МОНАСТЫРЬ *

(Глава из поэмы: *Полн.*)

Давно въ туманѣ предо мной
Блестящей точкою горя,
То надъ лѣскомъ, то надъ горой
Свѣтился крестъ монастыря.

И вдругъ—обрывъ! и вотъ—рѣка
Въ тѣни высокихъ береговъ
Бѣжитъ, подернута слегка
Отливомъ красныхъ облаковъ.

И на откосѣ мѣловомъ
Открылась старая стѣна,
Съ безглавой башней, какъ огнемъ
Закатомъ дня озарена.

Прохлада вѣтъ надъ рѣкой,
Струясь за рѣзвымъ вѣтеркомъ,
И тихо движется со мной
Неповоротливый паромъ.

* Надѣемся доставить удовольствіе читателямъ *Русскаго Вѣстника* приложивъ къ нашему журналу собраніе стихотвореній А. Н. Майкова, писанныхъ даровитымъ поэтомъ послѣ 1858 года и разбѣянныхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, напр. *Упраздненный монастырь*, одно изъ лучшихъ въ предлагаемомъ собраніи, *Празднокословы*, *Разрушеніе Иерусалима* въ первый разъ появляются въ печати; многія же совсѣмъ передѣланы авторомъ. *Прим. Ред.*

Вотъ монастырь.... Слѣды ль осады,
Пицалей, приступовъ къ стѣнамъ,
Въ кирпичныхъ грудяхъ, что лежатъ,
Поросши лѣсомъ, здѣсь и тамъ?...

Лампада у воротъ горитъ
Предъ полинялымъ образкомъ;
Монахъ, сѣдой старикъ, сидитъ
У кружки подъ двойнымъ замкомъ;

Сидитъ и смотритъ, какъ ползутъ
Мои лошадки по горѣ....
— „Что, отче честный, есть ли тутъ
Что посмотреть въ монастырь?“

— „А посмотри! Запрету нѣтъ!
Что есть — увидишь“, молвилъ онъ,
„Да что смотрѣть-то! Сколько лѣтъ
Какъ монастырь ужь упраздненъ.

„Святыню вывели.... Живемъ
Одни въ привратникахъ мы тутъ
Съ отцомъ Паисіемъ и ждемъ,
Аль насъ куда переведутъ,

„Аль здѣсь помремъ.... Я, вотъ, съ ногой
Изнылъ. Ломота извела.
Лѣчилъ лѣтось у одной
Старушки: нѣтъ, не помогла!

„Войди въ калитку-то, смотри!“ —
Мнѣ указалъ на дверь старикъ;
А самъ спѣшилъ въ лучахъ зари
Еще погрѣться лишній мигъ.

Бѣднякъ! едва ль не правъ былъ онъ!
Смотрѣть не много было, нѣтъ!
Кой-гдѣ слѣды витыхъ колоннъ,
Письма и позолоты слѣдъ.

III.

ИЗЪ СТРАНСТВОВАНІЙ

THE HISTORY OF THE

НА БЕРЕГАХЪ НОРМАНДІИ

Больное тихое дитя
Сидитъ на берегѣ, слѣдя
Большими, умными глазами
За золотыми облаками....
Вкругъ берегъ пусть—скала, песокъ....
Тростникъ, накиданный волною,
Въ поморьѣ тянется каймою....
И такъ покой кругомъ глубокъ,
Такъ тихъ ребенокъ, что садится
Вблизи его на тростникъ,
Играя, птичка; на песокъ
По мели рыбка серебрится....
Къ нимъ взоръ порою обратя,
Такъ улыбается дитя,
Глядитъ на нихъ съ такимъ участиемъ,
И такъ сіяетъ кроткимъ счастьемъ—
Что если бѣдный промелькнетъ
Онъ на землѣ какъ гость залетный,
И скоро въ небѣ въ сонмъ безплотный
Господнихъ ангеловъ взойдетъ,—
То тамъ, межъ нихъ, вспоминая
Свой берегъ дикій и пустой,—
„Прекрасна, скажетъ, жизнь земная!
Богатъ и весель край земной!“

ВЪ АЛЬПАХЪ

I.

ЛЕДНИКИ.

Сырая мгла лежитъ въ ущельѣ,
А тамъ—какъ призраки легки,
Въ стыдливомъ, дѣвственномъ весельѣ,
Въ багрянцахъ утра—ледники!

Какою жизнью вѣетъ новой
Мнѣ съ этой свѣжной вышины,
Изъ этой чистой, бирюзовой
И свѣта полной глубины!

Тамъ, знаю, ужасъ обитаетъ,
И нѣтъ людскаго тамъ слѣда,—
Но сердце точно отвѣчаетъ
На чей-то зовъ: „туда! туда!“

II.

АЛЬПІЙСКАЯ ДОРОГА.

На горѣ, сіяньемъ утра
Деревянный крестъ облить,
И малютка на колѣняхъ
Передъ нимъ въ мольбѣ стоитъ....

Помолись, душа святая,
И о страннихъ и чужихъ,
О тоскующихъ, далекихъ,
И о добрыхъ, и о злыхъ....

Помолись, душа святая,
И о томъ, чей путь далекъ,
Кто съ душой, любовью полной,
Въ мѣрѣ вѣюду одинокъ....

1858.

* *
* *

Все—серебряное небо!
Все—серебряное море!
Теплой влагой воздухъ полонъ!
Тишина такая въ мѣрѣ,
Какъ въ душѣ твоей бываетъ
Послѣ слезъ, когда, о Нина,
Сердце кроткое осилить
Страстью поднятую бурю,
И на блѣдныя лавиты
Ужь готовъ взойдти румянецъ,
И въ очахъ мерцаетъ тихій
Свѣтъ надежды и прощенья....

Ницца, 1858.

МАДОННА

Стою предъ образомъ Мадонны:
Его писалъ монахъ святой,
Старинный мастеръ, не ученый;
Видна въ немъ робость, стиль сухой;

Но робость кисти лишь сугубить
Величье Дѣвы: такъ она
Вамъ сострадаетъ, такъ васъ любитъ,
Такою благостью полна,

Что вѣришь, какъ гласитъ преданье,
Передъ художникомъ святымъ,
Сама Пречистая въ сіяньѣ
Являлась, видима лишь имъ....

Измученъ подвигомъ духовнымъ,
Постомъ суровымъ изнуренъ,
Не разъ на помостѣ церковномъ
Былъ поднять иноками онъ,

И призванъ къ жизни ихъ мольбами,
Еще глаза открыть боясь,
Онъ братью раздвигалъ руками
И шелъ къ холсту, душой молясь,

Брался за кисть, и въ умиленьѣ
Онъ кистью то изображалъ,
Что отъ небснаго видѣнья
Въ воспоминаньѣ сохранялъ.

И слезы тихія катились
Вдоль блѣдныхъ щекъ,—и, страхъ тая,
Монахи вокругъ него молились,
И плакали.... какъ плачу я....

Флоренція, 1859.

НЕАПОЛИТАНСКІЙ АЛЬБОМЪ

I.

ДОНЪ-ПЕППИНО.

Жаръ упаль. На берегъ моря
Шумно въ садъ толпа валить,
И кругомъ по звонкой лавѣ
Экипажей рой летить....

Звонъ колесъ, и блескъ, и хохотъ....
Крикъ и щелканье бичей....
Все-то къ саду мчится, къ морю,
Въ сѣнь каштановыхъ аллей.

„Что за женщины!“ бормочетъ
Съверянинъ отъ души;
Съверянки жь прибавляютъ:
„И мужчины хороши!“

Хороши! но вотъ, смотрите—
Изъ красавцевъ Аполлонъ!
Какъ онъ божески спокоенъ,
Точно нектаромъ вспоенъ!

Даже эта эспаньйола,
Съ шикомъ лондонскимъ нарядъ,
Даже розочка въ петлицѣ
Сходству съ богомъ не вредятъ!

Вотъ онъ бросилъ свой миланскій
Щегольской кабріолетъ,
Входитъ въ садъ—въ толпѣ движенье,
Всѣ глядятъ ему во слѣдъ....

Аполлонъ!... Но вотъ къ миссъ Мери
Олимпіецъ подошелъ....
Вкругъ нея какъ-будто вспыхнулъ
Тотчасъ свѣтлый ореолъ....

Ахъ, я чувствую, не ловко
Ей отъ этихъ черныхъ глазъ,
Хоть глядитъ онъ такъ покорно,
Говоритъ полусмѣясь....

И должно-быть въ этомъ взглядѣ
Власть и сила безъ границъ!
Ледяныхъ я зналъ красавицъ,
Величавыхъ, гордыхъ львицъ....

Но взглянулъ онъ—прочь величье!
Эта львица передъ нимъ
Тише, тише—и ужь смотритъ
Вдругъ звѣркомъ совсѣмъ ручнымъ!

Такъ и ластится, и ходитъ,
И съ него не сводитъ глазъ....
О, миссъ Мери, о, миссъ Мери!
Признаюсь—дрожу за васъ!

II.

Боже мой, какая нѣга
Въ этихъ палевыхъ ночахъ!
Все какъ будто замираетъ
Въ сладострастныхъ, жаркихъ снахъ!

На цвѣты посмотришь, право—
Покраснѣешь со стыда!
Какъ ласкаются, что шепчуть,
И что дѣлають—бѣда!

Нѣтъ, домой скорѣй, миссъ Мери!
На замокъ скорѣй балконь!
Прогоните донъ-Пеппино....
Онъ отваженъ и влюбленъ....

Въ эту ночь, какъ разъ забудешь
Что дозволено, что грѣхъ,
И въ одну минуту сердце
Скажетъ вамъ: все вздоръ и смѣхъ!

III.

Вотъ, смотрите, о, миссъ Мери,
Весь на аркахъ, весь сквозной,
Королевы Иоанны
Зáмокъ темный и нѣмой.

Днемъ въ тотъ замокъ ѣздить даже
Кушать устрицы—тамъ видъ
Чудный къ морю, и бесѣдка
Виноградная стоитъ.

По ночамъ—другое дѣло!
Не пройдетъ вблизи руинъ
Безъ воззванія къ Мадоннѣ
Босоногій капуцинъ;

Въ страхъ ослика колотить
Здѣсь погонщикъ въ поздній часъ,
И бѣжить проворной рысью
Самъ, за хвостъ его держась;

И съ компаніей веселой
Изъ Пуццоло каретьеръ
Только съ хлопаньемъ и гикомъ
Пролетитъ во весь карьеръ.

Слухъ идетъ о королевѣ,
Будто чортъ, поспоря съ ней,
По ночамъ ей обязался
Приводить богатырей;

Что въ своихъ объятяхъ много
Ихъ замучила она,
Но доселѣ не сказала:
„Мнѣ довольно, сатана“....

И въ урочный часъ, сіяя
Красотой могучей жемъ
Тѣхъ желѣзныхъ, тѣхъ кровавыхъ,
Полуварварскихъ времянь—

Въ замокъ свой она приходитъ....
Стражи тутъ тревогу бьютъ,
Видно, какъ пажи въ аркадахъ
Съ канделябрами бѣгутъ,

И въ коронѣ многоцвѣтной
Въ свой чертогъ она идетъ,
И съ своей порфирой алой
То мелькнетъ, то пропадетъ....

И безумцевъ такъ и тянетъ
Съ ней—женой богатырей—
Испытать и пыль, и нѣгу
Намъ невѣдомыхъ страстей.

Разъ и я былъ, о, миссъ Мери,
Этой чарою объять.
Долго ждалъ я, скоро ль въ окнахъ
Канделябры заблестятъ....

И когда бь тутъ не промчался
Мистеръ Джона экипажъ,
И при бѣломъ лунномъ свѣтѣ
Не мелькнулъ мнѣ образъ вашъ —

Образъ полный тѣмъ прозрѣваемъ,
Торжествомъ и тишиной,
Что въ страдальцахъ предъ кончиной
Поражаетъ насъ порой —

Я, клянусь вамъ, о, миссъ Мери,
Въ эту ночь, съ ея луной,
Съ этой нѣгой — я не знаю
Что бы сдѣлалось со мной!

IV.

КЪ МИССЪ МЕРИ.

(Романъ донъ-Пеппино.)

Andante.

Se io fossi un angelo....

Когда бь я ангелъ былъ небесный,
Тебя бь на небо я умчалъ,
И полонъ радости чудесной
Съ тобой къ Всевышнему предсталъ.
Чтобы — о, чистое созданье! —
Средь ликованья горнихъ силъ
Онъ красоты твоей сянье
Лучомъ безсмертья озарилъ!

Allegro.

Океанъ кидаетъ волны!
Все глядитъ къ звѣздѣ своей!
И въ волнахъ на каждомъ взломѣ
Блещетъ свѣтъ ея лучей.

Упади, звѣзда золотая,
Упади ко мнѣ на грудь,
А не то вѣдь я сумѣю
И до неба достягнуть!

V.

Весь Неаполь залитъ газомъ,
Шумомъ улицы полны,
Но въ *Hotél di Gran-Bretagna*
Окна всѣ затворены.

Лишь въ одномъ окошкѣ лампа:
За газетой мистеръ Джонъ....
Точно саванъ примѣряя,
Times развертываетъ онъ....

За работой вы, миссъ Мери!
Какъ идетъ румянецъ къ вамъ,
И разсыпанныя просто
Ваши кудри по плечамъ!

Блескъ въ глазахъ.... и грудь какъ дышитъ....
Такъ, я видывалъ не разъ,
Дышитъ птичка, изъ-подъ лапы
У кота освободясь....

VI.

Я люблю въ *Café d'Еигора*
Смѣхъ и шумъ во всѣхъ углахъ,
Серебро, хрусталь на звонкихъ
Бѣломраморныхъ столахъ.

Всѣмъ тутъ весело: Французамъ
Съ вѣчной сахарной водой,
Саввѣ Саввичу съ шампанскимъ
И котлетой отбивной.

Итальянцы жь какъ на балѣ
Всѣ во фракахъ щегольскихъ....
Лишь блестящій донъ-Пеппино
Нынче что-то приутихъ.

„Вотъ ужь каменное сердце!“
Онъ шипитъ: „не въ могу!“
И даетъ же имъ Создатель
Неземную красоту!

„Чай, сидитъ теперь и пишетъ
Про Неаполь чепуху
Своему такому жь точно
Ледяному жениху!

„Вздохи шлетъ свои въ Калькутту,
Гдѣ Альфредъ ея — лѣтъ пять
Съветъ макъ во имя Мери,
Чтобъ Китайцевъ отравлять!...“

VII.

Какое утро! Стихли громы,
Широко льется солнца лучъ,
Горятъ серебряные комы
За горы уходящихъ тучъ....

Какое утро!... Море снова
Приемлетъ свой зеркальный видъ,
Хотя вдоль дна голубова
Тяжелый вздохъ еще бѣжитъ;

И—слѣдъ утихнушаго гнѣва—
Бурунь вскипаетъ здѣсь и тамъ,
И слышенъ гулъ глухаго рева
Вдоль по отвѣснымъ берегамъ....

Плыву я, счастьемъ тихимъ полный,
И мой гребецъ имъ дорожить:
Чуть-чуть по влагѣ, самъ безмолвный,
Весломъ сверкающимъ скользить....

Молчить—и лишь съ улыбкой взглянетъ,
Когда на насъ отъ береговъ
Чуть слышнымъ вѣтеркомъ потянетъ
Благоуханіе цвѣтовъ:

Какъ-будто сальфовъ рѣзвыхъ стая,
Спрыгнувъ со скаль, дыша тепломъ,
Помчалась, вся благоухая,
Купаться въ воздухѣ морскомъ....

VIII.

КЪ МИССЪ МЕРИ.

Передъ тобой синѣетъ море,
Заря играетъ по горамъ,
Но какъ тоскующая лебедь
Блуждаешь ты по берегамъ;

За убѣгающей волною,
Сжимая руки, ты слѣдишь,—
И, „гдѣ онъ? гдѣ? скажи, о море!“
Въ пустыню съ воплемъ говоришь!

IX.

Князь NN, и графъ фонъ-Дум—ень.
Мичманъ С., артистъ Б—инъ,
Мечутъ съ хохотомъ червонцы
Въ глубину морскихъ пучинъ.

За червонцемъ въ ту жь минуту
Мальчикъ — прыгъ! исчезъ въ водахъ, —
И ужъ вынь.рнетъ навѣрно
Съ золотымъ кружкомъ въ зубахъ....

Молодецъ!... Но, милый мальчикъ,
Знаю бездну я одну....
Самъ Господь червонцевъ всыпалъ
Много въ эту глубину, —

Только дна ты въ ней не сыщешь!
Эта бездна, милый мой,
Сердце мраморной миссъ Мери,
Англичанки ледяной!

X.

Въ темный храмъ одинъ прокрался
Лучъ полдневный, озаря
Два-три бѣлыхъ покрывала
Изъ толпы у алтаря.

Тихо! точно какъ на отдыхъ
Собрались въ прохладный храмъ —
Эти ангелы подъ своды,
Эти люди къ алтарямъ.

Вы войдете: что малютокъ
Улыбается! что глазъ—
Черныхъ глазъ—въ толпѣ безмолвной
Подымается на васъ!

XI.

Вотъ съ рѣзной кафедры грозно
Держить рѣчь къ толпѣ монахъ
И къ огромному распятыю
Припадаетъ, весь въ слезахъ.

„Се страдалецъ!“ восклицаетъ:
„Острый тернь чело язвить!
Се божественныя ребра!
Кровь ручьемъ изъ нихъ бѣжитъ!“

„Онъ за васъ приѣмлетъ муки!
Вамъ же трудно для него
Обуздать порывы плоти,
Страсти сердца своего!...“

И толпа вокругъ рыдаетъ,
Все готова обуздать,
Лишь бы выйдя вонъ изъ храма
Черныхъ глазъ не повстрѣчатъ.

XII.

Ахъ, межъ тѣмъ какъ вы стояли,
На рѣшетку опершись,
Въ темномъ храмѣ, и душою
Въ свѣтлый куполъ унеслись—

Я глядѣлъ на васъ, миссъ Мери!
Понялъ я вашъ грустный взоръ!
Этихъ ангельчиковъ съ вами
Я подслушалъ разговоръ.

— „Жаль, что ты для насъ чужая!“
Вамъ сказали: — „но, увы!
Воротиться невозможно“,
Отвѣчали кротко вы.

— „Уѣтебя такъ много горя!
Съ кѣмъ ты выплачешь его?“
— „Съ кѣмъ? одна! сама съ собою!
Вкругъ—пустыня! никого!“

— „Кто въ пути тебя наставитъ?“
— „Умъ! Все умъ!“ — „А сердце, что жь?“
— „Умъ для сердца лучшій кормчій!“
— „Лжешь, миссъ Мери, право лжешь!“

„Мы вѣдь знаемъ — какъ ребенокъ
Сердце скажетъ вдругъ: „хочу“ —
И прощаемъ!...“ Вы жь съ улыбкой:
— „Но сама я не прощу!“

Тутъ поднялись вы — и легкимъ
Наклоненьемъ головы
Съ свѣтлымъ сонмомъ силъ небесныхъ
Какъ съ дѣтми простились вы....

XIII.

Золотой архіепископъ,
Signoria и народъ,
Иностранцы въ черныхъ фракахъ,
Весь Неаполь — чуда ждетъ.

Взоры всѣхъ на стклянкѣ съ кровью...
Только кровь все не кипитъ....
Санъ-Дженнаро! Санъ-Дженнаро!
Или ты на насъ сердить!

Или есть межъ нами грѣшникъ?
Бейте жъ въ грудь себя сильнѣй!
Бейтесь объ полъ головами!
Плачьте громче, горячѣй!

Донна-Анна! ты, Джульетта!
Подвели ль вы счетъ грѣхамъ?
И на исповѣди все ли
Перечли духовникамъ?...

Да не я ли ужь помѣха?
Я вѣдь здѣсь совсѣмъ чужой!...
Не миссъ Мери ль?... Но миссъ Мери
Ужь уѣхала домой.

Мимоѣздомъ въ Санъ-Дженнаро,
Въ амазонкѣ и съ хлыстомъ
Появлялася миссъ Мери....
Взглядъ лишь бросила кругомъ....

Боже! точно льдомъ пахнуло
Отъ нея на всѣхъ на насъ —
Льдомъ полярнымъ, правда, чистымъ
И прозрачнымъ какъ алмазь!...

Мистеръ Джонъ одинъ остался
И во всѣ глаза слѣдитъ
За движеньями прелата,
Что предъ стклянкою стоитъ.

XIV.

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ.

Далеко, на самомъ морѣ
Я построю домъ
Изъ цвѣтныхъ павлиньихъ перьевъ
Съ звѣздами кругомъ.

Вставлю въ нихъ еще сапфиры,
Жемчугъ, бирюзу,
Жить туда со мной навѣки
Нину увезу.

И едва кругомъ съ балкона
Нина поглядитъ—
„Солнце всходитъ! солнце всходитъ!“
Все заговоритъ!

XV.

ЕЩЕ ИЗЪ НАРОДНОЙ ПѢСНИ.

Не хочу я смерти ждать,
Ждать до старости постылой!
Умирать—такъ умирать
Отъ ножа въ глазахъ у милой!
Станетъ вдругъ она тогда
Говорить—о чемъ молчала,
Цѣловать—какъ никогда
До того не цѣловала!

XVI.

Что за шумъ и крикъ, о Боже!
Нина! Ты ль, моя краса,
Такъ безжалостно вцѣпилась
Лоренцино въ волоса?

Точно молнія блеснула,
Видѣлъ я, въ глазахъ твоихъ—
И изъ ангела въ тигрицу
Превратилася ты въ мигъ!

А все вы виной, миссъ Мери,
Что смотрѣли на него,
И этюдъ нашли въ немъ чудный
Для альбома своего.

XVII.

Вы повсюду — о, миссъ Мери!
Въ этотъ зной!... Лучи палятъ!...
Сотни каторжниковъ красныхъ
Гору бѣлую сверлятъ.

Что вы взорами впилися
Въ этотъ нестрый сбродъ людей?
Въ эти бронзовыя лица?
Иль вамъ чуденъ стукъ цѣпей?

Или вамъ въ толпѣ несчастныхъ
Дико видѣть смѣхъ и споръ,
И трагическія позы,
И комическій задоръ?

Знаю! „Мучениковъ мысли“
Все вы ищете межъ нихъ,
Чтобы нѣсколько имъ бросить
Утѣшенья словъ святыхъ!

О, подѣ этимъ яснымъ небомъ,
Посреди счастливыхъ лицъ—
Эти люди вѣдь опаснѣй
И бандитовъ, и убійцъ!

Ихъ катоновская мрачность
И улыбка злая ихъ
Навели бъ и страхъ, и скуку
На людей и на святыхъ!

И, спасибо, ихъ далеко
Убираютъ здѣсь—туда
Гдѣ и солнце, ненарокомъ,
Не бываетъ никогда!

XVIII.

ДВА КАРЛИНА. *

„Эй, синьйоръ! хоть два карлина
Дайте мнѣ за что-нибудь!
Спѣть вамъ—bella Sorrentina?
Или пыль съ сапогъ стряхнуть?“

Боже мой! съ какою злобой
Вы кричите, негодяй!
„Здѣсь Неаполь! Здѣсь особый
И народъ, и самый край!

* Карлинь — мелкая неаполитанская монета, около 10 коп.

„Много есть народовъ умныхъ,
Но философъ—нашъ одинъ,
Хоть живетъ средь улицъ шумныхъ
Какъ поэтъ и арлекинъ!

„Богачи и ладзароны—
То одна душа! у всѣхъ
Счастье—тѣ же макароны,
Тѣ же пѣсни, тотъ же смѣхъ!

„Наши пѣсни—что ихъ краше?
Какъ цвѣты изъ нѣдръ земныхъ
Изъ груди пѣвучей нашей
Солнце такъ и тянетъ ихъ!

„Смѣхъ—намъ хартія! захочетъ
Деспотъ сжать насъ—смѣхъ ужь тутъ:
Знакъ, два слова—и хохочетъ
Весь Неаполь, всякій людъ!

„Мирно съ церковью онъ ладить,
Да и церковь ко двору—
Для него Мадонну рядить
Какъ невѣсту на пиру!

„Галлы, Нѣмцы, Аррагонцы,
Споръ вели изъ-за него—
Онъ, отъ всѣхъ лова червонцы,
Не стоялъ ни за кого!

„Возвѣстилъ ему свободу
Гарибальди—perché no?
Были бѣ праздники народу,
Были бѣ пѣсни да вино!

„Все равно, кто править нами—
Тотъ иль эготъ!... Здѣсь одинъ
Надъ рабами и царями
Есть повыше господинъ....

„Вонъ — чудовище! открыло
Къ ночи огненную пасть....
Точно ждетъ, собираясь съ силой,
Только знака, чтобъ напасть!

„Не минуемъ вѣрной кары!
Нынче ль, завтра ль — все одно!...
Ужь подземные удары
Ночью будятъ насъ давно.

„И колеблющейся лентой
По прозрачнымъ небесамъ,
Отъ Пуццоло до Сорренто,
Дымъ стоитъ и здѣсь и тамъ....

„Все что дышитъ — гибель чувствуетъ,
И, бояся опоздать,
Веселится и ликуетъ....
Человѣку ль отставать?

„Лучше пѣть забывши горе,
Передъ часомъ роковымъ,
Какъ поглотить огонь иль море
Почву шаткую подъ нимъ....

„Ахъ, ужасная картина!
Вдругъ порвется жизни нить....
Такъ что.... ваши два карлина....
Передъ смертью, можетъ быть!“

XIX.

ТАРАНТЕЛЛА.

(На голосъ: *Già la luna è mezz'al mare....*)

Нина, Нина! тарантелла!
Старый Чьеко ужъ идетъ!

Вонъ ужь скрипка загудѣла!
Въ кругъ становитея народъ!
Пріударилъ Чьеко старый....
Словно птички на зерно,
Отовсюду мчатся пары!...
Вонъ—ужь кружатся давно!

Какъ стройна, гляди, Аглая!
Вотъ помчалась въ кругъ живой—
Очи долу, ударяя
Въ тамбурина надъ головой!
Ловокъ съ нею и Дженнаро!...
Вслѣдъ за нимъ намъ—смотри!
Послѣ тотчасъ третья пара....
Ну, Нинета.... разъ, два, три....

Завязалась, закупѣла,
Все идетъ живѣй, живѣй,
Обуяла тарантелла
Всѣхъ отвагою своей....
Эй! простору!... шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Эй, синьйоръ, синьйоръ! угодно
Вамъ въ кружокъ нашъ, можетъ-быть?
Иль свой санъ въ толпѣ народной
Вы боитесь уронить?
Ну, такъ мимо!... шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Вы—синьйора?... Вы бѣ и рады,
Къ намъ сердечко васъ зоветъ....
Да снуровка безъ пощады
Вашу грудь больную жметъ....

Ну, такъ мимо!... шибче скринки!
Юность мчится! съ ней мечты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Вы, философъ! дайте руки!
Не угодно ль къ намъ сюда!
Иль кто разъ вкусилъ науки—
Не смѣется никогда!
Ну, такъ мимо!... шибче скринки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Ты что смотришь такъ сурово,
Босоногій капуцинъ?
Въ сердцѣ памятью былова,
Чай, отдался тамбуринъ?
Ну—такъ къ намъ—и шибче скринки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Словно въ вихрѣ мчатся пары
Не сидится старикамъ....
Расходился Чьеко старый
И подплясываетъ самъ....
Мудрено ль! вокругъ старой скринки
Такъ и носятся цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Не робѣйте! смѣйтесь дружно!
Пусть дѣтьми мы будемъ вѣкъ!
Человѣку знать не нужно
Что такое человѣкъ!...
Что тутъ думать!... шибче скринки!
Наши—юность и цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

XX.

LACRUMAE CHRISTI.

На Везувіи пустынный
Жилъ ужъ много лѣтъ;
Былъ здоровъ, румянь и весель,
Хоть давно ужъ сѣдъ;
Но живя въ уединеньи
Говорить отвыкъ,
И что годъ—то становился
Туже на языкъ.

Жилъ онъ, жилъ, молился Богу,
Виноградъ садилъ—
Виноградъ же этотъ въ мірѣ
Всѣмъ извѣстенъ былъ:
Только онъ давалъ густое,
Темное вино....
Подъ названьемъ Слезъ Христовыхъ
Славилось оно.
И хотя къ нему названье
Не Христовыхъ Слезъ,
А скорѣ Слезъ Титана
Лучше бы пришлось,
— Жгло оно и страсть будило—
Но увы! старикъ
Въ мифологіи не смыслилъ,
Въ жизнь не видѣлъ книгъ....
А могучихъ лозъ обилье,
Въ простотѣ своей,
Все приписывалъ Мадоннѣ,
И молился ей,
И за каменной оградой
У своихъ воротъ,
Ей часовеньку поставилъ—
Отъ всѣхъ бѣдъ оплотъ!

Такъ шли годы. На Везувій
Вѣчно шель народъ;
Къ старику ужь вѣрно каждый
За виномъ зайдетъ;
Только вотъ—уже съ недѣлю
Сталъ вулканъ бурлить;
Старика предупреждали
Что ужь худу быть....
Что геологи пугаютъ
Близкою бѣдой—
Но старикъ лишь улыбался
И махалъ рукой.
Только вотъ съ своей постели
Онъ былъ сброшенъ вдругъ
Отъ подземнаго удара....
Смотрить—адъ вокругъ!
Изъ жерла вулкана—пламя
Огненнымъ снопомъ!
Громъ — какъ будто сотни пушекъ
Грянули кругомъ.
Всюду лопаютъ вулкана
Черные бока—
И течетъ изъ нѣдръ ихъ лавы
Свѣтлая рѣка....

Ослабленъ и задыхаясь,
Еле живъ старикъ;
Чуть доползъ онъ до часовни,
Къ ней лицомъ приникъ,
Лозь пригнулъ къ себѣ—но листья
Свертываетъ жаръ,
Кисти лопаютъ и каплютъ,
И идетъ съ нихъ паръ....

Этихъ лозъ, что возвращалъ онъ,
Что въ его дому
Разливали столько счастья—
Стало жаль ему,

И себя забывъ, къ Мадоннѣ
Вдругъ онъ простоналъ:
„Сохрани мой виноградникъ“—
И безъ чувствъ упалъ.
Вопль услышала Мадонна:
Лава обошла
Вкругъ стѣны и знаменитыхъ
Лозъ не обожгла.
И старикъ потомъ былъ найденъ,
Въ чувство приведенъ,
И досель живетъ, остывшей
Лавой окруженъ.
Только вотъ что вышло худо:
Къ кратеру горы
Ужъ совсѣмъ другой дорогой
Ходятъ съ той поры;
Пьютъ вино ужъ у другаго!
Старецъ пересталъ
Виноградникъ свой лелѣять—
Виноградъ пропалъ....
Съ нимъ онъ самъ почти что высохъ:
Вечеркомъ сидитъ
У воротъ и на часовню
Грустно онъ глядитъ:
„Помолился я Мадоннѣ“,
Думаетъ, „тогда,
Да не выразился ясно!
Вотъ моя бѣда!“

XXI.

Все ты бредишь Англичанкой,
Что сегодня на зарѣ
Оссіановскою тѣнью
Пронеслася по горѣ.

Я увѣренъ, Савва Саввичъ,
Что и осликъ свѣрый твой
Все арабской кобылицей
Нынѣ бредитъ день-деньской.

Странно бѣ было, еслибѣ даже
Вы въ сужденьяхъ разошлись—
Онъ—обѣ кровной кобылицѣ,
Ты—обѣ кровной этой миссѣ!

XXII.

Всѣмъ ты жалуешься вѣчно,
Что судьбой гонимъ съ пелень,
Что влюбляешься несчастно,
Дважды чиномъ обойдешь!

Другъ! не ты одинъ страдаешь!
Вонъ—взгляни: осель стоитъ,
И съ горы на весь Неаполь
О бѣдахъ своихъ кричитъ.

XXIII.

Фердинандъ король былъ рыцарь,
Деликатности примѣръ!
Онъ за собственной печатью
Заперъ всѣхъ нагихъ Венеръ,

А раздѣтыхъ Геркулесовъ
Всѣхъ оставилъ по мѣстамъ....
Не боясь мужчинъ обидѣть,
Обижать не смѣлъ онъ дамъ.

XXIV.

Внѣ ограды Campo Santo,
Не въ ряду святыхъ могилъ,
Нынче съ почестью Неаполь
Примадонну хоронилъ.

Безъ военнаго конвоя,
Безъ монаховъ и поповъ,
Самъ народъ „комедіантку“
Провожалъ дождемъ цвѣтовъ.

Каждый чувствовалъ, что городъ
Точно вдругъ осиротѣлъ,
Ото всѣхъ сердець какъ будто
Добрый геній отлетѣлъ....

Не безъ зависти, миссъ Мерц,
Вы смотрѣли изъ окна,
Какъ за гробомъ примадонны
Шла народная волна.

Какъ, въ своихъ лохмотьяхъ, важно
Ладзароны гробъ несли,
Какъ по ихъ угрюмымъ лицамъ
Слезы тихія текли....

Хоть вы знали, пуританка,
Что цѣною жгучихъ слезъ,
Бурной жизнью, трудной школой
Все божественной далось....

Мистеръ Джонъ объ этомъ знаетъ,
Но молчитъ вашъ мистеръ Джонъ....
Вспоминая, сколько „фунтовъ“
На нее потратилъ онъ....

Но за то мой Савва Саввичь,
Съ простодушіемъ дѣтей,
Безкорыстно радъ поплакать
Чуждой скорби, какъ своей.

XXV.

Миссь! не бойтесь легкой шутки!
Мы вѣдь шутимъ надо всѣмъ,
Шутимъ даже надъ героемъ
Нашихъ собственныхъ поэмъ....

Да и что моя вамъ шутка!
Вдругъ у вашихъ ногъ блеснетъ,
И, какъ ящерица въ камняхъ,
Шаловаиво пропадетъ.

XXVI.

Донъ-Пеппино Русской бредить,
Щеголяетъ въ бирюзѣ,
И въ Café d'Еурога всюду
Чертитъ пальцемъ букву З.

Повторяетъ безпрестанно
При другихъ и про себя:
„Зина, Зина—she bel'nome!“
И потомъ: „люблю тебя“.

Такъ, по-русски.... Вотъ нескромникъ!
Здѣсь, вѣдь, рѣдкость бирюза,
И любуясь ею, денди
Шепчетъ всѣмъ: „ея глаза“.

XXVII.

Пульчинель вскочилъ на бочку,
И толпа ужь собралась;
Жестъ лишь сдѣлалъ—и вся площадь
Яркимъ смѣхомъ залилась.

Берегись, смотри, проказникъ!
Этотъ смѣхъ вѣдь обѣжитъ
Цѣлый городъ—тамъ, какъ эхо
Въ Аппеннахъ прогремить,

Здѣсь раскатится по морю
И ударить по скаламъ
Капри, Исхиа, Прочиды,
Въ дома къ смѣлымъ рыбакамъ!

Берегись! хотъ Санъ-Дженнаро
И съ тобою заодно—
Но ужь съ фортовъ этихъ пушки
На тебя глядятъ давно!

XXVIII.

Здѣсь весна, какъ художникъ ужь славный, работаетъ тихо.
Отъ цвѣтовъ до другихъ по недѣль проходитъ и болѣ.
Словно кончить картину и публикѣ дастъ наглядѣться,
Да и публика знаетъ маэстро—и ужь много о немъ не тол-
куеть:

Репутація сдѣлана: бюстъ ужь его въ Пантеонѣ.
А у насъ-то вѣдь лучше: весна какъ волшебникъ неожиданный,
Пронесется въ лучахъ, и растопитъ снѣга и угонитъ,
Словно взмахомъ однимъ съ яркой озими сдернетъ покровы,
Вздуетъ почки въ лѣсу, и цвѣтами ужь зыблется поле!

Не успеетъ крестьянинъ промолвить; „никакъ нынче вѣдро“,
Какъ—и соху справляй и сырую разрыхливай землю!
А на небѣ-то, Господи, праздникъ, и звонъ, и веселье!
И летать надо всею-то ширью отъ моря и до моря птицы—
Къ зеленымъ безпредѣльнымъ, къ широкимъ зеркальнымъ
разливамъ!
Выбирай лишь гдѣ больше приволья въ водѣ имъ и въ лѣсѣ!
И кричатъ какъ, завидя знакомыя рѣки и дебри,
И съ соломенныхъ крышъ бѣловатый дымокъ надъ поляной....
Унеси ты, волшебникъ, скорѣе меня въ это царство,
Гдѣ по утреннимъ свѣтлымъ зарямъ бодро дышится груди,
Гдѣ предъ ликомъ господнихъ чудесъ умиляется всякое
сердце....

XXIX.

Мнѣ Неаполь опротивѣлъ,
Опротивѣлъ какъ тюрьма!
Это скалы на грудѣ груди,
На домахъ еще дома!

Продавцовъ, мальчишекъ крики!
Крики взбалмошныхъ ословъ....
Точно городъ этотъ вѣчно
Занятъ пробой голосовъ!

Нынче жь, кажется, и въ морѣ,
Заглушая все, идутъ
Репетиціи трескучей
Оперетты „Страшный Судъ“.

XXX.

Душно! иль опять сирокко!
И опять заливъ кипить,
И дыханіе Сахары
Въ бурныхъ тучахъ вихорь мить!

Въ лицахъ страхъ, недоумѣнье....
Средь безмолвныхъ площадей
Люди ждутъ въ томлени страстномъ
Грянуль громъ бы поскорѣй....

Чу! ужь за моремъ онъ грянуль!
И Сицилія горить!
Знамя свѣтлое свободы
Ужь надъ островомъ стоитъ!

Мигъ еще—конецъ тревоги,
Ожиданья и тоски,
И народъ вкругъ Гарибальди
Кинетъ въ воздухъ колпаки!

XXXI.

Говорятъ, со всѣхъ соборовъ
Нынче статуи святыхъ
Собирались въ Санъ-Дженнаро
О дѣлахъ судить своихъ.

Несогласье вышло въ мнѣньяхъ,
Кто храбрился, кто робѣлъ;
Шорѣшили напоследокъ—
Ожидать исхода дѣлъ.

XXXII.

Блестить салонъ княгини Зины,
Но въ шумномъ говорѣ гостей—
Надъ мягкой красною фланелью
Сверкаютъ иглы русскихъ фей.

Но какъ пугливы эти феи!
Отъ бурь войны онѣ бѣгутъ:
Княгини Зины чемоданы
Лишь утра завтрашняго ждуть!

XXXIII.

Народный вождь вступаетъ въ городъ....
Все ближе онъ.... все громче крикъ....
И вотъ онъ самъ, среди этихъ кликовъ
Отъ счастья тихъ.... о, чудный мигъ!

Къ нему все рвутся какъ на приступъ;
Но вотъ дорвалась одна —
И ужъ съ цвѣткомъ изъ рукъ героя
Уходить, гордая, она!

О, сколько тамъ, въ странѣ туманозъ,
Средь вѣчныхъ, будничныхъ тревогъ,
Напомнить Мери этотъ скромный
Съ трудомъ доставшійся цвѣтокъ —

И загорѣлый ликъ героя,
И пестрыхъ волнъ народныхъ плескъ,
И вокругъ на всемъ съ высотъ лазурныхъ
Луча полуденнаго блескъ!

МОТИВЫ ИЗЪ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ НЫНѢШНИХЪ ГРЕКОВЪ *

I.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, дитя мое, усни!
Сладкій сонъ къ себѣ мани!
Въ няньки я тебѣ взяла
Вѣтеръ, солнце и орла.

Улетѣлъ орелъ домой;
Солнце скрылось подъ водой;
Вѣтеръ, послѣ трехъ ночей,
Мчится къ матери своей.

* „Мотивами изъ народной поэзіи нынѣшнихъ Грековъ“ я называлъ предлагаемый рядъ стихотвореній потому, что было бы не совсѣмъ вѣрно назвать ихъ переводами, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ. Я болѣе стараясь передать поэтическій характеръ новогреческихъ пѣсень, общее впечатлѣніе, жертвуя буквальною точностію; въ выборѣ своемъ руководствовался какою-нибудь поэтическою чертой, имѣющею общее значеніе, напримѣръ стараясь сохранить эту любовь къ жизни и чувство красоты природы, и именно природы Греціи; поэтому изъ богатаго собранія историческихъ или клефтскихъ пѣсень взялъ весьма немногія—да это было бы и лишнее, многія изъ нихъ превосходно переведены Гмѣдичемъ и Бергомъ.

Впрочемъ, нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ здѣсь пѣсень переведены мною вѣрнѣе прочихъ; разнятся онѣ съ печатнымъ текстомъ иногда только тѣмъ, что изъ множества мелкихъ вариантовъ разныхъ сборниковъ, я бралъ тѣ черты, которыя мнѣ болѣе нравились, а такихъ вариантовъ приведено

Вѣтра спрашиваетъ мать:
„Гдѣ изволилъ пропадать?
Али звѣзды воевалъ?
Али волны все гонялъ?“

— „Не гонялъ я волны морскихъ,
Звѣздъ не трогалъ золотыхъ;
Я дитя оберегалъ,
Колыбелочку качалъ!“

II.

МАТЬ И ДѢТИ. *

„Что ты, мама, безпрестанно
О сестрицѣ все твердишь?
Въ лучшемъ мѣрѣ наша Зоя—
Ты сама намъ говоришь.“

— „Ахъ, я знаю, въ лучшемъ мѣрѣ!
Но въ томъ мѣрѣ нѣтъ луговъ,
Ни цвѣтовъ, ни травъ душистыхъ,
Ни веселыхъ мотыльковъ.“

чрезвычайно много въ рѣдкомъ у насъ изданіи Томазо: *Canti popolari toscani, greci, corsi, illirici*, къ сожалѣнію, много пострадавшемъ отъ австрійской цензуры. Вѣрнѣе прочихъ переведены у меня № № I, III, V, IX, X, XI, XIII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX, XXI; въ другихъ сохранены главные поэтическія черты оригинала—№ № II, IV, VI, VII, VIII, XII; а наконецъ, къ созданію нѣкоторыхъ піесъ мнѣ подали поводъ разсѣянные тамъ и здѣсь черты, часто два стиха или даже одинъ стихъ какой-нибудь піесни—VI и XII.

Не мнѣ судить, передалъ ли я поэзію этихъ піесень, открывающую свѣтлые архипелажскіе горизонты, поражающую красотой древней греческой амтологіи, представляющую чудную смѣсь древне-языческихъ и христіанскихъ элементовъ, между которыми нѣрѣдко даетъ себя чувствовать и элементъ славянскій: по крайней мѣрѣ только это и соблазнило меня на трудъ.

* Этой піесни нѣтъ ни въ одномъ сборникѣ. Я слышалъ ее въ 1858 году на островѣ Милосѣ; къ сожалѣнію, не записалъ, и по памяти передаю теперь ея содержаніе.

— „Мама, мама! Въ Божьемъ небѣ
Божьи ангелы поють,
Ходять розовыя зѳри,
Ночи звѣздныя плывуть.“

— „Но у бѣдной нѣтъ тамъ мамы,
Кто смотрѣлъ бы изъ окна,
Какъ съ цвѣтами, съ мотыльками
Въ полѣ рѣзвится она!...“

III.

ДВУСТИВІЯ.

1.

И терны и розы, улыбки и слезы,
И сѣются разомъ, и вмѣствъ растутъ!

2.

Тащить свой неводъ рыбакъ—рвется изъ невода рыбка.
Дѣва! на волю я рвусь и за тобою иду!

3.

Бѣлая лебедь, проснись! крыльями шумно взмахни!
Чернаго врана, чтѣ спитъ подлѣ тебя,—прогони,

4.

Горленка лѣсная! Кто тебя изловить?
Въ кѣточку посадить и голубить станеть?

IV.

Я бѣ тебя поцѣловала,
Да боюсь, увидить мѣсяць,
Ясны звѣздочки увидятъ;
Съ неба звѣздочка скатится,

И расскажетъ синю-мору,
Сине-море скажетъ весламъ,
Весла Яни рыболову,
А у Яни—люба Мара;
А когда узнаетъ Мара,—
Всѣ узнаютъ въ околоткѣ,
Какъ тебя я ночью лунной
Въ благовонный садъ впускала,
Какъ ласкала, цѣловала,
Какъ серебряная яблонь
Насъ цвѣтами осыпала.

V.

ПОЦѢЛУЙ. *

Между мраморныхъ обломковъ,
Посреди серебристой пыли,
Однорукий клефтикъ тешетъ
Мраморъ нѣжный словно пѣна,
Прибываемая моремъ.
Мимо дѣвица проходитъ,
Златокудрая что солнце,
Говоритъ: „зачѣмъ одною
Ты работаешь рукою?
Ты куда жь дѣваль другую?“

— „Полюбилась мнѣ дѣвица,
Роза первая Стамбула!
Поцѣлуй одинъ горячій,
И—мнѣ руку отрубил!
Въ свѣтѣ есть еще дѣвица,
Златокудрая что солнце....
Поцѣлуй одинъ бы только—
И руби другую руку.“

* Всѣ собиратели полагаютъ, что эта пѣсня сложена гдѣ-нибудь на островахъ Архипелага; Марцеллусъ прямо указывалъ на Паросъ, Мустоксиди—на Корфу.

VI.

Свѣтаый праздникъ будетъ скоро,
И христосоваться къ вамъ
Я приду: смотри же, Дора,
Не одни мы будемъ тамъ!
Будто въ первый разъ, краснѣя,
Поцѣлуемся при всѣхъ,
Ты—очей поднять не смѣя,
Я—удерживая смѣхъ!

VII.

СТАРЫЙ МУЖЬ.

Запѣвають пташки на зарѣ,
Золотятся снѣги по горѣ;
Пробудилась молода жена,
Будить мужа стараго она.
„Пробудись-проснись, голубчикъ мой!
Полюбуйся молодой женой;
Мой ли станъ, что тонкій кипарисъ,
Что лимоны * груди поднялись....“
Старый мужъ прикинулся, что спитъ,
Самъ не спитъ, а въ полуглядь глядитъ.
„Эхъ, когда бы прежніе года,
Не будила бы меня млада!
Засыпала бь поздно ввечеру,
Просыпала бь долго поутру;
По утрамъ бы я ее будилъ,
Золотыя бь рѣчи говорилъ;
Притворялась бы она, что спитъ,
Крѣпко спитъ, не слышитъ, не глядитъ.“

* Обыкновенно встрѣчаемое въ новогреческихъ пѣсняхъ сравненіе:

....Αὐτὸ μικρὰ βουτὴ ἴσκι μὲ δὲ λευκίαι.

VIII.

ПѢВЕЦЪ.

Не красивъ я, знаю самъ;
Въ битвѣ бесполезенъ;—
Чѣмъ же женамъ и мужамъ
Милъ я и любезенъ?
Пѣсни, словно гуль въ струнахъ,
Грудь мнѣ наполняютъ,
Улыбаются въ устахъ
И въ очахъ сіяютъ.

IX.

ОЛИМПЪ И КИССАВЪ.*

Сталь Киссавъ съ Олимпомъ спорить:
„Ты угрюмъ, стоишь пустынный;
Я жь, смотри, цвѣтушь и весель!“
Отвѣчалъ многовершинный,
Отвѣчалъ Олимпъ Киссаву:
„Не хвались, Киссавъ надменный,
Я—старикъ Олимпъ, и знаютъ
Старика во всей вселенной!

* Это одна изъ самыхъ извѣстныхъ новогреческихъ пѣсней. Киссавъ—это древняя Осса. Олимпъ собственно Турки никогда не могли покорить; это было единственное прибежище свободы Грековъ; въ его ущельяхъ гнѣздились клѣфты и вели вѣчную войну съ Турками. Во всѣхъ сборникахъ, однако, она приводится въ другомъ видѣ, какъ и перевела ее: по-нѣмецки Гёте и по-русски Бергъ. Но въ сборникѣ Томазео (*Canti popolari toscani, greci, illirici e corsi, Venezia*) изложена она въ этой редакциі, которая показала мнѣ гораздо цѣлостнѣе и выдержаннѣе, что и соблазвило меня передать ее по-русски. Томазео весьма основательно догадывается, что таковою она и появилась на свѣтъ, а у Форіеля соединены двѣ отдѣльныя пѣсни въ одну.

У меня ль, подь синимъ небомъ,
Шестьдесятъ вершинъ сіяютъ;
У меня ли съ лона шумно
Сто ключей живыхъ сбѣгаютъ.
Надо мной орлы кружатся,
Любить клефтъ меня воитель,
И боится храбрый Турокъ—
Твой высокій повелитель.“

X.

ГОЛОСЪ ИЗЪ МОГИЛЫ. *

Два дня у насъ шель пиръ горой, два дня была попойка,
На третій поздно къ вечеру, вина въ мѣхахъ не стало;
Достать еще вина меня послали капитаны;
Пошелъ я въ незнакомый путь — дорогой заплутался,
Шель дикими тропинками, шель узкими путями;
И узкій путь привелъ меня къ пустынной старой церкви.
Вкругъ церкви было кладбище — все плиты гробовыя;
Одна плита пониже всѣхъ — отъ всѣхъ была въ сторонкѣ;
И я не разглядѣлъ ея, ногой прошелъ по камню.
И слышу будто стонъ глухой и голосъ изъ могилы.
„О чемъ, спросилъ я, вопишь ты, о чемъ, могила, стонешь?
Земля ли тяжела тебѣ или давить черный камень?“
— „Нѣтъ, мнѣ не тяжела земля, не давить черный камень,
А стыдно мнѣ, и больно мнѣ, и горько несказанно,
Что ходишь надо мною ты, меня ногою топчешь!...
Аль не былъ тоже молодъ я? аль не былъ паликаромъ?
При мѣсяцѣ не хаживалъ пустынными тропами?
И съ зорями росистыми не радовался міру?...“

* Размѣръ большей части новогреческихъ пѣсень. Послѣдній стихъ этой пѣсни находится только у Томазео.

ХІ.

ПЛѢННИКЪ.

Сторожать меня Албанцы;
Я въ цѣпяхъ, но у окна
Зацвѣтають померанцы:
Добрый знакъ — близка весна!

Дайте ей лишь укрѣпиться,
Обрости густымъ вѣтвямъ,
И тропинкамъ позакрывается
Темной листвою по горамъ, —

Не сдержать меня желѣзу!
Изъ темницы я уйду,
Черезъ стѣну перелѣзу,
И въ кустарникъ припаду.

Пусть Албанцы тутъ стрѣляютъ!
Посреди турецкихъ сель
Скоро матери узнають,
Завопають, что Димъ ушелъ!

ХІІ.

ГАДАНИЕ.

Египтянка, какъ царица,
Вся въ червонцахъ, въ жемчугахъ,
Сыплеть зелья на жаровню
Съ заклинаемъ на устахъ.

Передъ ней, бѣла какъ мраморъ,
Дѣва юная стоитъ....
Египтянка поблѣднѣла,
Смотритъ въ тьму и говоритъ:

„Вижу дикое поморье;
Слышу стукъ мечей стальныхъ:
Бьется юноша красавецъ,
Бьется противъ семерыхъ.

„Онъ упалъ, они бѣжали....
Къ синю морю онъ ползетъ....
Мимо идутъ бригаантины,
Онъ имъ машетъ и зоветъ:

„—Передайте Казандони,
Что идетъ Вели-паша —
Идутъ мимо бригаантины,
Не внимая, не спѣша....

„Онъ исходитъ алой кровью,
Холодѣетъ.... лишь одинъ
Томный взоръ слѣдитъ за бѣгомъ
Уходящихъ бригаантинъ....

„А надъ нимъ ужь рѣютъ чайки
Все-то ниже и смѣлѣй,
И не сводитъ взгляда воронъ
Съ потухающихъ очей.“

ХІІІ.

ЦАВЕЛИХА,

Съ горъ Али-паша на Сули
Въ нетерпѣнья взоры мечетъ,
А надъ нимъ порхаетъ птичка,
И кружится, и щебечетъ:

„Видно, это не Янина,
Гдѣ шумятъ твои фонтаны;
Видно также не Превеза,
Гдѣ свои ты строишь станы.

„Это Сули, городъ славный!
Нѣтъ ей равнаго на свѣтѣ!
Здѣсь въ рядахъ мужей воюють
Жены, дѣвицы и дѣти!

„И съ ружьемъ въ рукѣ выводить
Всѣхъ Цавѣлиха ихъ въ поле—
На плечахъ съ груднымъ младенцемъ
И съ патронами въ подолѣ!“

XIV.

ПЛАЧЪ ПАРГИОТОВЪ.

„Ты леташь къ намъ, птичка, изъ-за моря,
Разкажи мнѣ, что въ горахъ за грохотъ?
Точно стонъ весь день стоитъ надъ Паргой.
Приступили, что ли, Турки снова?
Загорѣлся, что ли, бой смертельный?“

— „Нѣтъ, не Турки къ Паргѣ приступили,
И не бой смертельный загорѣлся;
Предана невѣрнымъ наша Парга!
Паргу срыть велѣли христіане,
Христіанскихъ царствъ цари-владыки!
Паргіотовъ съ родины погонять,
Какъ быковъ погонять, какъ барановъ!
И пойдутъ они въ чужую землю!
И отцовъ своихъ гроба покинутъ,
На позоръ покинутъ Божьи храмы!...
Вьючатъ муловъ, раззоряютъ дома!...
Жены косы рвутъ въ печали лютой,

Старики рыдаютъ злымъ рыданьемъ;
По церквамъ попы съ великимъ плачемъ
Забираютъ утварь и иконы....
Видишь пламя: дымъ поднялся черный;
Раскрывали гробы, кости взяли,
Кости жгутъ, святыя кости храбрыхъ,
Что когда-то сами жгли визирей!
Дѣти жгутъ отцовъ и дѣдовъ кости,
Чтобъ рукамъ невѣрнымъ не достались!
Слышишь—стонъ сильнѣй пошелъ и выше?
Голоса подымутся и стихнуть....
Разстаются, камни обнимаютъ,
Уходя, вѣдать родную землю!...“

XV.

ДЕСПО.

Сули пала, Кьяфа пала,
Всюду флагъ турецкій вьется....
Только Деспо въ черной башнѣ
Заперлась и не сдается.

„Положи оружье, Деспо!
Вамъ ли спорить, глупымъ женамъ?
Выходи къ намъ рабою,
Выходи къ нему съ поклономъ!“

— „Не была рабою Деспо,
И не будетъ вамъ рабою!“—
И, схвативъ зажженный факель:—
„Дѣти, крикнула, за мною!“

Факель брошенъ въ темный погребъ....
Дрогнувъ доль, ударъ раздался—
И на мѣстѣ черной башни
Дымный столбъ заколебался.

XVI.

ЗАВѢЩАНІЕ.

„Собирайтесь, паликары!
Умираетъ капитанъ!
Умираетъ онъ отъ честныхъ,
Отъ святыхъ турецкихъ ранъ!
Умереть, друзья, не страшно,
Да могила мнѣ страшна....
Темно, тѣсно.... Одинокій
Въ ней лежи и спи безъ сна!
Сѣсть земля и фесь, и долманъ,
Мечъ, не ржавѣвшій въ крови,
И усы мои, и брови,
Брови черныя мои....

„Нѣтъ, меня не зарывайте,
Братцы, въ землю! На горѣ
Вы меня поставьте стоймя
Во гробу, лицомъ къ зарѣ.
Въ гробѣ окна прорубите,
Чтобъ мнѣ вѣяло весной,
Чтобы ласточки, кружась,
Щебетали надо мной!
Чтобъ изъ гроба я далеко
Могъ бы Турковъ различать,
Чтобъ направо и налѣво
Могъ имъ пулю посылать.“

XVII.

ЧУЖБИНА.

Умереть не дай Богъ на чужбинѣ!
Видѣлъ я, какъ пришлыхъ тамъ хоронятъ!

Безъ попа, безъ свѣчь и безъ кадила,
Не помазавъ муромъ, не отпѣвши,
Гдѣ пришлось, зароютъ какъ собаку!
Какъ пахать потомъ прїѣдутъ землю,
Съ горъ пригонятъ двухъ воловъ рогатыхъ,
Въ плугъ впрягутъ, и молодець удалый
Понуждать въ бока начнетъ ихъ саблей,
И по первой бороздѣ глубокой
Изъ земли да выкинетъ онъ ноги,
По другой—красавца паликара....
Завопить, завоюетъ бѣдный пахарь:
„Будь такой да у меня товарищъ,
Я бы съѣсть землѣ его такъ не далъ!
Я пошелъ бы къ морю, къ синю-морю,
На широкое бѣ пошелъ поморье;
Я бѣ нарѣзалъ тростнику морскаго,
Смастерилъ бы гробъ ему просторный,
Я бѣ въ гробу постлалъ ему постелю,
Всю бѣ цвѣтами, ландышами выстлалъ,
Всю бы выстлалъ свѣжимъ амарантомъ!“*

XVIII.

БОРЬБА СО СМЕРТЬЮ. **

Удалецъ съ горы сбѣгалъ на долину,
Феска на бокъ, волосы кудрями.
Смерть за нимъ съ вершины примѣчала,
И въ обходъ пустилась, и въ ущельѣ

* Обращикъ миріологовъ, то есть причитавій, которыхъ такъ много въ новогреческихъ пѣсняхъ. Въ приведенномъ здѣсь вѣетъ какъ будто античный духъ. несмотря на всю странность первой половины пѣсы.

** Понятія Грековъ о смерти представляютъ странную смѣсь древнихъ и средневѣковыхъ понятій. Смерть называется Харономъ, но она—скелеть средневѣковой; адъ—древній тартаръ и элизіумъ, гдѣ заключенныя тѣни мечтаютъ о живомъ мірѣ; тамъ скачетъ смерть на конѣ: туда залетаютъ птицы—древность и средніе вѣка. Духовно-христіанское начало, очевидно, не восторжествовало надъ пластическими представаніями Грековъ.

Вдругъ ему дорогу заступила.
„Ты куда, красавецъ, и откуда?“
— „Я изъ стана, пробираюсь къ дому.“
— „За какимъ торопишься ты дѣломъ?“
— „Захватить хочу вина и хлѣба,
И тотчасъ назадъ вернуся въ горы.“
— „Не захватишь ни вина, ни хлѣба,
И назадъ ты въ горы не вернешься.
Я тебя давненько поджидаю.“
Усмѣхнулся молодецъ удалый,
Оглядѣль онъ Смерть, встряхнуль кудрями:
— „Я, сказалъ, отдамъся только съ бою.
Если хочешь, попытаемъ силы:
Сломись ты—бери мою ты душу,
Я сломя—сама ты мнѣ послужишь.“
— „По рукамъ“, костлявая сказала.
По рукамъ ударили. Схватились.
Бились два дня, билися двѣ ночи;
Всю траву ногами притоптали;
На колѣно гнули и съ отмаху
Смерть давно бока ему ссадила;
У нея самой трещали кости,
А какъ хватить онъ на третье утро,
На ногахъ насилу устояла.
Да за то ужъ вдругъ разсвирѣѣла
И какъ схватить молодца за кудри,
Какъ рванеть—и грянулся онъ о-земь,
Словно дубъ, поваленный грозою.
Смерть тотчасъ на грудь къ нему вскочила,
Принялась душить его подъ горло.
— „Ты ужъ больно давишь, простоналъ онъ:
Кончимъ шутку, мнѣ пора быть дома,
Стричь овецъ, сыры изъ кадей вынуть.“
Смерть глядитъ въ глаза ему и давить.
— „Дай ты мнѣ еще хоть двое сутокъ
Погулять на вольномъ бѣломъ свѣтѣ;
Попрощаюсь только со своими
И потомъ приду куда укажешь.“
Смерть глядитъ въ глаза и пуще давить.
— „У меня жена есть молодая!

Какъ одна останется, голубка!
Весела всегда была, какъ птичка.... *
У меня сынокъ есть—чуть лепечеть,
Есть другой—чуть-чуть смѣяться началъ....
Отпусти хоть ради ихъ, сиротокъ!“
Налегаеть Смерть ужь всею силой.
— „Объ душѣ хоть дай подумать грѣшной!“
Прохрипѣлъ онъ и замолкъ на вѣки.
Съ тѣмъ она его и доконала.

XIX.

А Д Ъ .

Изъ подземнаго изъ ада
Съ шумомъ вылетѣла птичка;
И какъ вылетѣла, сѣла
На траву и еле дышетъ.
Видятъ матери и сестры,
Видятъ вдовы и сироты,
Сладкій мускусъ ей приносятъ,
Амарантъ и бѣлый сахаръ.
„Освѣжися, пей и кушай,
Уговариваютъ птичку,
Разкажи намъ, что въ подземномъ,
Темномъ царствѣ ты видала?“
— „Что сказать мнѣ вамъ, бѣдняжки!“
Вздвигнувъ вымолвила птичка;
„Смерть я видѣла, какъ скачетъ

* Въ подлинникѣ о женѣ онъ выражается такъ:

„У меня жена есть молодая!
Какъ одна останется вдовой?
Засмѣютъ ее, засудятъ люди:
Скоро ль выйдетъ—скажутъ мужа хочеть,
Тихо ль выйдетъ—скажутъ мужа ищеть.“

То-есть на людей не угодишь, идешь ли тихо, идешь ли скоро, все истолкуютъ какъ-нибудь обидно.

На конѣ въ подземномъ царствѣ;
Юныхъ за волосы тащить,
Старыхъ за руки волочить,
А младенцевъ наизала
Вкругъ, за горлышко, на поясъ.“

XX.

„Приволье на горахъ родныхъ—приволье въ темныхъ долахъ,
Бѣлѣютъ лѣтомъ овцы тамъ, зимой снѣга бѣлѣютъ,
Тамъ свѣтитъ солнце красное, тамъ смерти не боятся!“
Такъ въ тартарѣ три молодца о свѣтѣ тосковали,
Рѣшились хоть на мигъ уйдти—на свѣтъ взглянуть украдкой.
Одинъ рѣшилъ—къ веснѣ поидемъ, другой—ужь лучше къ
лѣту,

А третій—лучше къ осени, къ собираюню винограда!

Услышала ихъ дѣвица, и дрогнуло въ ней сердце;

Скрестила руки, просится она изъ ада съ ними.

„Меня возьмите, молодцы, на бѣлый свѣтъ съ собою!“

—„Нельзя, нельзя, красавица, намъ взять тебя съ собою!

Ты ходишь—башмаки стучать, бряцаютъ ожерелья,

Ты платье легкимъ шелестомъ, пожалуй, Смерть встревожишь!“

—„Я платье подвяжу себѣ, я сброшу ожерелье,

По лѣстницѣ тихохонько пойду босая съ вами!

Еще разъ, братцы, хочется взглянуть на свѣтъ мнѣ бѣлый,

Взглянуть, какъ плачетъ матушка, по дочкѣ убиваясь;

Взглянуть, какъ братцы-сродники тоскуютъ по сестрицѣ!“

—„Ахъ, дѣвица-красавица! объ милыхъ не крушися!

Твои всѣ братцы-сродники ужь пляшутъ въ хороводѣ,

А матушка на улицѣ съ сосѣдками судачить!“

XXI.

Въ темномъ адѣ, подъ землею,

Тѣни грѣшныя томятся;

Стонутъ дѣвы, плачутъ жены,

И тоскуютъ, и крушатся....

Все о томъ, что не доходятъ
Вѣсти въ адскіе предѣлы —
Есть ли небо голубое?
Есть ли свѣтъ еще нашъ бѣлый?
И на свѣтъ — церкви Божьи,
И иконы золотыя,
И какъ прежде, за станками,
Ткутъ ли дѣвы молодыя?

XXII.

Опустѣли наши села;
Не видать богатырей!
Не палятъ, не мечутъ камней,
Даже свадьбы — безъ гостей!

Всѣ ушли, у всѣхъ забота —
Крѣпость вывели въ горахъ;
Башни, стѣны — изъ порфира,
Мѣдь литая — въ воротахъ.

По стѣнамъ ужь ставятъ пушки,
Подымаютъ знамена....
И приходитъ Смерть подъ крѣпость,
Безоружна и одна.

И глядитъ: „Здорово, дѣтки!“
— „Здравствуй, Смерть! куда бредешь?“
— „Да Господь послалъ за вами.“
— „Что жь? твою — коли возьмешь!“.

И со стѣнъ на Смерть смѣются:
„Есть ли лѣстница съ тобой?“
Не ползла Смерть на стѣны,
Только топнула ногой:

Гуль раздался подъ землею,
Туча гору облегла....
И чрезъ мигъ—одна стояла
Обожженная скала.

XXIII.

Птички-ласточки летите
Къ прежней любушкѣ моей;
Не ждала бѣ она, скажите,
Мила друга изъ гостей.

Во чужой землѣ сгубила
Зла-волшебница меня;
И меня приворожила,
И испортила коня.

И коня ли осѣдлаю—
Разсѣдлается онъ самъ;
Безъ сѣдла ли выѣзжаю—
Громъ и буря въ встрѣчу намъ!

У нея слова такія:
Скажетъ—рѣки не текутъ!
Съ неба звѣзды золотыя
Словно яблочки спадуть!

Глянетъ въ очи—словно хлынетъ
Въ сердце свѣтъ съ ея лица;
Улыбнется—словно кинетъ
Алой розой въ молодца!

XXIV.

Сорокъ клефтовъ на зимовки
Возвращались домой.
Малый наняли корабликъ,—
Да похвастали казной.

Корабельщикъ — плутъ-Албанецъ!
Къ островку онъ пристаеъ.
„Погуляйте-ка тутъ, братцы,
Переждемъ, гроза идетъ!“

И на островъ вышли клефты —
(Онъ былъ малъ, и дикъ, и голъ),
А межъ тѣмъ поставилъ парусъ
Корабельщикъ — и ушелъ.

Черезъ сорокъ дней приходитъ
За добычею своею;
Только двое шевелятъся
Межъ разбросанныхъ костей;

Живъ былъ Яни, — весь кусанъ, —
И Георгій чуть дышалъ;
У него жъ голодный Яни
Ноги тощія гладалъ.

XXV.

Показалась звѣзда на востокъ,
Золотая звѣзда показалаъ.
Не звѣзда то была золотая,
То былъ ангелъ съ златыми крылами,
Возвѣщалъ онъ въ услышанье людямъ:
„Щеголяйте, пока еще время!
Въ многоцвѣтныя платья рядитесь!
Злато-серебро сыпьте, кидайте!
Красныхъ дѣвъ ко груди прижимайте!
Наступаетъ послѣднее время:
Похвалилася Смерть въ преисподней,
Огородъ городить собралася;
Что въ своемъ ли она огородѣ
Не деревъ-кипарисовъ насадить,
А лихихъ молодцовъ-паликаровъ;

И не розановъ вокругъ ихъ душистыхъ,—
А румяныхъ дѣвицъ, бѣлогрудыхъ;
Не гвоздикъ, не анютины глазки,
А малютокъ въ куртинахъ посадить;
И натычетъ вокругъ огорода—
Стариковъ и старухъ частоколомъ.“

XXVI.

Тихо море голубое!
Еслибъ вихрь не налеталъ—
Не шумѣло бѣ, не кидало бѣ
Въ берега за валомъ валъ!

Тихо бѣ грудь моя дышала,
Еслибъ вдругъ, въ душѣ моей,
Образъ твой не проносился
Вихря буйнаго быстрѣй!

IV.

Л Ю Ц И Й

ЛИРИЧЕСКАЯ ДРАМА

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

298

1871

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

CHICAGO, ILL.

ЛЮЦІЙ

ЛИРИЧЕСКАЯ ДРАМА

(Посвящается Николаю Аполлоновичу Майкову.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Поэтъ Луканъ, философъ Сенека и эпикуреецъ Люцій приговорены Нерономъ къ казни, по поводу Пизонова заговора.

Комната въ античномъ вкусѣ; посрединѣ столъ съ яствами; около него лежатъ ЛЮЦІЙ, эпикуреецъ, одинъ, какъ слѣдуетъ, возлежить за обѣдомъ. СЕНЕКА пишетъ завѣщаніе. ЛУКАНЪ въ глубокой задумчивости. Въ углубленіи сцены группа друзей и учениковъ Сенеки.

ЛЮЦІЙ *(омывъ послѣ пды руки водою, въ чашку, поданной рабомъ, говоритъ).*

Мудрецъ отличенъ отъ глупца
Тѣмъ, что онъ мыслить до конца.
И вотъ — я долго наблюдаю,
И нахожу, что смерть разить
Всего скорѣе аппетитъ.

Я цѣлый часъ жую, глотаю,
Но все безъ вкуса—и не сытъ!...
Вина попробуемъ! быть-можетъ,
Живая Вакхова струя
Желудокъ дремящій встревожить....
Ну, кто же пьетъ со мной, друзья?
Лукань!... да ты какъ въ лихорадкѣ!
Въ Сенекѣ строгій стоицизмъ
Давно разрушилъ организмъ!
И если вы въ такомъ упадкѣ—
Не мудрено, что въ этотъ часъ
Мой здравый разумъ бѣситъ васъ!

ЛУКАНЬ.

Въ часъ смерти шутки неприличны!

ЛЮЦІЙ.

Но лучше умереть шутя,
Чѣмъ плакать, рваться, какъ дитя,
Безъ пользы!

ЛУКАНЬ.

Мнѣнія различны!

Кто жизнь обжорству посвятилъ,
Тотъ потеряетъ съ ней немного!

ЛЮЦІЙ.

Э, милый! не суди такъ строго!
Я, признаюсь, еще бѣ пожилъ,
И не охотно умираю....
Но, чтобы съ честью этотъ шагъ
Свершить—въ твоихъ, мой другъ, стихахъ
Себѣ отваги почерпаю.
„Посланье къ смерти“ помнишь ты?

Въ немъ есть высокія черты!
Съ скелета смерти снялъ ты смѣло
Земной фантазіи цвѣты....
Ты помнишь:

(Декламируетъ.)

„Друзья! намъ смерть страшна лишь тѣмъ,
Все кажется, что не совѣмъ,
Не разомъ мы умремъ,

„Что будемъ видѣть мы свой трупъ,
Улыбку неподвижныхъ губъ,
Глаза съ тупымъ зрачкомъ;

„А мухи, стаяй по лицу,
Безъ уваженья къ мертведу,
И по лбу поползутъ;

„И съ содроганьемъ отъ тебя
Родные, близкіе, друзья
Въ испугъ отойдутъ....“

ЛУКАНЪ.

Ужасный образъ! какъ я могъ!...

ЛЮЦІЙ.

Позволь! въ концѣ—благой урокъ.

(Читаетъ дѣлье.)

„Что даже изъ земли сырой
За рѣзвой жизнью земной
Слѣдить твой будетъ слухъ;

„И между тѣмъ, какъ надъ тобой
Весна покровъ разстелетъ свой,
И заестрѣветъ лугъ,—

„Червь на тебя ужь нападетъ
И жадно ѣсть тебя начнетъ
И щеки, и бока....“

ЛУКАНЪ (*перебивая его*).

Да перестань!

ЛЮЦІЙ (*продолжаетъ*).

„И будешь вѣчно рваться ты
На свѣтъ изъ душевной тьмы —
Да крышка-то крѣпка!

„Но, смертный, знай! твой тщетенъ страхъ!
Вѣдь на своихъ похоронахъ
Не будешь зритель ты!

„Вѣдь, вмѣстѣ съ дружеской толпой,
Не будешь плакать надъ собой
И класть на гробъ цвѣты;

„По смерти сталъ ты вѣ тревогъ;
Ты сталъ загадкою, какъ богъ,
И вдругъ душа твоя,

„Какъ радость встрѣтила покой,
Какого въ жизни нѣтъ земной —
Покой небытія!“

Вѣдь превосходно! Эпиктетомъ
Проникнуть живо каждый стихъ!
Прошу покорно — вѣрь поэтамъ!
Мечты и вѣрованья ихъ
Подвижныѣй тучекъ золотыхъ!...
Вы все на колоколъ похожи,
Въ который можетъ зазвонить.
На площади любой прохожій!
То смерть зоветъ, то хочетъ жить,
То снова къ жизни равнодушень....
Задача, право, васъ понять!...

ЛУКАНЪ.

Что жь этимъ хочешь ты сказать?
Что вѣтренъ я и малодушенъ?...

СЕНЕКА (*переставая писать, удерживая
руку Лукана*).

Оставьте споръ! прилично ль вамъ
Безумнымъ посвящать рѣчамъ
Свои послѣднія мгновенья!
Смерть—шагъ великій! (*Къ Люцію.*) Вѣрь, мой другъ,
Есть смыслъ въ Платоновомъ ученьѣ —
Что это мигъ перерожденья.
Пусть здѣсь убьетъ меня недугъ —
Но, какъ мерцаніе авроры,
Какъ лилій чистый еміамъ,
Какъ диръ торжественные хоры,
Иная жизнь насъ встрѣтитъ — тамъ!
Въ душѣ, за симъ земнымъ предѣломъ,
Проснутся, выглянуть на свѣтъ
Иныя чувства, роемъ цѣлымъ,
Которымъ органа здѣсь нѣтъ.
Мы — боги, окованные тѣломъ,
И въ этотъ дивный переломъ,
Когда я покидаю землю,
Я прежній образъ свой приемаю,
Вступая въ небо — божествомъ!

ЛЮЦІЙ.

Я спорить не хочу, Сенека!
Но отчего такъ созданъ свѣтъ,
Что гдѣ хоть два есть человѣка —
И два есть взгляда на предметъ?
Твое, какъ молотъ, сильно слово —
Но убѣждаюсь я въ иномъ....
Существованія другаго
Не постигаю я умомъ!
Взгляни на лавры вѣковые —
Ихъ листья, каждый въ свой чередъ,

Перемѣняются что годъ —
Одни спадуть, взойдутъ другіе,
А лавръ все зеленъ, вѣчно свѣжъ,
И листья будто вѣчно тѣ жь....
Вотъ такъ и мы — Луканъ, Сенека,
Слуга покорный вашъ — умретъ....
Отпадшій листъ! но заживетъ,
Какъ прежде, племя человѣка!
Иной появится пѣвецъ,
Другіе будутъ жить и вздорить,
Страдать, любить, о томъ же спорить,
О чемъ и мы съ тобой, мудрецъ!...
Но пусть по смерти жить мы будемъ!
(Тебѣ готовъ я уступить!)
А все себя мы не принудимъ
Безъ сожалѣнья кончить жить.
Намъ непріятна перемѣна.
Вотъ чтò мнѣ кто-то говорилъ:
На островѣ какомъ-то жилъ
Философъ секты Діогена.
Онъ въ бѣдномъ рубищѣ ходилъ,
Спалъ гдѣ пришлось прилечь къ сараю,
Босой, съ клюкой, нужда кругомъ....
Какимъ ужь случаемъ, не знаю,
Всему вдругъ вздумалось краю
Его избрать своимъ царемъ.
Чтò жь? царскій пурпуръ надѣвая,
И тряпки ветхія скидая,
Объ нихъ вздохнулъ онъ тяжело,
И пожалѣвъ удѣлъ убогій,
Сказавъ: вѣдь было же тепло
Подъ сей циническою тогой!
Не то же ль съ жизнію земной?
Достигши вѣчнаго предѣла,

Жалѣешь бросить это тѣло —
Покровъ убогій и худой!
Ты говоришь, что мы одною
Съ богами жизнью заживемъ?
Да лучше ль намъ? Ну, какъ порою,
Смотря какъ мы свой вѣкъ ведемъ,
Богини съ грозными богами,
Какъ волки, щелкаютъ зубами!
Смотря какъ смертный вѣтъ и пьетъ,
И съ смертной тѣшится любезной,
Они, быть-можетъ, бесполезно
Крѣпясь, облизываютъ ротъ!
Что мнѣ въ ихъ жизни безъ волненій?
Мірами что ли управлять?
Въ нихъ декораціи мѣнять,
И, вмѣсто всякихъ развлеченій,
Людьми какъ шашками играть,
И какъ актерами плохими,
Отнюдь не увлекаться ими,
Ни скучной пьесой!... Нѣтъ! Клянусь,
Я въ боги вовсе не гожусь....

ЛУКАНЪ.

Нѣтъ! не страшать меня загадки
Того, что будетъ впереди!
Жаль бросить славныхъ дѣлъ начатки,
И все, что билося въ груди,
Что было мнѣ всего дороже,
Чему всю жизнь я посвятилъ!
Мнѣ страшно думать — для чего же
Во мнѣ кипѣло столько силъ?
Зачѣмъ же сила эта крѣпла,
Росла, стремилась къ торжествамъ?
Титанъ, грозившій небесамъ,

Ужели станетъ горстью пепла!
Не можетъ быть! гдѣ жь смыслъ въ богахъ?
Гдѣ высшій разумъ? Провидѣнье?
Вдругъ человѣка взять въ лѣсахъ,
Возвысить въ мірѣ, дать значенье,
И вдругъ — разбить безъ сожалѣнья,
Какъ форму глиняную въ прахъ!...
Ужели съ даромъ пѣсенъ лира
Была случайно мнѣ дана?
Нѣтъ! въ ней была заключена
Одна изъ силъ разумныхъ міра!
Народовъ мысли — образъ дать,
Ихъ чувству — слово громовое,
Вселенной душу обнимать
И говорить за все живое —
Вотъ мой удѣлъ! вотъ власть моя!
Когда для правды безпріютной,
Въ сердцахъ людей мелькавшей смутно,
Скую изъ слова образъ я,
И тутъ враговъ слѣпая стая
Его подхватить, злѣясь и лая,
Какъ псы обглоданную кость,—
Все, что отвергнуто толпою,
Все веселился со мною,
Смотря на жалкую ихъ злость!...
А злоба мрачныхъ изуверовъ,
Ханжей, фигляровъ, лицемѣровъ,
Съ которыхъ маски я сбивалъ?
Дитя — ихъ мучилъ и пугалъ!
Столповъ отечества заставить
Я могъ капризамъ льстить моимъ —
Тѣмъ, что я ихъ стихомъ однимъ
Могъ вознести или обезславить!
Съ Нерономъ спорить я дерзалъ —

А кто же спорить могъ съ Нерономъ!
Онъ ногти грызъ, онъ двигалъ трономъ,
Когда я вслѣдъ за нимъ читалъ,
И въ залѣ шепотъ пробѣгалъ....
Что жь? не былъ я его сильнѣе,
Когда, не властвуя собой,
Онъ опрокинулъ тронъ ногой
И вышелъ — полотно бѣлѣе?
Вотъ жизнь моя! и что жь? ужель
Вдругъ умереть? и это — цѣль
Трудовъ, великихъ начинаній!..
Побѣдный лавръ! вѣнецъ желаній!..
О, боги! нѣтъ! не можетъ быть!
Нѣтъ! жить, я чувствую, я буду!
Хоть чудомъ — о, я вѣрю чуду!
Но долженъ я и — буду жить!

(Входитъ центуріонъ, со свиткомъ въ рукѣ.)

ЛЮЦІЙ *(указывая на центуріона).*

Вотъ и спаситель! Ну! покуда
Тутъ нѣтъ еще большаго чуда.

(Къ центуріону.)

Какія новости?

ЦЕНТУРИОНЪ *(подавая ему свитокъ).*

Декретъ

Сената.

ЛЮЦІЙ.

Други! шлетъ привѣтъ
Сенатъ къ намъ! уваженъе къ власти!

ЛУКАНЪ.

Читай!

ЛЮЦІЙ.

Стой! кто рѣшитъ впередъ —
Жизнь или смерть? закладъ идетъ?

ЛУКАНЪ.

Я бѣ разорвалъ тебя на части
За эти шутки!

(Вырываетъ свитокъ и читаетъ декретъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что Цезарь, въ неизреченной милости своей, избавляетъ ихъ отъ позорной казни, даруетъ имъ право выбрать родъ смерти и самимъ лишить себя жизни; сроку до полуночи. Центурионъ обязанъ наблюдать за исполненіемъ декрета, и о послѣдующемъ донести.)

ЛЮЦІЙ.

Не дурень слогъ. Писать умѣютъ.

ЛУКАНЪ.

Злодѣи! изверги!

ЛЮЦІЙ.

Притомъ

Приличье тонко разумѣютъ —

Что одолжаться палачомъ

Неблагородно человѣку.... *(Къ Центуриону.)*

Но что ты смотришь на Сенеку?

ЛУКАНЪ.

Ты тронуть! ты потупилъ взглядъ!

Въ твоёмъ лицѣ слѣды смущенья!

О, вѣрь мнѣ, то боговъ внушенье!

Спаси намъ жизнь! благословятъ

Тебя народы! Предъ тобою

Мудрецъ съ маститой сѣдиною —

Онъ чистъ какъ дѣва, какъ Сократъ!

ЦЕНТУРІОНЪ.

Мой долгъ....

ЛУКАНЪ.

Твой долгъ! а жить безъ славы!

Для дикой прихоти губя
Людей, отечество, себя,
Прожить слѣпцомъ въ грязи кровавой!
О, если долгъ въ твоей груди
Не все убилъ, то — отведи
Меня въ Сенать! Какъ съ поля битвы
Предъ смертью ратнику, сказать
Дай мнѣ послѣднія молитвы!
Дай мнѣ предъ смертью завѣщать
Безъ лжи, передъ лицомъ вселенной,
Все, что привыкъ я неизмѣнной,
Святою истиной считать!

(Центуріонъ, не обращая вниманія на Лукана, удаляется въ глубину комнатъ. Луканъ продолжаетъ въ сильномъ волненіи.)

Я имъ скажу — въ нихъ чести нѣтъ!
Въ нихъ умъ какой-то мглой одѣтъ!
Для нихъ отечество и слава —
Рѣчей напыщенныхъ приправа!
Величіе народа въ томъ,
Что носить въ сердцѣ онъ своею;
Убивъ въ немъ доблести величье,
Заставивъ въ играхъ и пирахъ
Забуть добра и зла различье,
Въ сердца вселяя только страхъ,
Отъ правды казнью ограждаясь,
И предъ рабами величаясь,
Они мечтаютъ навсегда
Избѣгнуть кары и суда....

Я имъ скажу — готовятъ сами
Свой приговоръ себѣ они,
Что упоенные льстецами
И мысля въ мѣрѣ жить одни,
Себѣ статуи воздвигаютъ
Какъ божества на площадяхъ....
Но вѣкъ ихъ минетъ: разломаютъ,
Съ проклятіемъ растопчутъ въ прахъ
Отцовъ статуи ихъ же дѣти!
Дѣтей проклятій рядъ столѣтій
Не сниметъ съ головы отцовъ....

СЕНЕКА.

Лукавъ! оставь, оставь слѣпцовъ!

ЛЮЦІЙ.

Пришла жь охота на циклоповъ,
На двуутробокъ и сорокъ
Взглянуть предъ смертью! взять урокъ
У нихъ дилеммъ, фигуръ и троповъ!

ЛУКАВЪ.

Но какъ безъ боя все отдать!...
Хотя бѣ къ народу мнѣ воззвать!
Пѣвецъ у Рима умираетъ!
Сенека гибнетъ! и народъ
Молчитъ!... Но нѣтъ, народъ не знаетъ!
Народу миль и дорогъ тотъ,
Кто спать въ немъ мысли не даетъ!

ЛЮЦІЙ.

Да, миль, какъ бабочка ночная,
Покуда крыльевъ не ожжетъ,
Черезъ огонь перелетая....
Народъ твой первый же потомъ
И назоветъ тебя глупцомъ.

ЛУКАНЪ (*закрывъ лицо руками*).

Но Цезарь!... мы вѣдь съ нимъ когда-то
Росли, играли, какъ два брата!
Онъ вспомнить время дѣтскихъ игръ,
И приговоръ свой остановить....
Въ немъ сердце есть.... вѣдь онъ не тигръ...
Римъ часто въ-пусту злословить....
Что я ему? Мои мечты
Да пѣсни—всѣ мои заботы!...

ЛЮЦІЙ.

Мой бѣдный мальчикъ, съ жизнью счеты
Еще не кончилъ видно ты!

*(Одинъ изъ учениковъ Сенеки входитъ
въ комнату. Съ нимъ рабъ. Онъ говоритъ
шепотомъ.)*

УЧЕНИКЪ

Друзья, — чуръ тише — я съ надеждой!

ЛУКАНЪ.

Прощенье?...

УЧЕНИКЪ.

Въ домъ выходъ есть;
Со мной двѣ женскія одежды.
Пробратся къ Тибру, въ лодку сѣсть,
И въ Остію! бѣги съ Луканомъ,
А я останусь здѣсь съ рабомъ.
Луканъ съ нимъ сходень видомъ, станомъ,
Я сѣдъ, гляжу ужъ старикомъ....
Бѣгите! время есть до срока,
И вы ужъ будете далеко,
Какъ насъ найдутъ здѣсь по утру.

ЛУКАНЪ.

Я говорилъ, что не умру!

СЕНЕКА.

Бѣги, Луканъ! Мнѣ съ сѣдиною
Нейдетъ ужь бѣгать отъ враговъ.

ЛЮЦІЙ.

А жаль! я бь посмотрѣлъ, каковъ
Ты въ юбкѣ!...

УЧЕНИКЪ.

Гибель предъ тобою!

Смерть въ каждомъ домѣ! Цѣлый Римъ —
Какъ циркъ. Людей травятъ звѣрями.
Постумъ убитъ рабомъ своимъ;
Пизонъ вскрылъ жилы. Подъ досками
Раздавленъ Кай. Чего жь вамъ ждать?

СЕНЕКА.

Мой другъ, не дважды умирать!
Разъ — это праздникъ!

УЧЕНИКЪ.

Но съ тобою

Погибнетъ все! ты много намъ
Не досказалъ!

СЕНЕКА.

Найдешь и самъ

Все, что осталось за мною, —
Лишь мысли, истину любя.

ЛУКАНЪ.

Учитель! я молю тебя!

УЧЕНИКЪ.

Вѣдь ты послѣдняя лампада
Во мракѣ жи!

СЕНЕКА.

Оставь меня.

Ни просьбъ, ни лести мнѣ не надо.
Вѣрь, каждый шагъ свой — знаю я!

УЧЕНИКЪ.

Я это зналъ... я зналъ тебя!
О, горе! что же будетъ съ нами!...
Жить въ мракѣ, плача и скорбѣ,
Что свѣтъ мелькнулъ передъ глазами —
И скрылся!... Ты душой высокъ!
Ты недоступенъ намъ, Сенека!
Ахъ! правда! въ сердцѣ чловѣка
Есть нѣчто высшее, есть богъ!...
Сейчасъ я видѣлъ — и смущеньемъ
Я пораженъ какъ мальчикъ былъ...
Я черезъ форумъ проходилъ.
Съ какимъ-то дикимъ изумленьемъ
Народъ носилки окружилъ,
Въ носилкахъ трупъ Эпихариды...
(Подъ видомъ праздниковъ Киприды
Пизонъ друзей сбиралъ къ ней въ домъ.)
Вчера она, подъ колесомъ,
Въ жестокихъ мукахъ, не винилась,
И никого не предала!...
Трещали кости, кровь текла...
Въ носилкахъ петлю изловчилась
Связать платкомъ — и удавилась.
Воскликнулъ самъ центуріонъ:
„Въ рабынь вселился духъ Катонъ!“
А Римъ? Сенать? весь обращенъ
Иль въ палачей, или въ шпіоновъ!

ЛУКАНЪ.

Эпихарида!

УЧЕНИКЪ.

Да, она —

Душа безумныхъ сатурналіѣ!

ЛУКАНЪ.

И ты хотѣлъ, чтобъ мы бѣжали!
ЛЮЦІЙ.

Бываютъ точно времена
Совсѣмъ особеннаго свойства.
Себя не трудно умертвить,
Но жизнь понявъ, остаться жить —
Клянусь, не малое геройство!

ЛУКАНЪ.

И смерть въ рукахъ ея была
Для цѣлой половины Рима —
И никого не предала!
А жить бы въ золотѣ могла,
На площадяхъ боготворима
Въ мѣди бѣ и въ мраморѣ была,
Какъ мать отечества!... О, боги!
Сенека! и взглянуть стыжусь
На образъ твой, какъ совѣсть строгій!
Да развѣ могъ я жить, какъ трусъ?
Нѣтъ, нѣтъ! Клянусь, меня не стануть
Геройствомъ женщинъ попрекать!
Послѣднихъ Римлянъ въ насъ помянуть!
Ну, Римъ! тебѣ волчица — мать
Была! Я вѣрю.... въ сказкѣ древней
Есть правда.... Ликторъ! я готовъ....
Я здѣсь чужой въ гнилой харчевнѣ
Убійцъ наемныхъ и воровъ....
Смерть тяжела лишь для рабовъ!
Намъ — въ ней триумфъ.

*(Обнимаетъ Сенеку и друзей, и говоритъ, под-
нявъ глаза къ небу.)*

О, боги! боги!

Вы обнажили предо мной
Видѣнья древности сѣдой

И Олимпійскіе чертоги —
Затѣмъ, чтобъ стихъ могучій мой
Ихъ смертнымъ былъ провозвѣщатель!...
Теперь стою я, какъ ваятель
Въ своей великой мастерской.
Передо мной — какъ исполины
Недовершенныя мечты!
Какъ мраморъ, ждутъ онѣ единой
Для жизни творческой черты!
Простите жь, пышныя мечтанья!
Осуществить я васъ не могъ!...
О, умираю я, какъ богъ
Средь начатаго мірозданья!

(Луканъ, обнявъ Сенеку и Люція, уходитъ, сопровождаемый ликторами.)

СЕНЕКА *(хочетъ за нимъ слѣдовать, но останавливается на движеніе бросившихся къ нему учениковъ, и проведя рукою по челу, говоритъ тихо и торжественно).*

Одну имѣлъ я въ жизни цѣль,
И къ ней я шелъ тропой тяжелой.
Вся жизнь моя была досель
Нравоучительною школой;
И смерть есть новый въ ней урокъ,
Есть буква новая, средь вѣчной
И дивной азбуки, залогъ
Науки высшей, безконечной!
Творецъ мнѣ разумъ строгій далъ,
Чтобъ я вселенную извѣдалъ,
И что въ себѣ и въ ней позналъ, —
Въ науку бъ позднимъ внукамъ предалъ;
Послалъ онъ въ встрѣчу злобу мнѣ.

Развратъ чудовищный и гнусный,
Чтобъ я, какъ дубъ на вышинѣ,
Средь бурь, окрѣпъ въ борьбѣ искусной,
Чтобъ въ массѣ подвиговъ и дѣлъ
Я образъ свой напечатлѣлъ....
Я все свершилъ. Мой образъ вылить.
Еще рѣзца послѣдній взмахъ —
И гордо встанетъ онъ въ вѣкахъ.
Рѣзецъ не дрогнетъ. Не осилитъ
Мнѣ руку страхъ. Здѣсь путь свершенъ, —
Но духъ мой, жизнью земною
Усовершенъ и умудренъ,
Вступаетъ въ вѣчность.... Преди мною
Открыта дверь — и вижу я
Зарю иного бытія....

(Друзья съ воплями обнимаютъ колѣна философа. Слѣдя на нихъ, онъ продолжаетъ.)

Жизнь хороша, когда мы въ мірѣ
Необходимое звено,
Со всѣмъ живущимъ заодно; —
Когда не лишній я на пирѣ;
Когда, идя съ народомъ въ храмъ,
Я съ нимъ молюсь однимъ богамъ....
Когда жь толпа, съ тобою розно,
Себѣ воздвигнувъ божество,
Слѣдитъ съ какой-то злобой грозной
Движенья сердца твоего;
Когда указываетъ пальцемъ,
Тебя завидя далеко, —
О, жить отверженнымъ скитаальцемъ,
Друзья, повѣрьте, нелегко!
Остатки лучшихъ поколѣній,
Съ ихъ древней доблестью въ груди,

Проходимъ мертвые, какъ тѣни,
Мы какъ шуты на площади!
И незамѣтно вѣтеръ крѣпкій
Потопитъ насъ среди зыбей,
Какъ обезсмысленныя щенки
Щобѣдоносныхъ кораблей....

Нашъ вѣкъ прошелъ. Пора намъ, братья!
Иные люди въ міръ пришли;
Иныя чувства и понятья
Они съ собою принесли....
Быть-можетъ, вѣруя упорно
Въ преданья юности своей,
Мы леденимъ, какъ вихрь тлетворной,
Жизнь обновленную людей.
Быть-можетъ.... истина не съ нами!
Нашъ умъ ея уже нейметъ,
И ослабѣвшими очами
Глядитъ назадъ, а не впередъ,
И свѣта истины не видитъ,
И вопіетъ: „спасенья нѣтъ!“
И, можетъ-быть, иной придетъ,
И скажетъ людямъ: „вотъ гдѣ свѣтъ!“
Нѣтъ! намъ пора!... Открой мнѣ жилы!...
О, величайшее изъ благъ —
Смерть! ты теперь въ моихъ рукахъ!...
Сократъ! учитель мой! другъ милый!
Къ тебѣ иду!...

(Уходитъ сопровождаемый учениками.)

ЛЮЦІЙ.

Ты кончилъ хорошо, Сенека!
И славно выдержалъ!... Ну, вотъ —
Героємъ меньше!... Злость беретъ,
Какъ поглядишь на человѣка!

Что жь изъ того, что умеръ ты?
Что духомъ до конца не падалъ?
Для болтовни, для клеветы
Ты Риму разговоръ задалъ
Дня на два! Вотъ и подвигъ твой!

(Смотритъ въ окно на небо и дальнія горы.)

Какъ тамъ покойно! Горы ясны....
Вотъ такъ и боги безучастно
Съ небесъ глядятъ на родъ людской!...
Да что и видѣть?...

(Оглядывается въ комнату.)

Здѣсь ужасно

И жить, не только умирать!
А жить осталось не много....
Что жь пользы Немезидѣ строгой
Часъ лишній даромъ отдавать?
Для дѣлъ великихъ отдыхъ нуженъ,
Веселый духъ и — добрый ужинъ....
По смерти слава — намъ не въ прокъ!
И что за счастье, что когда-то
Укажетъ риторъ бородатой
Въ тебѣ для школьниковъ урокъ!...
До тайнъ грядущихъ — нѣтъ мнѣ дѣла!
И — здѣсь ли кончу я свой вѣкъ,
Иль будетъ жить душа безъ тѣла —
Все буду я — не человѣкъ!...
Ну, а теперь, пока я въ силѣ,
Съ почетомъ отпустить могу
Я тѣло — стараго слугу....
Ей, рабъ!

(Входитъ Дивусъ.)

ЛЮЦИЙ.

Въ моей приморской виллѣ
Мнѣ лучшій ужинъ снаряди,

Въ амфитеатръ, подъ горами.
Мнѣ ложе уברי цвѣтами;
Балетъ вакханокъ приведи,
Хоръ фавновъ.... лиры и тимпаны....
Да хоръ де такъ, какъ въ прошлый разъ:
Пискунъ какой-то — первый басъ!...
Въ саду открой вездѣ фонтаны;
Вотъ ключъ — тамъ, въ дальней кладовой,
Есть кубки съ греческой рѣзьбой —
Достань. Да разошли проворно
Рабовъ созвать друзей.... Пускай,
Кто живъ, тотъ и придетъ. Ступай
Къ Марцеллу самъ. Проси покорно,
Хранится у него давно
Гораціанское вино.
Скажи, что господишь твой молитъ
Не отказать ему ни въ чемъ,
Что нынче — умирать изволить!
Ну, все.... ты вѣрнымъ былъ рабомъ,
И не забыть въ моей духовной.

(Рабъ упадаетъ къ его ногамъ.)

Да не торгуйся, не скупись —
Чтобъ ужинъ вышелъ баснословный!...
Да! главное забылъ.... Стучись
Безъ милосердья въ двери Лиды.
Снеси цвѣтовъ корзины ей,
И пусть, какъ къ празднику Киприды,
На ужинъ явится скорѣй.

(Рабъ уходитъ)

И на колѣняхъ дѣвы милой,
Я съ напряженной жизни силой,
Въ послѣдній разъ упьюсь душой

Дыханьемъ травъ, и моремъ спящимъ,
И солнцемъ, въ волны заходящимъ,
И Лиды ясной красотой!...
Когда жь пресыщусь до избытка,
Она смертельнаго напитка,
Умильно улыбаясь, мнѣ,
Сама не зная, дастъ въ винѣ,
И я умру шутя, чуть слышно,
Какъ истый мудрый сибаритъ,
Который, трапезою пышной
Насытивъ тонкій аппетитъ,
Средь ароматовъ мирно спитъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Дѣйствіе въ палатахъ Люція, на одномъ изъ холмовъ Рима.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Вечеръ. ДАВУСЪ, дворецкій Люція, и ЮВЕНАЛЬ (около 25 лѣтъ).

ДАВУСЪ.

Я двадцать лѣтъ ему служу.
Весь домъ на мнѣ лежитъ. Слѣжу
За управленіемъ помѣстій—
Вѣдь за сто тысячъ тамъ рабовъ!
Однѣхъ цѣпей для этихъ бестій
Что надо!... да корми скотовъ!
Къ тому жь, я славный чтецъ стиховъ,—
Читаю какъ никто Гомера!...
Тебѣ не надобно примѣра,
Ты знаешь!... Ну, и онъ цѣпилъ
Меня всегда, да вдругъ облаялъ
Передъ концомъ-то! Такъ честилъ
Какъ не слыхалъ я и не чаялъ!

„Ты, говорить, такой, сякой!
„И плутъ, и съ рабскою душой!
„Прощаться созвалъ мнѣ полъ-Рима!
„Льстецовъ, обжоръ, шпіона, мима!
„Я разумѣлъ однихъ друзей!“
Друзей!... Да гдѣ ихъ взять? Вотъ Кней
Сервилій просто отозвался,
Что не слыхалъ онъ, отродясь,
Кто этотъ Люцій,—а у насъ
Почти что день то обжирался!
Теперь друзей-то къ намъ позвать—
Ихъ значить просто выдавать.
Схватился самъ—быть плоху дѣлу,
Отказъ послалъ къ тебѣ, къ Марцеллу
И Тациту.

ЮВЕНАЛЬ.

Я не уйду!
Другаго Люція межъ нами,
Я знаю, вѣкъ я не найду!

ДАВУСЪ.

Онъ добръ-то добръ! На что съ рабами—
Вѣдь онъ не знаетъ ихъ! горстями
Имъ сыплеть золото!... Я жду
Всегда бѣды! И такъ ужъ двое
Хотѣли разъ его убить!
Самъ чуть отбился, а ловить
Не приказалъ! „Оставь въ покоѣ
Ихъ, говоритъ: въ другой ужъ разъ
У нихъ рука бѣ не поднялась!...“
Да я сыщу мерзавцевъ! Право,
И то сказать, теперь расправа!

Казнять, казнять людей у насъ,
Да все казнять-то изъ-за вздора....
А для мошенника и вора
Просторъ — изволь себѣ гулять!

(Входитъ Люцій.)

ЛЮЦІЙ *(къ Давусу).*

Когда готово, мнѣ сказать!

(Давусъ уходитъ.)

ЛЮЦІЙ *(къ Ювеналу).*

Ну, милый мой! Теперь сатирѣ
Никто, какъ я, конечно, въ мірѣ
Такой не можетъ пищи дать!
Мудрецъ, почти что съ сѣдиною,
Со всеобъемлющей душою, —
Вдругъ размечтался какъ дитя
И думалъ умереть шутя!
Увы! Всю жизнь съ толпою шумной,
Слѣпцами, носимся безумно
Вкругъ сфинкса мы, покуда „стой!“
Не прогремитъ надъ головой.
Тутъ на чудовище и взглянешь —
Кровь хлынетъ къ сердцу, камнемъ станешь;
Его глаза блеснутъ огнемъ,
И только тутъ, передъ концомъ,
Когда спускается завѣса,
Поймешь къ чему клонилась пьеса!

ЮВЕНАЛЬ.

Въ какое время мы живемъ!

ЛЮЦІЙ.

Мы вѣчно что-нибудь клянемъ,
Философъ—роскошь, рабъ—неволю;
Гдѣ ни послушай—тотъ же стонъ
У всѣхъ народовъ и племень,
Про вѣкъ имъ выпавшій на долю,
Что хуже не было времянь!
Мы повторяемъ пѣсню ту же.
Но ты подумаль ли хоть разъ,
Что въ нашей жизни губить насъ,
Чѣмъ намъ-то вѣкъ достался хуже?...
Ты молодъ. Сила есть въ тебѣ,
Ты жаждешь въ честной стать борьбѣ,
Готовъ рвануться первый въ пламя,
Бѣжишь къ вождямъ, бѣжишь къ жрецамъ,
Бѣжишь подь древнее ихъ знамя,
И просишь—дѣла дайте намъ!
И что жь въ отвѣтъ на рвенье наше?
Ни вождь въ свой долгъ, ни жрецъ въ боговъ,—
Давно не вѣрятъ!

Средь пировъ

Я часто съ поднятою чашей
Стоялъ и словъ не находилъ,
Чтобы придумать тостъ разумный!
А тостъ разумный на пирахъ
То знамя поднятое шумно,
То мысль прочтенная въ сердцахъ!

Когда-то тоже легионы

Водилъ я наши.... Тамъ Тевтоны,
Которымъ дѣла нѣтъ до насъ,
Какъ намъ до нихъ, съ другимъ народомъ
Столкнулись какъ-то мимоходомъ:
Я посланъ былъ.... И что жь? Рубясь

Въ лѣсахъ, по страшнымъ переходамъ
Людей теряя и губя,—
Изъ-за чего? Вѣдь сумазбродомъ,
Клянуся, я считалъ себя!—
Тріумфа послѣ удостоень!—
Цвѣты на консульскомъ пути!—
И въ Капитолій, храбрый воинъ,
Героємъ долженъ былъ войдти!
Хорошъ герой!... И принимали
Меня наборомъ громкихъ фразъ
Въ сенатѣ, чуть что не смѣясь....
Мы всѣ другъ друга понимали!
Всѣ въ свой чередъ тріумфовали!
Когда-то тоже „Римъ спасли“
Тѣмъ, что до моря добрали
И въ морѣ раковинъ набрали!...
Что жъ было дѣлать мнѣ? Слѣпцомъ
Идти съ общественнымъ потокомъ?
Что зломъ зовутъ, звать тоже зломъ?
Что всѣ кругомъ зовутъ порокомъ—
Порокомъ звать, хотя бы въ томъ
Ты видѣлъ честь?... Весь вѣкъ лукавить,
И, вмѣсто праведной хулы,
Безумство, ложь хвалить и славить,
Сбирая дань съ своей хвалы?
И ужъ зажить сатрапомъ! Счастье
Въ тупомъ лишь видѣть сладострасть?...
Съ Кипридой кончивши потомъ,
Ужъ добивать остатокъ смысла,
Всѣмъ погрузившись существомъ
Въ астрологическія числа?
Наполнить магами свой домъ,
Ходить къ оракуламъ, къ сивилламъ,
И все въ чемъ толку больше нѣтъ.

Что гнить должно бы по могиламъ,
Опять вытаскивать на свѣтъ?
Но въ этой мглѣ заснуть не можетъ
Покорно тотъ, хоть бы хотѣлъ,
Чей умъ и сердце вѣчно гложетъ
Святая жажда славныхъ дѣлъ!
Заснешь и вскочишь вдругъ въ потемкахъ....
„Нашель, нашель!“ воскликнешь вдругъ,
Свѣчу зажжешь,—и что же вкругъ?
Опять стоишь ты на обломкахъ!
Сверкнувшей правды грустный свѣтъ
Лишь говорить тебѣ съ тоскою
Что въ роли, созданной тобою,
Ни нужды нѣтъ, ни смыслу нѣтъ!...
Потомъ все рѣже эти бури,
Но и сквозь брѣню мудреца
Тебя бичи незримыхъ фурій
Язвить все будутъ до конца!
И чуть душой порой воспрянешь,
Чуть оживишься ты на мигъ
Въ груди услышишь тотъ же крикъ:
„И, полно, милый, не обманешь!...“

ЮВЕНАЛЬ.

Ахъ, Люцій! Ты — ты все постигъ!
Ты мнѣ казался подубогомъ
Всегда, въ которомъ всѣ вѣка
Слились бдистательнымъ итогомъ!
И на тебѣ лежитъ рука
Какой-то все мертвящей силы!
Но что же сдѣлаетъ поэтъ
Въ такое время? Сколько лѣтъ
Я декламирую въ честь Силлы,

Бюдаю громы въ Карфагенъ,
И утѣшаю Поликсенъ
И Андромахъ—межь тѣмъ какъ ядомъ
Душа полна и желчь кипитъ,
А за тобой межъ тѣмъ слѣдитъ
Шпіонъ своимъ змѣинымъ взглядомъ!...
О, лебедь Мантуи! И онъ,
Пѣвецъ Тибура вдохновенный!
Какъ часто ими умиленный,
Я плакалъ, тихо потрясенъ
Одной гармоніей пѣвучей
Стиховъ ихъ сладостныхъ! Весной
Въ нихъ вѣтъ, юностью кипучей!
Все, даже скорбь, звучитъ могучей
Весенней бурей золотой!...
И подлѣ нихъ моя сатира,
Мнѣ ненавистна и гадка,
Какъ крикъ исполоха въ шумѣ пира,
Какъ ропотъ злаго старика!

ЛЮЦІЙ.

Да жаль мнѣ васъ! На вашу лиру
Изъ міра нечему пахнуть,
Чтобы аккордомъ звучнымъ міру
Ей отозваться какъ-нибудь!
У дикихъ Скивовъ и Тевтоновъ
Видалъ ночные я пиры.
Среди глухихъ ночныхъ притоновъ
Зажгутъ они свои костры,
Въ кругу усядутся въ долину,
И пьютъ меды,—а по срединѣ
Поетъ пѣвецъ. Напѣвъ ихъ дикъ,
Для насъ, пожалуй, непріятенъ,—

Но какъ могучъ простой языкъ!
Какъ жестъ торжественъ и понятель!
И кто тамъ больше былъ поэтъ—
Пѣвецъ иль слушатели сами?
Но этотъ дѣсь, и ночь съ кострами,
И между листьевъ лунный свѣтъ,
И въ лихорадочной тревогѣ
Кругомъ косматый этотъ людъ,—
Все,—даже самые ихъ боги,
Что въ вихряхъ мчатся, тоже тутъ,
Съ высотъ внимаютъ,—все дышало
Въ тѣхъ пѣсняхъ пламенныхъ... Но въ нихъ
Пѣвецъ вливалъ въ свой звучный стихъ
То что толпа ему давала!...
А мы? Куда насъ повлекутъ,
И что намъ слушатели скажутъ?
Какія дѣла намъ укажутъ?
И въ наши пѣсни что волюють?

ЮВЕНАЛЬ.

И Римъ такой же былъ когда-то!
Такая жь пѣснь и въ немъ жила!
Онъ пѣлъ Виргинію, дѣла
Коріолана, Цинцинната!
Ахъ эти пѣсни! Гдѣ онѣ?
Уже ль въ надутой болтовнѣ
Теперь у Ливія бь узнали
Ихъ наши бабки что пѣвали
Ихъ съ вѣчной прялкою своей,
Иль старики среди дѣтей
Подъ тѣнью Ромулова вяза?
Ты любишь Грековъ, Люцій! Самъ

Ты полу-Грекъ: отъ нихъ зараза!
Отъ нихъ погибель вышла къ намъ!

ЛЮЦІЙ.

Нашъ вѣчный споръ!

ЮВЕНАЛЬ.

Нѣтъ, онъ рѣшится!

Я душу Грековъ обнажу!
Въ комъ римскій духъ еще таится—
Я кликну кличь, я разбужу!
Онъ содрогнется, онъ проснется....

ЛЮЦІЙ.

Да къ чечевицѣ и вернется!
Мы вѣкъ за предками брели,
Давно забывъ куда пошли,
Съ пути сбивались понемногу—
И потеряли ужь дорогу!
Найди ее! кричи vivat!
Встань поперегъ теченья смѣло,
И если ты вернешь назадъ
Необозримый водопадъ,
Герой, ты выиграешь дѣло!...
О юность!... Впрочемъ, выступиай
На подвигъ! Если вѣришь,—благо!
Одно лишь помни, другъ, и знай:
Сатиры гордая отвага
Тогда лишь будетъ не мертва,
Когда ты самъ стоишь высоко!

Стрѣла тогда лишь бьетъ далеко,
Когда здорова тетива....

(Появляется Давузь.)

Но вотъ мой Давузь. Все готово!
Прощай, мой другъ. Къ моимъ гостямъ
Ты не ходи.... Пускай я самъ
Плачу за вѣтреное слово!...
Друзей тамъ тщетно бѣ ты искалъ!
Лукавъ, Пизонъ, Сенека — пали!
Марцеллъ и Тацитъ.... я послалъ
Сказать, чтобъ тѣ не рисковали....
Кого же Давузь мой созвалъ, —
Толпы халжей, льстецовъ, шпионовъ,
Весь этотъ гнусный дворъ Нероновъ...
Ты между нихъ не долженъ быть!
Мнѣ невозможно отступить,
Хоть дорожа родствомъ Катоновъ —
Пойду на зрѣлище я къ нимъ....
Что дѣлать! Эти люди — Римъ!

ЮВЕНАЛЬ.

О, Люцій!

ЛЮЦІЙ.

Нѣтъ, уйди, прощай,
Я требую!... *(Обнимаетъ его и уходитъ.)*

ЮВЕНАЛЬ *(уходя.)*

О tempora, o mores!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ПИРЬ ВЪ БРУТОВОЙ ЗАЛѢ ¹.

Великолѣпно-убранная зала: главная въ ней статуя, по правую сторону, огромнаго размѣра, на высокомъ бронзовомъ пьедесталѣ, изображаетъ Брута; множество другихъ, мѣньшаго размѣра, около стѣнъ. Посрединѣ залы роскошно накрытый столъ, съ ложами вокругъ. Высокіе канделябры на столѣ и на полу, вокругъ стола. Все золото, серебро, слоновая кость. Прямо, противъ зрителя, большая арка въ садъ, гдѣ видны верхи кипарисовъ, небо, море, луна. Направо большая ниша, устроенная въ утесѣ, къ которому прислоненъ домъ.

(Гости прохаживаются по залѣ. Въ одной группѣ: два ритора, нѣсколько молодыхъ патриціевъ, между ними всадникъ (eques romanus) въ блестящемъ костюмѣ, нѣсколько сенаторовъ и проч. Они осматриваютъ статуи и картины.)

1-й РИТОРЪ.

Ну домикъ! да! Изъ всѣхъ угловъ
Глядятъ милльоны! Эка сила!...
Взять серебро съ однихъ столовъ —
И былъ бы домъ, была бы вилла!
Вотъ этотъ маленькій божокъ —
Вѣдь въ немъ помѣстье!... Да, знатокъ
Нашъ Люцій, чуть ли не единый

¹ *Брутова зала.* Въ большихъ дворцахъ у древнихъ залы иногда назывались по имени главной статуи; зала Аполлона, Лаокоона, и пр. Эта статуя была обыкновенно больше всѣхъ и помѣщалась на самомъ видномъ мѣстѣ, на высокомъ пьедесталѣ, смотря по вышинѣ залы.

Изъ кровныхъ римскихъ-то волчатъ,
Кому такъ въ прокъ пошли Аѳины!

2-й РИТОРЪ.

О ставъ, любезный, ты картины
И статуи: ихъ не ѣдятъ!
Вотъ въ кухняхъ—тамъ чудесь собранье!
Тамъ все, какъ-есть, естествознание!
Одни ужъ запахи кричатъ
Тебѣ за милю: „Стой прохожій!“

1-й РИТОРЪ.

Жаль, какъ ни лѣзь себѣ изъ кожи,
Все съѣшь за одного!

ВСАДНИКЪ.

Ну, да!

Два пальца въ ротъ, и вся бѣда!

(Входитъ Харидемъ, важная фигура, въ пышной тогѣ. Борода и длинные волосы мелко завиты. Съ нимъ ученики. Риторы бросаются къ нему на встрѣчу, припадаютъ къ груди его и цѣлуютъ. На авансценѣ провинціальный преторъ и квесторъ.)

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ.

Кто этотъ мужъ? глядитъ Платономъ!

КВЕСТОРЪ.

Да, милый, риторы къ нему
Не даромъ кинулись съ поклономъ.

Пророчуть всё теперь ему
Сенеки мѣсто... это славный
Философъ Харидемъ! Недавно
Его трактатъ „Безсмертье Душъ“
Надѣлалъ шуму. Важный мужъ!
Мудрецъ по знаньямъ и на дѣлѣ!
Всю ночь съ лампадою сидить;
Не знаетъ сна онъ и постели,
И домъ его для всѣхъ открыть.

*(Входитъ, ведмый подъ руки двумя ра-
бами, старый проконсулъ Публій, безъ
бороды, черенъ голый. Съ нимъ нѣсколько
кlientовъ. Молодые патриции, сенаторы,
бросаются къ нему на встрѣчу, припа-
даютъ на его грудь и цѣлуютъ.)*

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ.

А! Публій!... Этого мы знаемъ!
И всѣмъ народомъ поминаемъ!
Весь край, злодѣй, въ пять лѣтъ совсѣмъ
Какъ губку, выжалъ!

КВЕСТОРЪ.

Мастеръ дѣла!

ПУБЛІЙ *(увидя Харидема).*

Великомудрый Харидемъ! *(Идетъ къ нему.)*

ХАРИДЕМЪ *(предупреждая его).*

Здоровье?

ПУБЛІЙ.

Старость одолѣла!

Вотъ всю недѣлю плохо ѣмъ!
А ты, ты все съ ученичками?

ХАРИДЕМЪ (*важно*).

Моя обязанность! Предъ нами
Сегодня жь, тутъ, произойдетъ
Души торжественный излетъ
Изъ тѣла!...

ПУБЛІЙ (*вдругъ вспомнивъ*).

Да! вѣдь онъ умретъ!...
Ты что-нибудь при этомъ скажешь?
Послушаемъ! Я радъ! я радъ!...
Что молодежь-то? а? разврать?

ХАРИДЕМЪ.

Каковъ наставникъ! что укажешь!...

ПУБЛІЙ (*не слушая его, ко входящему
другому старому проконсулу.*)

А ты откуда? срамецъ!...

(*Общій шепотъ:*)

Миртиль!

(*Всѣ въ почтительной позѣ. Проконсулы и Харидемъ спѣшатъ навстрѣчу и припадаютъ на грудь къ вшедшему евнуху Миртилле, въ блестящей одеждѣ, съ лавровымъ вѣнкомъ на голову.*)

ПУБЛІЙ.

Божественный пѣвецъ!

ХАРИДЕМЪ.

Здоровье кесаря?

МИРТИЛЛЪ.

Изволилъ
Уснуть и отъ себя уволилъ
Меня сегодня.

ХАРИДЕМЪ.

Подарилъ
Сегодня намъ!

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ (*квестору*)

А это кто же?

КВЕСТОРЪ.

Тссъ! тише! если только кожей
Ты дорожишь! Евнухъ Миртиллъ—
Пѣвецъ и мимъ,—да вотъ въ чемъ сила:
Въ ногахъ у кесаря лежитъ
Весь міръ, а кесарь самъ сидитъ
У ногъ вотъ этого Миртилла.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ (*въ испугъ*).

Такъ вотъ оно!...

КВЕСТОРЪ

Да, да,—оно!

Такъ, въ среднемъ родѣ....

(Гости все прибываютъ. Миртиллъ, Харидемъ и проконсулы удаляются въ глубину сцены. Два сенатора подходятъ къ авансцену.)

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ.

Онъ ядъ прицять давно сбирался.
Да нынече циркъ, а завтра—бѣгъ,
А тамъ—заѣзжій риторъ Грекъ,
Да Лиды, Фрины.... не рѣшался,
И вѣрно радъ, что тутъ помогъ
Ему Неронъ, назначивъ срокъ.

СЕНАТОРЪ СИМПЛИЦІЙ

Да! онъ не разъ меня обидѣлъ,
Но чловѣка я въ немъ видѣлъ
Всегда великаго! И вотъ—
Вдругъ посмотрѣть, какъ онъ умретъ!—
Вѣдь гладіаторскаго боя,
Конечно, стоить смерть героя!
Сказать по правдѣ, напередъ
Я тоже справился какъ стануть
Смотрѣть на это? Ничего!
Миртиллъ здѣсь: значить, и не взглянуть!

(Молодые патриціи:)

ОДИНЪ.

У насъ, вотъ видишь, съ нимъ родство,
Такъ можетъ-быть....

ВСАДНИКЪ.

Изъ родоваго
Не завѣщаетъ ли чего?
Понятно, братецъ, и не ново!
Однако—что жь? чего онъ ждетъ?
Все подано, а самъ нейдетъ—
Вонъ даже рвотное готово!...
Но между этихъ чашъ одна
Должна быть съ ядомъ.... Гдѣ жь она?
Вотъ эта вѣрно: золотая,
Съ волчицей крышка.... небольшая,
Но....

(Входитъ Люцій. Всѣ устремляются къ нему навстрѣчу.)

ПУБЛІЙ.

А! вотъ и нашъ амфитріонъ!

СЕНАТОРЪ СИМПЛИЦІЙ

Я такъ смущень и огорчень,
Что скорбь разсудокъ помрачаетъ!

РОДСТВЕННИКЪ.

Я какъ услышалъ, поспѣшилъ....

ХАРИДЕМЪ:

Одно изъ міровыхъ свѣтилъ
Надъ Римомъ нынѣ угасаетъ!

ЛЮЦІЙ.

Благодарю васъ, господа!

Я васъ просилъ, чтобъ навсегда
Окончить жизнь веселымъ пиромъ,
Чтобъ навсегда проститься съ міромъ
Въ бесѣдѣ съ вами, средь всего,
Что украшаетъ лишь его.
Теперь прошу васъ, дайте волю
Своей фантазіи, уму,
И я скажу—едва ль кому
Завиднѣй жребій палъ на долю!

(Даетъ знакъ. Являются невольницы съ золотыми чашами для омовенія рукъ гостямъ. Помъщаются на ложа. Остается нѣсколько пустыхъ мѣстъ.)

Входятъ двое, плохо одѣтые и полупьяные. У одного черная включенная борода и волосы копной. На плечъ мѣшокъ, въ рукахъ дубина. Онъ обращается къ приятелю, говоря съ несовсѣмъ трезвымъ разговоромъ.)

ГОСТЬ.

Ну такъ и есть! вотъ видишь—ужинъ!

(Къ гостямъ.)

Мы, проходя, вдругъ слышимъ духъ
Жаркова, дичи! Ну, мой другъ,
Я говорю, здѣсь будетъ нуженъ
Гостямъ хорошій аппетитъ;
Я захватилъ его съ собою!
Пойдемъ, предложимъ! Кто и сытъ,
Проголодается со мною!

ЛЮЦІЙ.

Прошу,—но кто же?...

ГОСТЬ.

Видишь самъ —
Философы!

ЛЮЦІЙ.

Такимъ гостямъ
Вдвойнѣ я радъ.

ГОСТЬ.

Тѣмъ лучше: Впрочемъ —
Какъ ты тамъ знаешь... радъ, не радъ,
А глотку мы себѣ промочимъ.

(Осматриваетъ вина.)

Гдѣ тутъ получше-то стоять?
Конечно тамъ, гдѣ самъ хозяинъ....

(Наливаетъ и поетъ.)

„И онъ пришелъ не званъ, нечаянъ....
И всѣхъ плѣнилъ!“ *(Къ пріятелю, подавая ему вина.)*

Вотъ ты не шелъ,
И упирался какъ осель....
Заѣшь теперь.... вонъ смоква, финикъ....

(Къ Люцію.)

Рекомендую! спутникъ мой —
Изъ архискептиковъ! Я — циникъ!
Ужь дальше этого нейдетъ
Умъ человѣческой! По малу
Свой циклъ свершилъ, пришелъ къ началу, —
И больше некуда впередъ!...
Мое почтенье!

ПУБЛІЙ (*другому проконсулу, сидящему
подлѣ него*).

Гость забавный!
Какая челюсть у него!

ПРОКОНСУЛЬ.

Сатиръ! А ѣсть-то какъ исправно!
Вонъ похваталъ уже всего!...
Охъ, аппетитъ!... Ужь стары стали,
А въ старину и мы ѣдали!

*(По знаку Люція, архимагиръ беретъ со
стола алфору, чтобы сотворить возмѣ-
яніе богамъ.)*

ЦИНИКЪ (*останавливаетъ его*).

Не тронь! я это пью вино!
Богамъ, вѣдь, братецъ, все равно!
И тратить доброе къ чему же?
Плесни, которое похуже!

*(Архимагиръ беретъ другую алфору.
Первая смѣна блюдъ. Хоръ. Танцовщи-
цы, представляя собою двадцать четы-
ре часа, пляшутъ, кидая цвѣты на пи-
рующихъ, и поютъ:)*

ХОРЪ.

Ловите, ловите
Часы наслажденья;
Спѣшите, спѣшите
Пожить хоть мгновенье!
Какъ мошки на солнцѣ
Въ эфирѣ роями

Кружатся и блещутъ,
Мы, Оры, блистаемъ
Мгновеніе въ мірѣ!
Ловите, ловите,
Не то улетимъ!

(Входитъ среднихъ лѣтъ блѣдный и тосчій патрицій.)

ПАТРИЦІЙ.

Я слышала, Люцій,—говорятъ—
Ты умираешь? Очень радъ!
Я общей скорбью самъ страдаю
И тоже скоро умираю....
Но выбираю только ядъ.
О всѣхъ почти самоубійцахъ
Я перечелъ, и списокъ имъ
Составилъ на семи страницахъ,—
Но недоволенъ ни однимъ!
Я смерти все ищу пріятной....

СКЕПТИКЪ (*цивику*).

Онъ—сумашедшій!

ЦИВИКЪ.

Или шутъ.

СКЕПТИКЪ.

Что такъ они охотно мрутъ?

ЦИВИКЪ.

Богаты очень!

СКЕПТИКЪ.

Непонятно!

ЦИНИКЪ.

А впрочемъ дѣло ясно тутъ....

Вонъ, видишь, подъ глазами пятна!

(Къ Люцію.)

Да ты, пріятель въ честь чего

Затѣялъ нынче торжество?

ЛЮЦІЙ.

Я нынче въ полночь умираю:

Такъ кесарь повелѣлъ Неронъ.

ЦИНИКЪ.

Такъ вотъ что!... значить.... понимаю!...

(Пріосанясь.)

Ты — про свободу видѣлъ сонъ!

Пиръ значить: ты смотри какіе

Герои мрутъ!... а тѣ... другіе,

Что ихъ морятъ — того!... Резонъ!

Эхъ, вы, патрици, вельможи!

Туда же рвутся вонъ изъ кожи!

Свободы вамъ!... Эхъ ты, Катонъ!

Лишь Діогенова свобода

Прямая! Прочее все ложь!

Будь счастливъ тѣмъ что дастъ природа!

Родился голъ и голъ умрешь!

Въ природѣ жь, въ этой общей чашѣ,

Нѣтъ ярыковъ — мое и ваше!

Бери что хочешь! все твое,
На что глаза лишь разбѣжались!
А чтобы люди не кусались—
Кусайся самъ! Вотъ вамъ и все!
А то, глядишь, нагромодили
Понятій, тонкостей, цитригъ,—
Да и не въ мочь пришлось! Уныли,
И ходятъ высунувъ языкъ!

МОЛОДЫЕ ПАТРИЦІИ.

Отлично! вѣрно! браво! браво!

ПУБЛИЙ (*къ Харидему*)

Онъ— пресмѣшной!

ХАРИДЕМЪ (*торжественно*).

Я не смѣюсь!

Я слезы лью! и какъ, дивлюсь,
Онъ можетъ вамъ служить забавой!
Онъ рушитъ все, семейство, нравы!
Какъ отрицанье всякихъ узъ,
Ученье этихъ оборванцевъ
Опаснѣй всѣхъ республиканцевъ!
Онъ проповѣдуетъ порокъ,
И вотъ—ужь юность онъ увлекъ,
Она вся вторитъ тихомолкомъ!

ЦИНИКЪ.

Молчалъ бы лучше, педагогъ!

ВСАДНИКЪ.

Стравить бы ихъ—лицу съ волкомъ!

ХАРИДЕМЪ (*къ Миртилле*).

Ты близокъ къ Кесарю, Миртиллъ!
Ты слышалъ, что онъ говорилъ?
Основы нравственности руша,
Онъ тронъ колеблетъ!

ЦИНИКЪ.

Мы съ тобой
Поспоримъ послѣ, милый мой;
А ты вотъ сказочку послушай.
Я всѣхъ потѣшу!... Ты слышалъ—
Есть островъ Кипръ... ну, знаешь, вина
Отличныя! Разъ проживалъ
Тамъ риторъ, славный былъ дѣтина,
Да нищъ, и голодень, и голъ!
Одинъ архонтъ его нашель
И взялъ учить сынишку. Дѣло
Пошло на ладъ. Вошелъ онъ въ тѣло,
Въ почетъ въ дому у всѣхъ вошелъ,—
Да какъ-то разъ, конечно въ шутку,
Такъ цѣловать онъ сталъ малютку,
Что мать... открылося, что мать
Имѣла право ревновать —
А съ ней вся женская прислуга,
И поднялись,—пошло писать,—
Всѣ на него и другъ на друга!

ХАРИДЕМЪ (*съ благороднымъ негодованіемъ*).

Что жь это, Люцій? Вонъ его!

ПУБЛІЙ.

За что жь? Теперь онъ ничего!

(*Слѣясь:*)

Вотъ былъ пѣтухъ-то!

ЦИНИКЪ.

Аль завидно?

ПУБЛИЙ.

Да онъ—безцвѣтный!

ЛЮЦИЙ.

Что жь потомъ?

ВСАДНИКЪ.

Открылось что-нибудь съ отцомъ?

ЦИНИКЪ.

Отцу-то стало, вишь обидно!
Взревѣлъ что звѣрь! Анъ тотъ бѣжалъ,
Да къ христіанамъ и попалъ....
Вотъ мудрецы, скажу вамъ, тоже!

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ (*задумчиво*).

Да, мудрецы!... я разъ сказалъ,
Что это волки въ овчей кожѣ—
И это буду вѣкъ твердить.

КВЕСТОРЪ.

А ихъ ужь вѣдно ловить
И въ циркѣ травлю учинить.

АСПИЦІЙ (*мрачно*).

Все это—временныя мѣры!
Они работаютъ во мглѣ,
Повсюду, какъ ручьи въ землѣ,
И всевозможныя химеры
Вбиваютъ въ головы рабамъ!
Чего же ждать, примѣръ имѣя

Въ Спартакѣ? ' И найдти ли намъ
Другаго Красса и Помпея —
Чтобы порядокъ поддержать!

СЕНАТОРЪ СИМПЛИЦІЙ.

Пугать и страхи создавать—
Что въ немъ за страсть—не понимаю!
Невиннѣйшіе чудаки!...

ПУБЛІЙ.

Кто—христиане? Знаю, знаю!

(Вдругъ одушевляясь.)

Открытые бунтовщики!
Двоихъ судилъ я всенародно:
Ишь поклониться не угодно
Имъ лику кесаря: не богъ,
Моль, кесарь!... я внушалъ какъ могъ,
Хоть я не жрецъ и не ученый...
И, признаюсь, жаль было ихъ!...
Но дѣлать нечего — законы!
И—кожу содрали съ живыхъ!

ХАРИДЕМЪ *(поднимая чашу).*

Но кесарь насъ отъ нихъ избавить!
Онъ зла не можетъ попустить!

' Въ Римѣ, какъ извѣстно, были частыя возстанія рабовъ; въ короткое время они сбѣгались сотнями тысячъ подъ знамя смѣлаго предводителя. При усмирени ихъ въ Сицилію, гдѣ ихъ скопилось до 200.000 и которую они овладѣли, (въ 135 до Р. Х.), ихъ было распято 20.000. Спартакъ съ 120.000 рабовъ угрожалъ даже самому Риму. Его разбилъ Крассъ: при этомъ 6000 рабовъ были распяты по дорогѣ изъ Капуи въ Римъ (въ 71 до Р. Х.). Изъ массы бѣглыхъ рабовъ образовалось страшное разбойничество на Средиземномъ Морѣ; они имѣли до 1000 кораблей и 400 укрѣпленныхъ мѣстъ. Чтобы уничтожить ихъ, Клею Помпею было дано до 120.000 войска, 200 кораблей, и 5000 конницы. Онъ уничтожилъ разбойниковъ (67 до Р. Х.).

Душить ихъ надобно, давить!...
Во здравье жь кесаря! Да славить
Его весь міръ!...

(Всѣ встаютъ съ чашами.)

ЦИНИКЪ *(взлѣзаетъ на столъ).*

Хвалу ему
Что всѣхъ онъ душитъ васъ и давить!

(Молчаніе. Всѣ переглядываются съ ужасомъ между собою и съ яростію смотрятъ на циника).

ХАРИДЕМЪ.

Онъ правосуденъ!

ЦИНИКЪ

Потому
И душитъ васъ и давить!... Чтò же
Не пьете?... Бунтъ? На чтò похоже?
Пить такъ „за кесаря“—ужь прость
И слишкомъ голъ выходитъ тостъ.
Безъ смысла тостъ все дѣло рушить!...
Кричите жь всѣ: за то что душить....

(Оглядываетъ всѣхъ и ѣдетъ.)

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ *(нерѣшительно).*

За то что душить....

ЦИНИКЪ.

И давить насъ!...

ВСѢ *(кромя Люція).*

И давить насъ!...

ЦИНИКЪ

Ну пейте жь! Разъ,
Два, три!...

(*Общій крикъ: Да здравствуетъ кесарь! 1)*

ЛЮЦІЙ.

Всѣ пьютъ! Невыносимо!

ЦИНИКЪ.

Не поперхнулся ль кто, друзья?
Какъ будто кашель слышу я?...

ЛЮЦІЙ.

А молодець!

ЦИНИКЪ

Граждане Рима!
Теперь, позвольте, пью за васъ!
За васъ, сыновъ достойныхъ Брута!
Вотъ онъ, вотъ статуя его!
Брутъ! Съ пьедестала своего
Воззри и радуйся! Минута
Ей-ей торжественна! Ура
Вамъ, мужи чести и добра!

(*Опорожнивъ чашу, циникъ сваливается на свое мѣсто. Молчаніе.*)

¹ По поводу этого тоста, нѣкоторые мнѣ замѣчали, что никакое общество не можетъ такъ глубоко пасть, чтобы принять его. Оставляя отвѣчать за меня Тацита и Светонія, я напоминаю только одно — что это то самое общество, которое перенесло, напримѣръ, назначеніе лошади Геліо-габаловой въ сенаторы. Со стороны лучшихъ людей протестъ былъ одинъ — самоубійство.

ПУБЛИЙ (*тихо сосѣду*).

Онъ дичь несетъ... и пустословитъ...
И самъ хохочетъ... Глупъ и пьянь!
И какъ никто не остановитъ!...

(*Откашливаясь и громко къ цинику.*)

Что жь риторъ твой у христіанъ?

ЦИНИКЪ.

Мой риторъ? Да! Съ нимъ было много....
Но я другимъ ужь развлечень!
А ты спроси у педагога!
Я знаю только то, что онъ
Ихъ обокралъ... А какъ ужь скрылся,
Пусть скажетъ этотъ Цицеронъ!
Онъ самъ, быть-можетъ, съ нимъ водился!

ХАРИДЕМЪ (*запальчиво*).

Я не знакомъ съ нимъ!

ЦИНИКЪ.

Иногда

Видалъ, какъ въ зеркало глядѣлся!

ХАРИДЕМЪ.

Лжешь, лжешь безъ всякаго стыда,
Песъ мерзкій!

ЦИНИКЪ.

Что, братъ, завертѣлся?
А самъ наушничать!

ХАРИДЕМЪ.

Хорошъ

Ты самъ, герой добра и чести!
Лизаль чай руки у вельможъ,
Да поняль — дерзость лучше лести,
Береть вѣрнѣе?

ЦИНИКЪ (*издвываясь*).

Ну такъ что жь?

Не я имъ страхи сочиняю!
На ихъ же дудочкѣ играю—
Вольно плясать!... По мнѣ плевать
На ваши тонкости!...

ХАРИДЕМЪ.

Молчать!

Не то.... (*Замахивается тарелкой*.)

ЦИНИКЪ (*замахиваясь дубиной*).

А вотъ!

ВСѢ (*кромя Люція поднимають тарелки*).

Долой собаку!

ЦИНИКЪ.

Какъ? Что? Да слово мнѣ сказать—
И вы тю-тю!... Полѣзли въ драку
За то что тостъ не вкусень былъ?

(*Всѣ остаются неподвижны*.)

ЛЮЦІЙ *(вставая съ своего мѣста).*

И это Римляне! Нѣтъ силъ
Терпѣть ихъ долѣ!...

(Въ саду раздаются звуки тилпановъ, и вакханки вторгаются въ залу.)

1-й РИТОРЪ.

Охъ, отлегло!... Ну, самъ Кронидъ
Надъ нами сжалился!...

ВСАДНИКЪ.

Паулина, Туллія, Метелла....
Весь цвѣтъ двора!...

(Вакханки окружаютъ пирующихъ, наливаютъ чаши. Клики, хохотъ, оргія.)

ЦИНИКЪ *(бросивъ дубину).*

Мясо живое!
Ко мнѣ, ко мнѣ! эванъ, эвоэ!...

(Гоняется за женщинами, качаясь изъ стороны въ сторону, прицѣлывая пальцами и напѣвая.)

Вакханочки, вакханочки,
Смугляночки, бѣляночки!
Ужель я вамъ не милъ?
Я старенькій, я гаденькій,
Да вотъ поѣлъ говядинки
И юность ощутилъ!

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ (*въ сторону къ Симплицію*).

Ну гость! И эдакаго гада
Терпѣть!

СЕНАТОРЪ СИМПЛИЦІЙ (*разводя руками*).

Что дѣлать? жить вѣдь надо!

АСПИЦІЙ.

Кто жь этотъ циникъ? Подучень
Былъ Люціемъ или шпіонъ?

СИМПЛИЦІЙ (*пожимая плечами*).

Все можетъ статья!....

(Посреди кликовъ, спора, пѣсенъ, хохота, музыки и танцевъ, нѣсколько вакханокъ окружаютъ Люцію.)

ОДНА ВАКХАНКА (*отстраняя другихъ*).

Онъ не любезень вовсе съ нами!
Да брось же ты своихъ вралей!
Пойдемъ на воздухъ! Ночь звѣздами
Горить!... Иди, иди скорѣй!
Здѣсь гадость! пьяные! дерутся!
А тамъ прохлада! тишина!
Иди же.... такъ ли расстаются
Съ друзьями?

ЛЮЦІЙ.

Хороша, умна,
И какъ всегда неотразима!
Идемъ!...

ВАКХАНКА.

На память о тебѣ
Я твой аграфъ беру себѣ.
Тебѣ не жаль?

ЛЮЦІЙ.

Всѣ перлы Рима
Къ твоимъ ногамъ!

ВАКХАНКА.

Ты льстецъ! Скажи
Серіозно, только безо лжи,
Съ чѣмъ для тебя всего труднѣе
Разстаться въ жизни?

ЛЮЦІЙ.

Можетъ-быть
Съ мгновеньемъ тамъ въ пустой аллеѣ,
Иль въ гротѣ, гдѣ съ тобой забыть
Могу я жизнь и смерть!

ВАКХАНКА.

Вотъ мило!
И какъ глядитъ притомъ уныло!

ЛЮЦІЙ.

Ты и всему конецъ!

ВАКХАНКА (*смѣясь*).

Еще!

Еще!... (*Задумчиво.*) А ты вѣдь горячо
Простишься съ жизнью?

ЛЮЦІЙ.

Всею силой!

ВАКХАНКА.

Гдѣ жъ твой аграфъ? Идемъ же въ садъ!

ДРУГІЯ ЖЕНЩИНЫ (*окружая ихъ*).

А намъ на память на дарятъ?

ЛЮЦІЙ.

Рабъ! драгоценности, камня,
Принестъ сюда.... все вамъ дарю!

(*Къ ней.*)

И такъ счастливое мгновенье....

(*Рабы берутъ одинъ ящикъ, потомъ приносятъ другой, третій и высыпаютъ на столъ золото, камни, и проч. Все кидаются на нихъ.*)

ВАКХАНКА.

Я только, Люцій, посмотрю...!

ЛЮЦІЙ.

Изъ рукъ какъ змѣйка ускользнула....
Ее задавятъ тамъ.... ой, ой,
Какъ циника она толкнула!

ВЪ ТОЛПѢ (*около драгоценностей давка и клики*).

Мое! Я прежде взялъ! Разбой!

РИТОРЫ (*переглянувшись между собою*).

Забрать да тягу! и домой!... (*Пробиваются в толпу*.)

ПУБЛИЙ (*мгновенно колебавшийся*).

На память ввучкѣ развѣ... (*Протискивается в толпу*.)

ВЪ ТОЛПѢ.

Стой!

Задавать! Да не все ты хапай!

А ты опять съ своею лапой!

(*Диникъ, совсѣмъ пьяный, вылетаетъ, вытолкнутый изъ толпы и падаетъ на ложе въ углу комнаты. Въ глубинѣ сцены появляются Марцеллъ и Лида*.)

ЛЮЦІЙ (*смотря на давку*).

О боги! Что за кутерьма!

Вѣдь это звѣри! тигровъ стадо

Надъ мерзкой падалью!

МАРЦЕЛЛЪ (*вдали*).

О тьма!

О снѣдь клокочущаго ада!

ЛЮЦІЙ.

Да вы не спорьте! все добро,

Вся эта вила! все здѣсь ваше!

Тащите вазы, кубки, чаши,

Все золото и серебро!

(*Къ рабамъ*.)

Все открывайте! все ломайте!
Всѣ кладовыя, сундуки!
Всѣ двери настежь! Прочь замки!
И вы себя не забывайте!

(Толпа хватается со стола все что можетъ, серебро, чаши и проч., опрокидываетъ канделябры, и оставивъ комнату въ полумракѣ, бѣжитъ за рабами, восклицая:)

Ура! ура! ты, Люцій, — богъ!

ЛЮЦІЙ.

Стократъ проклятье вамъ! И могъ
Съ ватагой этой ненасытной
Однимъ я воздухомъ дышать!...

ЦИНИКЪ (который тщетно пробовалъ идти за толпою, упадаетъ опять на ложе и кричитъ).

Хозяинъ! будешь умирать,
Такъ разбуди!... Прелюбопытно!

(Засыпаетъ.)

ЛЮЦІЙ.

О Римъ, о Римъ!... Нѣтъ! жить нельзя!

(Быстро подходитъ къ своему мѣсту и беретъ кубокъ съ отравленнымъ виномъ.)

ЛИДА (бросается къ нему и удерживаетъ).

Постой, о Люцій!

ЛЮЦІЙ.

Лида! ты ли?
Марцель! Друзья мои, друзья!
О, боги мнѣ не измѣнили!
Вы здѣсь!...

ЛИДА.

Мы здѣсь!... Есть время!... Ты спасень!

ЛЮЦІЙ.

Спасень?... Но что съ тобою Лида?
Какъ ты блѣдна? Какой нарядъ?
И эта темная хламида,
Покровъ твой бѣлый!... Какъ горять
Твои глаза!... Гдѣ ты скрывалась?...
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты по ристалищу промчалась
На колесницѣ золотой....
Сама конями управляла,
И оглянулась на меня —
Весельемъ, розами сіяла,
Мнѣ въ даръ улыбку урочья!

ЛИДА.

Съ тѣхъ поръ все, Люцій, измѣнилось,
Вся жизнь моя!... Да! я нашла
Чего искала, чѣмъ томилась, —
И это счастье принесла
Тебѣ: я христіанка!

ЛЮЦІЙ.

Боги!

Ты? Лида?

ЛИДА.

Жизнь моя была
Полна безумствъ, полна тревоги
Пустой, ничтожной!... Ты умень,
О Люцій!... ты тщету мірскую
Давно постигъ.... Жизнь эта сонъ!...

ЛЮЦІЙ.

Что ты лепечешь?

ЛИДА.

Жизнь иную
Христось открылъ намъ! Онъ велѣлъ
Все бросить! Жить одной душою!...

ЛЮЦІЙ.

Философъ милый! Что съ тобою?

ЛИДА (*въ отчаяньи*).

Да говори, Марцелль!

ЛЮЦІЙ (*съ удивленіемъ*).

Марцелль?

ЛИДА.

Онъ — нашъ! христіанинъ!...

ЛЮЦІЙ (*серіозно*).

Смѣяться

Вы надо мной пришли, друзья?...

ЛИДА.

Нѣтъ, Люцій! Истина скриваться
Не можетъ! Римъ, и міръ, и вся
Вселенная познаетъ Бога,
Который намъ велитъ любить
Другъ друга и добро творить.
И скоро! Насъ теперь ужь много
И здѣсь.... между рабовъ твоихъ....
Взгляни, вотъ тутъ стоитъ ихъ трое:
Они не грабятъ! Нѣтъ! Земное
Ничто сокровище для нихъ!
Вотъ тотъ старикъ былъ поднять нами,
Чуть живъ, избитый.... *(къ рабу:)* Ближе, Титъ!

(Титъ упадаетъ къ ногамъ Люція и плачетъ, склонивъ голову къ его коленнымъ.)

ЛИДА.

Ахъ, Люцій! Язвами покрытъ,
Онъ не ругался надъ врагами!
Простилъ и твоему отцу,
Которымъ взятъ былъ, и къ кольцу
Прикованъ.... Часто со слезами
Онъ вспоминаетъ, какъ ходилъ
Къ нему дитей ты, и любилъ
Его разказы.... Скиѣъ суровый
Утѣшенъ былъ, и сталъ иной,
Младенецъ чистый, полнъ одной
Святой любовію Христовой!...

ЛЮЦІЙ *(положа руку на голову Тита).*

Мой старый пѣстунъ!

ТИТЬ (*тихо и искренно*).

Обратись,
Дитя мое! Проснись, проснись!
Свѣтъ возсіялъ! Мы ходимъ въ свѣтъ—
Мы—неразумные! Мы—дѣти!
А ты такъ мудръ!

ЛИДА.

Вотъ, Люцій, тутъ
Вотъ эти двое.... что хотѣли
Тебя убить.... И только ждуть
Чтобъ ты простилъ ихъ.... Неужели
Ты не простишь?

(*Рабы становятся на колѣни въ нѣкоторомъ отдаленіи.*)

ЛЮЦІЙ.

Я все успѣлъ
Давно забыть!... Ну, встаньте! Будетъ!

РАБЫ (*удаляясь*).

Господь тебя не позабудетъ
Во царствіи своемъ!

ЛЮЦІЙ.

Марцелъ!
Марцелъ! Какое ослѣпленье!
Пусть Лида—пылкія мечты!
Рабы—они рабы!... Но—ты!
Нѣтъ, я тебя не понимаю!
Я христіанъ видалъ и знаю.

Въ ихъ головахъ какой-то сбродъ
Фантазій дикаго Востока,
Слеза въ глазахъ, и рѣчь пророка,
И казнь—ихъ счастье!...

МАРЦЕЛЛЬ.

И вотъ
Насъ это счастье завтра ждетъ!

ЛЮЦІЙ.

Патрицій! Вождь! Стратегикъ славный.
Марцелль, проведшій жизнь свою
Въ походахъ, въ лагерѣ, въ бою,—
Одинъ, быть-можетъ, предкамъ равный,
И вдругъ идетъ—смѣшно сказать!
Изъ отвлеченнаго понятья,
Чтобъ доказать, что люди братья,
Что духъ бессмертенъ—умирать!

МАРЦЕЛЛЬ.

Для вашихъ риторовъ, конечно,
Смѣшно, что люди вдругъ идутъ
На смерть, какъ армія, безъ смуть,
И сами, изъ-за мысли вѣчной!
Не то еще увидятъ: сынъ
Оставитъ мать, братъ кинетъ брата,
Не будетъ праздниъ ни одинъ!
Мечъ въ міръ внесень, и нѣтъ возврата!
Вѣрь, говорю я не въ бреду.
Ты знаешь, взглядъ мой въ битвѣ вѣренъ:
Я зналъ всегда, куда иду....
Для васъ, мой милый, бой потерянь!

Когда увидить въ циркѣ Римъ,
Какъ мы за истину стоимъ,
Узнать захочеть что за люди?
Какая сила въ нихъ живетъ?
И изъ гонителей и судій,
Вѣрь, не одинъ къ намъ перейдетъ!
Со мной самимъ все такъ случилось.
Въ аренѣ видѣлъ я двухъ дѣвъ;
Когда на нихъ рванулся левъ,
Лицо ихъ свѣтомъ озарилось!
Я даже вскрикнулъ! А вѣдь кровь
Видалъ!... Да, да! Родиться вновь
Должны мы всѣ!... Когда бывало
Ѣзжалъ изъ стана я сюда,
Отъ омерзенья и стыда
Душа во мнѣ изнемогала!
Не разъ я думалъ и тогда—
Привестъ свои бы легіоны,
Да этотъ Римъ раззолоченый
Весь разнести бы по клочкамъ!
И разнеси бѣ!... А что же тамъ?
Потомъ?... Ты, Люцій, ты купался
Самъ въ этомъ омутѣ! Плѣнялся
Искусствомъ, красотою женъ!
Ты славой предковъ ослѣпленъ!
Изнѣженъ лѣнью и покоемъ,
И съ Римомъ такъ связалъ себя
Что быть въ глазахъ его героемъ
Еще такъ важно для тебя!...
Не предкамъ вывести насъ изъ грязи!
Нѣтъ! съ ними порваны всѣ связи!
Нѣтъ, отрекись ото всего,
На чемъ они сооружали
Величье Рима своего!

Они лишь въ цѣпи заковали
Весь этотъ міръ,—и для чего?
Чтобъ прочнымъ онъ служилъ подножемъ
Величью евнуховъ, вралей,
Со всѣмъ ихъ чванствомъ и безбожьемъ
Всего боящихся дѣтей!

ЛЮЦІЙ.

Постой, Марцелль!... Жизнь нынче—бремя!
Самоубійство въ наши дни—
Вся наша доблесть, но они
Пройдутъ! Настанетъ лучше время!
Поймемъ и глубже примемъ мы
Тотъ свѣтъ, который дали міру
Великой Греціи умы...
Давно ль взялися мы за лиру,
Платона знаемъ?

МАРЦЕЛЛЬ.

И объ немъ
Кричимъ и споримъ за виномъ!

ЛЮЦІЙ.

Сначала солнце озаряетъ
Верхушки горъ....

МАРЦЕЛЛЬ.

Гдѣ ледъ сіяетъ!
Жизнь—тутъ, внизу! Нѣтъ, ты сойди
Съ своихъ высотъ! и не гляди,
Что тутъ темно порой и тѣсно,
И про Платона неизвѣстно!...

ЛИДА.

Живи для бѣдныхъ и простыхъ!
Иную жизнь въ душѣ пробудишь!
Умалъ себя для блага ихъ,—
И больше ты и лучше будешь!
И все давно ужъ началось!
Вездѣ, вездѣ прошелъ Христосъ!
Смотри, отъ моря и до моря
Тебѣ предъ именемъ Христа
Открыты двери! Нѣту горя,
Нигдѣ слеза не пролита,
Чтобъ на другомъ концѣ вселенной
Не отозвались ей сердца!
Забудь величье мудреца!
Смири въ себѣ свой умъ надменный!...

ЛЮЦИЙ.

Великодушныя мечты,
Но все, Марцелль, мечты пустыя! *(Одушевляясь и
рѣшительно.)*
Нѣтъ, не сойду я съ высоты!
И что за дѣло, что чужіе
Мнѣ будутъ неучъ и глупецъ!
То, что умою я постигаю,—
Одно мое! И тѣмъ, я знаю,
Я выше ихъ, простыхъ сердецъ!
И если есть душа вселенной,
Есть божество,—оно во мнѣ,
Въ моемъ умѣ, и вѣкъ въ войнѣ
Съ твоей толпой непосвященной!

МАРЦЕЛЛЬ.

О гордость, гордость!

ЛЮЦІЙ.

Можеть-быть

Въ угоду имъ я долженъ буду
Все чѣмъ горжусь я—позабыть!
Повѣрить лжи! повѣрить чуду!...

ЛИДА (перебивая Люцію, въ крайней степени одушевленія, говоритъ быстро, неудержимымъ потокомъ).

Нѣтъ, Люцій, въ насъ не ложь! Не трать
Противорѣчій попустому!
Что могъ Христосъ равно сказать
Рабу и нищему простому,
И мудрецамъ, и богачамъ,
И чистой дѣвѣ, и несчастной,
Для всѣхъ одно, для всѣхъ такъ ясно,
Понятно, близко всѣмъ сердцамъ,
То, Люцій, быть не можетъ ложью!
Христосъ зналъ всѣхъ, ко всѣмъ входилъ
Въ дома, со всѣми говорилъ...
Онъ пробуждалъ лишь правду Божью
Что въ насъ жила, во всѣхъ сердцахъ!
Ко всѣмъ страдающимъ и сирымъ,
Ко всѣмъ убитымъ гордымъ міромъ,
Одинъ, съ участіемъ въ очахъ,
Пришелъ Онъ и открылъ объятя,
И всѣмъ сказалъ Онъ: все вы братья!
И всюду съ вами буду Я!
И всюду, гдѣ Его семья,
Какъ добрый пастырь между паствы,
Онъ тамъ—ты чувствуешь—Онъ тамъ!
Благословляетъ питья, яствы,
Самъ раздаетъ ихъ бѣднякамъ....

Въ темницѣ, въ мглѣ, гдѣ только муки
И ярости былъ вѣчный стонъ,
Гдѣ тысячи страдаютъ, Онъ
На всѣхъ распростираетъ руки,
Всѣхъ утѣшаетъ—и злодѣй,
Душой смягчается своей!...
Ахъ, Люцій! выше нѣту счастья,
Какъ вызвать ласкою участя
Слезу у тѣхъ, кто слезъ не лилъ
Еще ни разу въ умиленьи!
Какъ воскъ онъ будетъ, и душой
Къ тебѣ прильнетъ, и за тобой
Пойдетъ какъ агнецъ въ путь спасенья,
Какъ за Христомъ пошелъ ты самъ!
Но нѣтъ! я чувствую, все блѣдно
Что я скажу, все мало, блѣдно!...
Послушай! Подъ землею, тамъ,
У насъ есть храмы.... все аркады!...
Тамъ цѣлый городъ! все лампы,
Гробницы!... Много, много слезъ
За всѣхъ тамъ, Люцій, пролилось!
Тамъ—наши старцы!... Тѣ видали
Христа, какъ я тебя, слышали
Какъ Онъ училъ.... послушай ихъ!
Они слова Христовы знаютъ!
Все помнятъ, свято сохраняютъ....
Что за слова, о Люцій!... въ нихъ
Такая сладость! Упадаютъ
Они на сердце, какъ роса
На травы! какъ елей на раны!
Влекутъ, влекутъ на небеса,
Гдѣ самъ Онъ, славой оссіянный,
Какъ царь вселенной, чистый свѣтъ,
Насъ ожидаетъ съ пальмой!... Нѣтъ!

Узнавъ Его, ты будешь рваться,
Чтобъ слиться съ нимъ!... Въ немъ потеряться
Какъ въ океанѣ капля!... Миръ
Покажется тюрьмою тѣсной,
Гдѣ ты тоскуешь, нищъ и сиръ,
По свѣтлой родинѣ небесной,
И какъ на пиръ пойдешь въ тюрьму,
На смерть, чтобъ вырваться къ Нему!

ЛЮЦІЙ,

Ахъ, Лида, Лида!... Гдѣ ты, Лида?
Въ какихъ лучахъ твоя душа
Голубкой рветъ?... Чуть дыша
Тебя я слушаю!... изъ вида
Теряю... Какъ ты хороша!
О да, клянусь! Одна бъ ты нынѣ
Могла мнѣ дать желанье жить!
Одна могла бы мнѣ въ пустынѣ
Путеводительницей быть!
Да! какъ въ пустынѣ караваны
За вереницей лебедей
Идутъ въ невѣдомыя страны
Искать прохлады и ключей,—
Я въ слѣдъ пошелъ бы за тобою—
Хоть любоваться на тебя,
И твоего Христа, душою,
Въ тебѣ, быть-можетъ, полюбя!

МАРЦЕЛЛЬ.

О Люцій! женщиной безсильной
Пренебрегали мы! Но Онъ
Дѣла великія обильно
Творитъ руками слабыхъ женъ!

Иди за ней! Ея устами
Онъ самъ зоветъ тебя! иди!
Мы новобранцы! тамъ—вожди!
Мы смотримъ все еще очами
Земными! Но для тѣхъ мужей
Земли ужъ нѣтъ! Свободно, смѣло,
Надъ бурнымъ моремъ жизни сей
Паритъ ихъ духъ, какъ голубь бѣлый!
Послушай ихъ!... И Люцій, вотъ—
Смотри—вотъ здѣсь же, въ этомъ залѣ,
Въ подземный городъ нашъ есть ходъ....

(Отворяетъ потайную дверь въ ниши.)

ЛЮЦІЙ.

Какъ? тайный ходъ? и это знали
Одни рабы?...

ЛИДА.

Изъ всѣхъ домовъ,
Изъ тюремъ, изъ црковъ, изъ садовъ
У насъ такіе жь ходы!

ЛЮЦІЙ *(смотря въ катакомбы).*

Боги!

Тамъ свѣчи... цѣлые чертоги...
Толпа людей....

МАРЦЕЛЛЪ *(торжественно Люцію, который неподвижно смотритъ въ катакомбы).*

Весь Римъ подрытъ!
Подъ старымъ Римомъ, Римъ ужъ новый,

Преобразить его готовый,
Во всеоружіи стоитъ!...
Тамъ нѣтъ рабовъ! тамъ нѣтъ богатыхъ!
Тамъ другъ предъ другомъ все равны!
Тамъ нѣтъ презрѣнныхъ и проклятыхъ!
Тамъ падшіе обновлены!
Тамъ чудеса любви увидишь—
И имъ повѣришь ты!

ЛИДА.

И выйдешь
Потомъ на смерть у насъ въ рядахъ,
Съ улыбкой свѣтлой на устахъ,
На небо очи устремляя!...
Ты слышишь гимны... они поютъ—
Подъ цѣлымъ Римомъ ждуть лишь знака,
И отовсюду, вдругъ, изъ мрака
На смерть съ веселіемъ пойдутъ!

ЛЮЦІЙ (*самъ съ собою*).

Весь Римъ подрывать!... Глазамъ не вѣрю:
На казнь идти и гимны пѣть,
И въ пасть некормленному звѣрю
Безъ содроганія глядѣть!
Ужь тутъ не бунтъ.... (*Къ Марцеллу.*)
Но кто жь вы, кто вы?

(*Съ строгимъ упрекомъ.*)

Марцеллъ? Вѣдь Римъ готова новый,
Ты губишь старый! Римъ отцовъ!
Созданье дѣлъ ихъ! Центръ вселенной,
Свѣтило міра.... для презрѣнной

Толпы безмысленныхъ рабовъ!...
Рабы! Марцелль!... Да гдѣ мы? гдѣ мы?
Для нихъ вѣдь камни эти нѣмы!
Что намъ позоръ, имъ не позоръ!
Они предъ этими мужами
Не заливались слезами,
Съ стыдомъ не потупляли взоръ!
И ты, ты смѣешь отказаться
Ото всего, чѣмъ ты съ пеленъ
Вспоенъ и вскормленъ! оторваться
Ото всего съ чѣмъ ты рожденъ!
Я пью отраву: гражданину
Одинъ остался долгъ святой...
Но тѣмъ лишь вызовъ къ внукамъ кину —
И Римъ не кончится со мной!

МАРЦЕЛЛЬ.

Пусть не одни лишь камни Рима,
А Фивъ, Аѳинъ, Ерусалима
Повсюду вопіють тебѣ
Какія слезы тамъ пролиты,
Какія жертвы тамъ убиты!
Признай подобнаго себѣ
Въ угрюмомъ варварѣ, въ рабѣ,
Люби весь міръ, какъ Римъ ты любишь,
И ты тогда — христіанинъ!...

ЛЮЦІЙ.

Марцелль, Марцелль! вѣдь Римъ одинъ!

МАРЦЕЛЛЬ.

Одинъ! ты тѣмъ его и губишь!
Одинъ, какъ міръ на раменахъ

Атланта! міръ неправдъ! Но, время!
Тотъ, Кто одинъ лишь мудръ и благъ,
Съ него снимаетъ это бремя,
И горе тѣмъ, кого въ распахъ
Найдетъ судить грядущій Богъ!...

(Бьетъ полночь).

ЛЮЦІЙ *(очнувшись).*

Последній срокъ!

МАРЦЕЛЛЬ.

И нашъ онъ тоже!...

ЛИДА.

Ты гибнешь, Люцій! вѣчный ждетъ
Тебя огонь!... о Боже! Боже!

ЦИНИКЪ *(который спалъ въ углу на л-
ожь, просыпается).*

Хозяинъ умеръ? Полночь бьетъ!

МАРЦЕЛЛЬ.

Вотъ онъ, твой Римъ, тебя зоветъ!

ЦИНИКЪ *(привставъ).*

Да ты въ компаніи... съ дѣвицей...
Ну, братъ, и видно, что патрицій...

*(Идетъ къ Люцію, но останавливается,
услышавъ раздавшееся изъ катакомбъ пѣ-
ніе. Взоры всѣхъ обращаются туда.)*

ЛИДА (восторженно).

Идутъ! идутъ! желанный часъ!

(Къ Люцію.)

О Люцій! неужель отстанешь
Одинъ, во мракъ, ты отъ насъ!
И міру съ нами не предстанешь
Сказать кто мы?

(Христіане въ бѣлыхъ одеждахъ и вънкахъ выходятъ изъ катакомбъ, и не обращая вниманія на присутствующихъ, погруженные въ себя, идутъ къ выходу въ садъ. Они поютъ унисономъ гимнъ, который начинается подъ землею и теряется во мракъ сада.)

ЦИНИКЪ.

Да что я? сплю?
Изъ-подъ земли выходятъ люди....
Ну, этихъ лицъ я не люблю!

ЛЮЦІЙ.

Всему чужіе.... точно къ пиру
Идутъ на смерть они—въ вѣнкахъ!...
Презрѣнье къ мукамъ, къ смерти, къ міру....
И въ комъ же? въ варварахъ! въ рабахъ!
О Римъ! о Римъ!....

(Смотритъ на христіанъ съ нѣмымъ отчаяніемъ.)

ГИМНЪ ХРИСТИАНЪ.

Будьте, братья, день и ночь готовы къ битвѣ!
Стойте, не гася лампы, на молитвѣ!

Онъ подкрадется какъ тать ночью—день судный;
Горе тѣмъ, кто спалъ дотолѣ непробудно!

Вострубятъ въ трубу архангелы святыя,
Встанутъ мертвые, возымутъ страхъ живые.

Потухающія солнца узрять въ страхѣ
Тварь земную цѣпенящую въ прахѣ.

Узрять новый свѣтъ, очамъ невыносимый,
Онъ прійдетъ—Судія неумолимый!

И предстанутъ всѣ, рабы и властелины,
И одна всѣмъ будетъ мзда и судъ единый....

Горе обуяннымъ міра славой тлѣнной,
Васъ поглотятъ нѣдра огненной геенны!

Радуйся слезами путь свой окропившій,
Въ суетномъ семъ мірѣ чашу мукъ испившій!

Радуйся пріавшій свѣтъ Христовъ съ любовью,
Вѣчное блаженство искупившій кровью....

ЛИДА.

О, Люцій! Этотъ гимнъ святой
Ты слышишь.... Міръ съ его красой
Пройдетъ! Одинъ лишь Бога полный,
Христомъ спасенный, вѣченъ духъ!...

ЛЮЦІЙ.

О томъ что будетъ, милый другъ,
Мои оракулы безмолвны!

МАРЦЕЛЛЬ.

Итакъ, ты, Люцій, противъ насъ?
Не съ нами?

ЛЮЦІЙ (*рѣшительно и вставая*).

Противъ, противъ васъ!
Я Римлянинъ! Я умираю
За Римъ....

МАРЦЕЛЛЬ.

А мы—за міръ!...

ЦИНИКЪ.

Чего?

За Римъ? За міръ? Ужь тонко, право!
Гдѣ жь смыслъ-то тутъ, скажите, здравый!...
(*Къ Лидѣ.*) А ты, дѣвица, за кого?

ЛИДА.

И за тебя, быть-можетъ!...

ЦИНИКЪ.

Браво!

Чтобъ не было обидно!.....

ЛЮЦІЙ.

Нѣтъ, я не вашъ, Марцелль!.....
Все чѣмъ великъ мой духъ, чѣмъ разумъ
Могучъ и свѣтелъ—далъ мнѣ Римъ!
И пусть идуть всѣ боги разомъ,
Онъ презритъ ихъ, какъ, полный имъ,
Я презираю смерть!...

(*Выпиваетъ чашу и склоняется на лозѣе.*)

ЦИНИКЪ.

Брр! Кисло!...

ЛИДА (*хлопочетъ около Люційа*).

Люцій! Бѣдный Люцій!...

МАРЦЕЛЛЪ (*внѣ себя*).

Безумецъ! Гордъ, упрямъ и слѣпъ!
Искалъ, голодный, вѣкъ свой хлѣба,
И хлѣбъ ему приносятъ съ неба,
И онъ бросаетъ этотъ хлѣбъ!...

ЛИДА (*умоляя*).

Марцеллъ! Онъ умираетъ!

МАРЦЕЛЛЪ.

Что же

Мнѣ дѣлать съ нимъ?

ЛЮЦІЙ (*слабымъ голосомъ*).

Онъ весь какъ былъ—
Все тотъ же воинъ! Тотъ же пылъ!

МАРЦЕЛЛЪ.

Вѣдь я любилъ тебя!... О Боже!
Когда жъ совѣмъ съ души моей
Ярмо грѣха, ярмо страстей
Ты снимешь!

ЦИНИКЪ.

Изъ чего хлопочуть!?

И вѣдь не плуты, не морочуть!...
Не понимаю—хоть убей!

ЛЮЦІЙ.

А мы съ тобой, Марцелль, другъ друга
Мы понимаемъ ли?... Я—сынъ
Своихъ отцовъ и вѣка.... Знаю
Я только Римъ.... Я гражданинъ....
И я... за Римъ свой умираю—
Какъ ты за своего Христа!...
Кто правъ изъ насъ.... другіе скажутъ!...
Намъ не узнать ужь.... никогда!...
И можетъ-быть... на всѣхъ укажутъ
Какъ на глупцовъ.... И изъ чего
Мы хлопотали—также спросятъ
Какъ этотъ циникъ.... (*Умираетъ.*)

1863 *.

КОНЕЦЪ.

* Первая часть поэмы „Люцій“ была написана мною одиннадцать лѣтъ тому назадъ и еще тогда распространилась въ рукописи подъ разными названіями. Въ однихъ спискахъ ее озаглавили „Выборъ смерти“, въ другихъ: „Три смерти“. Авторъ же имѣлъ въ виду одну поэму въ двухъ частяхъ. Вторая часть не удавалась мнѣ, и я оставилъ ее совсѣмъ, а первую часть напечаталъ съ однимъ изъ помянутыхъ названій. Осенью 1861 года принялся я опять за оставленную идею, и теперь представляю свой трудъ на судъ читателя въ томъ видѣ какъ онъ былъ задуманъ, хотя, конечно, во второй части сказалось многое такое изъ прочитанаго авторомъ что дается только жизнію и опытомъ. (Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1863 эта вторая часть была напечатана подъ названіемъ „Смерть Люція“.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТИХОТВОРЕНІЙ А. Н. МАЙКОВА

I. ДОМА:

	Стр.
Упраздненный монастырь. (Глава изъ поэмы <i>Поля</i>)	8
Бабушка и внучекъ.	14
Картичка. (Послѣ манифеста 19-го февраля 1861 г.)	19
Старое и новое. (Отрывокъ изъ поэмы <i>Поля</i>)	21
Западная Русь.	25
Ночь на житвѣ. (Отрывокъ изъ поэмы <i>Поля</i>)	27
Другу Ильѣ Ильичу.	28
Праздноресловы.	31

II. ПОЭМЫ И РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ:

Приговоръ. (Легенда объ Іоаннѣ Гусѣ)	35
Исповѣдь королевы. (Легенда объ Испанской инквизиціи.)	40
Поэтъ и цвѣточница.	55
Пѣсни.	62
Мать.	64
Три правды. (Сказка.)	66
Ковъ. (Изъ сербскихъ пѣсень.)	70
По прочтеніи Байронова <i>Паденія Іерусалима</i>	72
„На бѣлой отмели Каспійскаго поморья“.	73
Изъ Петрарки.	74
Али-Бей. (Изъ Гейне.)	75
Совъ Негра. (Изъ Лонгфелло.)	76
Купальщицы. (Мелодія съ береговъ Ганга.)	78

III. ИЗЪ СТРАНСТВОВАНІЙ:

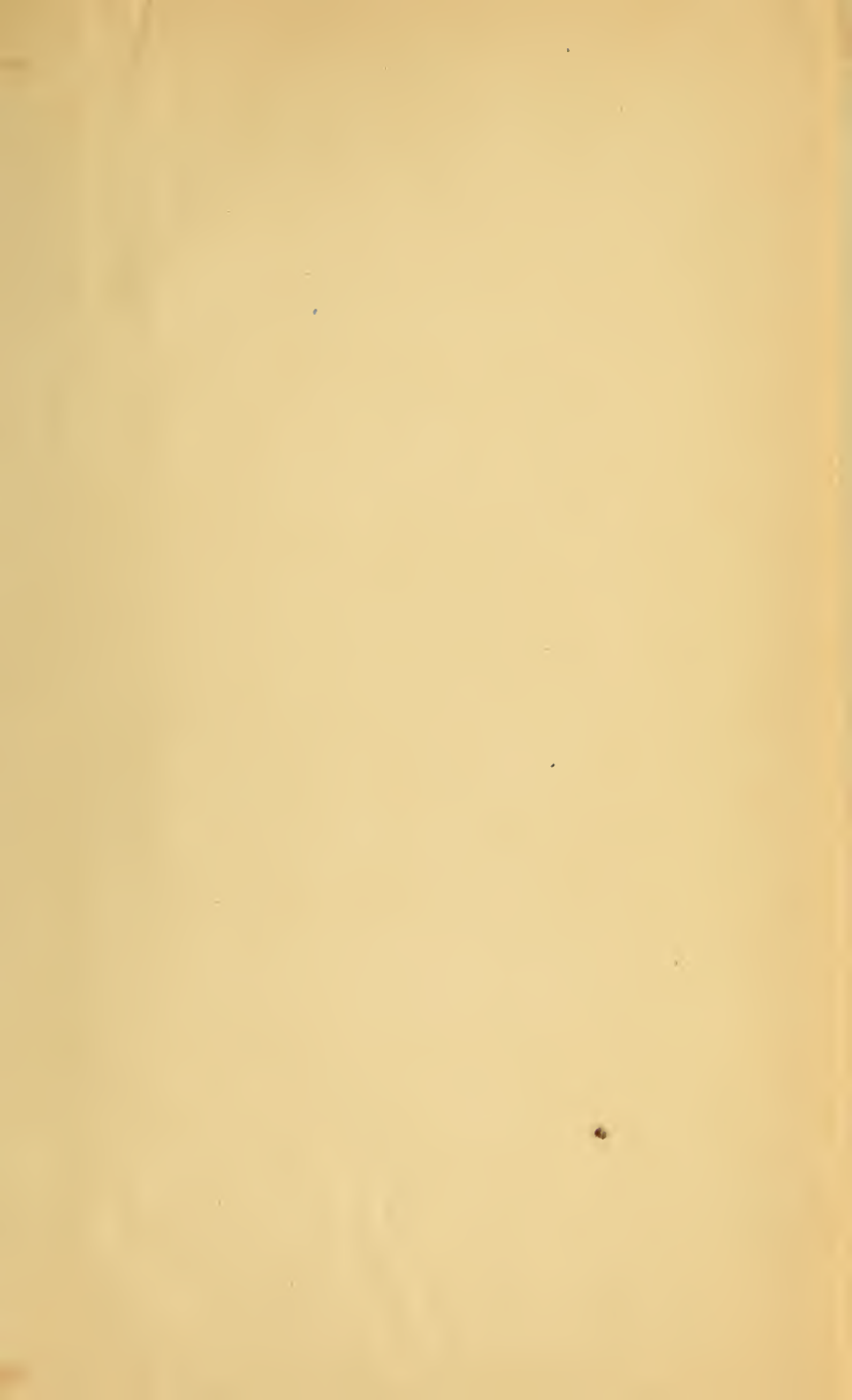
На берегахъ Нормандіи.	81
Въ Альпахъ:	
I. Ледники.	82
II. Альпійская дорога.	—
„Все — серебряное небо!“	84
Мадонна.	85
Неаполитанскій альбомъ:	
I. Довъ-Пеппино.	87
II. „Боже мой, какая вѣга“	88
III. „Вотъ, смотрите, о, миссъ Мери,“	89
IV. Къ миссъ Мери. (Романъ довъ-Пеппино.)	91
V. „Весь Неаполь залитъ газомъ,“	92
VI. „Я люблю въ Café d'Еуропа“	—
VII. „Какое утро! Стихли громы,“	93
VIII. Къ миссъ Мери.	94
IX. „Князь NN, и графъ фонъ-Дум—енъ,“	95
X. „Въ темный храмъ одинъ прокрался“	—
XI. „Вотъ съ рѣзной каедры грозно“	96
XII. „Ахъ, межъ тѣмъ какъ вы стояли“	—
XIII. „Золотой архіепископъ“	97
XIV. Народная пѣсня.	99
XV. Еще изъ народной пѣсни.	—
XVI. „Что за шумъ и крикъ, о, Боже!“	100
XVII. „Вы повсюду, о, миссъ Мери!“	—
XVIII. Два карлина.	101
XIX. Тарантелла.	103
XX. Lacrymae Christi.	106
XXI. „Все ты бредишь Англичанкой,“	108
XXII. „Всѣмъ ты жалуешься вѣчно,“	109
XXIII. „Фердинандъ король былъ рыцарь,“	—
XXIV. „Внѣ ограды Campo Santo,“	110
XXV. „Миссы не бойтесь легкой шутки!“	111
XXVI. „Довъ-Пеппино Русской бредитъ,“	—
XXVII. „Пульчинель вскочилъ на бочку,“	112
XXVIII. „Здѣсь весна, какъ художникъ ужъ славный, работаетъ тихо.“	—
XXIX. „Мнѣ Неаполь опротивѣлъ,“	113
XXX. „Душно! иль опять сирокко!“	—

XXXI. „Говорятъ, со вѣхъ соборовъ“	114
XXXII. „Блеститъ салонъ княгини Зины,“	—
XXXIII. „Народный вожь вступаетъ въ городъ.“	115
Мотивы изъ народной поэзіи нынѣшнихъ Грековъ:	
I. Колыбельная пѣсня.	116
II. Мать и дѣти.	117
III. Двуступія.	118
IV. „Я бѣ тебя поцѣловала,“	—
V. Поцѣлуй.	119
VI. „Свѣтлый праздникъ будетъ скоро,“	120
VII. Старый мужъ.	—
VIII. Пѣвецъ.	121
IX. Олимпъ и Киссавъ.	—
X. Голосъ изъ могилы.	122
XI. Пѣвникъ.	123
XII. Гаданіе.	—
XIII. Цавѣлиха.	124
XIV. Плачь Паргіотовъ.	125
XV. Десно.	126
XVI. Завѣщаніе.	127
XVII. Чужбина.	—
XVIII. Борьба со смертью.	128
XIX. Адъ.	130
XX. „Приволье на горахъ родныхъ, приволье въ темныхъ долахъ“	131
XXI. „Въ темномъ адѣ, подѣ землю“	—
XXII. „Опустѣли наши села;“	132
XXIII. „Птички-ласточки, летите“	133
XXIV. „Сорокъ клефтовъ на зимовку“	—
XXV. „Показалась звѣзда на востокъ“	134
XXVI. „Тихо море голубое!“	135

IV.

ЛЮЦІЙ. Лирическая драма въ двухъ частяхъ	139
--	-----

LIBRARY OF CONGRESS

0 005 872 418 A

